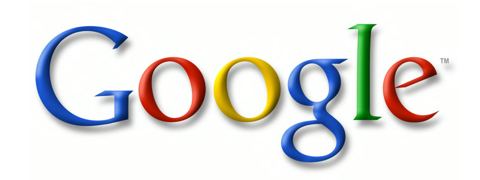

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Медицинскаго Департамента Министерст. Внутр. Дѣлъ.

1824.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи, печатать позволено съ тѣмъ, чтобы до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія оныхъ, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Декабря 12 дня 1823 года.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.

I.

СЛОВО
СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ТОМЪ, ЧТО КТО САМЪ СЕБѢ НЕ ДѢЛАЕТЪ ОБИДЫ, ТОГО НИКТО ОБИДѢТЬ НЕ МОЖЕТЪ *).

Знаю, что для людей грубыхъ, къ настоящему пристрастныхъ, къ землѣ прилѣпив-

*) О семъ сочиненіи, коего одно заглавіе заключаетъ въ себѣ сущность Христіанской Философіи, упоминаетъ самъ Св. Златоустъ въ 4-мъ письмѣ своемъ къ Олимпіадѣ такъ: „Посылаю къ тебѣ нѣчто, недавно „мною написанное, о томъ т. е. что кто „самъ себѣ не дѣлаетъ обиды, того никто „обидѣтъ не можетъ. Вотъ содержаніе Сло„ва, которое теперь посылаю къ тебѣ. „Со вниманіемъ прочитай его и даже, естьли позволитъ здоровье, повтори. А сего „лѣкарства, естьли угодно, довольно для

шихся и чувственнымъ удовольствіямъ порабощенныхъ, а къ умственнымъ не весьма расположенныхъ, настоящее слово покажется новымъ и страннымъ. Они и смѣяться будутъ довольно и ругать насъ, что мы въ самомъ началѣ предлагаемой рѣчи говоримъ нѣчто невѣроятное. Однакожъ мы не оставимъ своего намѣренія, но по тому самому съ большею ревностію постараемся доказать наше предложеніе. Ибо естьли угодно таковымъ людямъ не безпокоиться и не тревожиться, но дождаться конца слова; то я твердо знаю, что они согласятся съ нами, и самихъ себя обвинять

„тебя. Естьли же будешь упрямиться, не „позаботишься сама о себѣ, и, не смотря „на многія сдѣланныя тебѣ наставленія и „увѣщанія, не удалишь скуки отъ духа твоего; то и я не буду уже поблажать тебѣ и не стану посылать къ тебѣ длинныхъ и частыхъ писемъ, естьли ты не „хочешь получать отъ того никакого плода и пользы къ успокоенію духа.“

Изъ приписокъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ видно, что сочиненіе сіе писано изъ Кукусъ, въ 406 году.

будутъ за то, что такъ долго они обманывались. Они тогда другое будутъ говорить, станутъ извиняться и просить прощенія въ томъ, что они имѣли несправедливое понятіе о вещахъ; и много будутъ благодарить насъ, такъ какъ больные выздоровѣвъ отъ болѣзней, мучившихъ тѣло ихъ, благодарятъ врачей. И по тому не произноси суда, какой теперь готовъ у тебя, но подожди, чѣмъ кончится слово, и тогда можешь произнести вѣрный приговоръ, потому что невѣдѣніе не будетъ тогда препятствовать истинѣ сужденія. И въ свѣтскихъ дѣлахъ поставленные судьи, хотя видятъ, что первый ораторъ говоритъ сильно и все, такъ сказать, потопляетъ своимъ краснорѣчіемъ, но не отваживаются впрочемъ произнести приговора, не выслушавъ съ терпѣніемъ словъ и другаго, противника его: но хотя бы первый, по мнѣнію ихъ, говорилъ самую сущую правду, оставляютъ они безпристрастное вниманіе и для другаго. Въ томъ и состоитъ достоинство судей, чтобы они со всею точностію узнали дѣло съ обѣихъ сторонъ, и тогда уже дѣлали собственное заключеніе. Такъ и нынѣ, общій въ народѣ

предразсудокъ, продолженіемъ времени укорѣнившійся въ умахъ людей, какъ бы ораторъ какой, по всей вселенной витійствуетъ и говоритъ: „Все превращено! Въ ро-„дѣ человѣческомъ всюду множество безпо-„рядковъ, ежедневно терпятъ обиды, угнѣ-„тенія, притѣсненія, раззоренія слабые отъ „сильныхъ, бѣдные отъ богатыхъ. И какъ „не можно исчислить волнъ въ морѣ; такъ „нельзя исчислить множества обижаемыхъ, „угнѣтаемыхъ, страждущихъ! Ни дѣйствіе „законовъ, ни страхъ судовъ, ничто не о-„станавливаетъ сей заразы и болѣзни, но „со дня на день умножается зло, и повсю-„ду стонъ, плачь, слезы обидимыхъ. Поста-„вленные для исправленія сего судьи сами „производятъ волненіе и усиливаютъ бо-лѣзнь.“ По сему многіе изъ безсмысленныхъ и несчастныхъ, новымъ какимъ-то объяты будучи бѣшенствомъ, обвиняютъ промыслъ Божій, когда видятъ, что смиреннаго часто волочатъ, терзаютъ, мучатъ; а человѣкъ дерзкій, наглый, подлый и подлаго происхожденія, живетъ богато, облеченъ властію, для многихъ дѣлается страшенъ, причиняетъ безчисленныя бѣдствія смиреннымъ,

и такія наглости происходятъ и въ городахъ и въ селахъ, и въ пустыняхъ, и на сушѣ и на морѣ! И такъ по необходимости надобно было выступить на поприще нашему слову, противостать всему вышесказанному и начать подвигъ, хотя новый и странный, какъ и въ началѣ сказалъ я, но необходимый и должный, и для тѣхъ, которые хотятъ со вниманіемъ выслушать, полезный. Оно докажетъ (только не смущайтесь), что обижаемые не отъ другихъ терпятъ обиды, но сами отъ себя.

Дабы слово наше было яснѣе, изслѣдуемъ сперва, что есть обида и какого рода вещей она обыкновенно касается; потомъ, въ чемъ состоитъ совершенство человѣка, что вредитъ ему, и что вредитъ ему только по видимому, а въ самомъ дѣлѣ не вредитъ. На примѣръ (ибо изъ примѣровъ надлежитъ дополнять слово), каждая вещь отъ чего нибудь терпитъ вредъ, желѣзо отъ ржавчины, шерсть отъ моли, стадо овецъ отъ волковъ. Доброта вина теряется, когда оно перемѣняетъ вкусъ и окисаетъ;—меда, когда онъ лишается свойст-

венной себѣ сладости и перемѣняется въ горькую жидкость. Хлѣбу на полѣ вредитъ застой воды и засуха, виноградным плодамъ, листьямъ и вѣтвямъ злое войско саранчи, другимъ деревамъ червь, и тѣламъ безсловесныхъ различныя болѣзни. Но дабы подробнымъ исчисленіемъ не разширить слова, скажемъ коротко, что и нашему тѣлу вредятъ лихорадки, разслабленія и множество другихъ болѣзней.

И такъ естьли для каждой изъ сихъ вещей есть нѣчто повреждающее ея доброту, то разсмотримъ, что вредно и для человѣческаго рода, и отъ чего повреждается совершенство человѣка? Люди въ семъ случаѣ имѣютъ не одинаковыя мнѣнія. Ибо и погрѣшительныя мнѣнія намъ надобно выставить и опровергнуть оныя, и потомъ указать то, что въ самомъ дѣлѣ повреждаетъ доброту каждаго изъ насъ, и ясно доказать, что никто не обидѣлъ бы насъ и не повредилъ бы намъ, естьли бы мы сами себя не выдавали. Многіе по своимъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ почитаютъ вреднымъ для себя совсѣмъ не то, одни бѣд-

ность, другіе болѣзнь, иные потерю имѣнія, ябеду, смерть, и непрестанно о семъ сокрушаются и плачутъ. Они жалѣя и оплакивая несчастія другихъ, съ изумленіемъ говорятъ другъ другу: какая бѣда случилась съ такимъ-то! Онъ вдругъ лишился всего имѣнія. А иной говоритъ о другомъ: такой-то въ жестокой лежитъ болѣзни, и посѣщавшіе его врачи отчаялись въ его жизни! Одинъ сѣтуетъ и плачетъ о заключенныхъ въ темницахъ, изгнанныхъ изъ отечества и посланныхъ въ ссылку, другой о лишенныхъ свободы, о похищенныхъ врагами и взятыхъ въ плѣнъ; тотъ о потонувшемъ или сгорѣвшемъ, другой о задавленномъ отъ обрушившагося зданія, а никто не плачетъ о живущихъ худо; но, что всего хуже, часто и счастливыми называютъ ихъ, что самое и есть причиною всѣхъ золъ. И такъ (прошу не смущаться, какъ и съ начала просилъ я), покажемъ, что ничто вышесказанное не можетъ сдѣлать вреда человѣку внимательному къ себѣ, и ничто не можетъ лишить его совершенства.

Скажи мнѣ, подлинно, какой вредъ добро-

тѣ человѣка отъ того, что онъ лишился имѣнія и что у него отняли все или ябедники, или разбойники, или домашніе злодѣи? Впрочемъ опишемъ сперва лучше (естьли это такъ кажется), что такое есть доброта человѣка, дабы сдѣлать ее для многихъ вразумительнѣе и яснѣе.

Что называется хорошій конь? Тотъ ли, на которомъ золотая узда и такая же подпруга, чехолъ изъ шелковой ткани сдѣланный, ковры разноцвѣтные, тканые съ золотомъ, голова украшена драгоцѣнными камнями и грива перевита золотомъ; или тотъ, который скоръ на бѣгу, крѣпокъ ногами, выступаетъ стройно и такія имѣетъ копыта, какимъ надобно быть у добраго коня, который довольно силенъ, чтобъ пробѣгать большее разстояніе, что нужно бываетъ на войнѣ, дабы и въ строю онъ могъ выстоять долго и въ случаѣ побѣга спасти всадника? Не очевидно ли, что сіи послѣднія качества составляютъ доброту коня, а не первыя? Что уословъ и лошаковъ назвалъ бы ты добротою ихъ? Не то ли, что они легко мо-

гутъ носить тяжести, удобно проходятъ дороги и ноги имѣютъ твердыя, какъ камень?

Скажешь ли ты, что внѣшнее что нибудь, на нихъ лежащее, увеличиваетъ собственную ихъ доброту? Нѣтъ. Какой хвалимъ мы виноградъ, тотъ ли, на которомъ много листьевъ и вѣтвей, или тотъ, который обремененъ плодами? Въ чемъ поставляемъ доброту маслины? Въ томъ ли, когда она большія имѣетъ вѣтви и весьма много листьевъ, или въ томъ, когда она приноситъ богатые плоды и вся ими усѣяна? Такимъ же образомъ поступимъ и съ людьми. Опредѣлимъ совершенство человѣка, и то только будемъ почитать вредомъ, что нарушаетъ оное.

Въ чемъ же состоитъ совершенство человѣка? Не въ деньгахъ, и потому не бойся нищеты; не въ здравіи тѣлесномъ, и потому не страшись болѣзни; не въ сужденіи народномъ, и потому не смотри на худую молву; не въ томъ, чтобы жить просто и безъ печалей, и потому не страшна для тебя смерть; и не въ свободѣ, и потому не бѣгай отъ рабства: но въ вѣрномъ и правильномъ

образѣ мыслей и въ доброй жизни. А сего и самъ діаволъ отнять не можетъ, естьли имѣющій сіе сберегаетъ съ надлежащимъ раченіемъ. Знаетъ это и лукавѣйшій и лютѣйшій оный демонъ. Ибо онъ Іова лишалъ имѣнія не для того, чтобы сдѣлать его бѣднымъ, но чтобы вынудить изъ него богохульное какое нибудь слово. И тѣло его поразилъ не для того, чтобы сдѣлать его немощнымъ, но чтобы поколебать твердость души. Однакожъ употребивъ всѣ свои хитрости и изъ богатаго сдѣлавъ бѣднымъ, (что для насъ кажется всего ужаснѣе) изъ многочаднаго бездѣтнымъ, и растерзавъ все его тѣло гораздо хуже, нежели палачи въ судилищахъ (ибо когти ихъ не такъ терзаютъ ребра попавшихся къ нимъ въ руки, какъ черви грызли плоть его), произведши худое о немъ мнѣніе (ибо друзья въ глаза ему говорили, что не довольно ты наказанъ за свои грѣхи, и много насказали въ укоризну его), и не только выгнавъ его изъ города или изъ дома и въ другой переселивъ городъ, но пометъ сдѣлавъ для него и домомъ и городомъ, не только ни мало не повредилъ ему; но злымъ умысломъ своимъ еще выста-

вилъ его достоинство. И отнявъ у него столько, не только не отнялъ у него ничего, но и доставилъ ему большее богатство добродѣтели. Іовъ большую послѣ того получилъ смѣлость, такъ какъ труднѣйшимъ подвизавшійся подвигомъ. Естьли же тотъ, кто столько потерпѣлъ, и притомъ терпѣлъ не отъ человѣка, но отъ злѣйшаго всѣхъ человѣковъ духа, ни мало не сдѣлался несчастнымъ; то кто послѣ сего можетъ имѣть извиненіе, когда говоритъ, что такой-то сдѣлалъ меня несчастнымъ и нанесъ мнѣ вредъ? Ибо естьли діаволъ, въ которомъ столь много злобы, употребивъ всѣ свои орудія и пустивъ всѣ стрѣлы, и всѣ, какія есть у людей бѣдствія съ преизбыткомъ обративъ и на домъ праведника и на тѣло его, ни мало не сдѣлалъ несчастнымъ сего мужа; но еще, какъ сказалъ я, болѣе пользы принесъ ему: то какъ могутъ нѣкоторые винить того и того, яко бы они отъ нихъ, а не сами отъ себя терпятъ обиды?

Какъ же, скажутъ, не сдѣлалъ ли онъ вреда Адаму? не довелъ ли его до паденія и не изгналъ ли изъ рая? Нѣтъ, это не онъ,

но небреженіе падшаго, невниманіе къ себѣ и небодрствованіе. Ибо тотъ, который столь тяжкія и столь многія употребивъ козни, не могъ и Іова побѣдить, могъ ли бы при меньшихъ усиліяхъ преодолѣть Адама, естьли бы сей по своему небреженію самъ себѣ не измѣнилъ?—Какъ? ужели тотъ, у кого по доносу ябедниковъ имѣніе взято въ казну, не обиженъ, когда онъ лишился всего имущества, потерялъ отеческое наслѣдство и борется съ крайнею бѣдностію? Конечно не обиженъ, но еще и пользу получилъ онъ, естьли онъ внимателенъ къ себѣ. Ибо скажи мнѣ, какой вредъ нанесло сіе Апостоламъ? Не съ голодомъ ли и жаждою и наготою безпрерывно боролись они? Но по тому самому тѣмъ болѣе и были славны и знамениты, и великую отъ Бога получали себѣ помощь. Какой вредъ Лазарю причинила болѣзнь, и раны и нищета, и безпомощное состояніе? Не изъ сего ли наипаче сплетены ему вѣнцы? Какой вредъ для Іосифа то, что онъ въ худомъ былъ мнѣніи въ собственной землѣ и въ чужой? Ибо его звали и прелюбодѣемъ и блудникомъ. Повредило ли ему рабство, и удаленіе изъ отечества?

Не потому ли наиболѣе хвалимъ его и удивляемся? Но что я говорю о удаленіи изъ отечества, и о бѣдности, и о худомъ мнѣніи, и о рабствѣ? Самая смерть какой причинила вредъ Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и такая, которую дерзнула нанести рука братняя? Не потому ли вездѣ во вселенной прославляется онъ? Видишь, какъ слово мое доказало болѣе, нежели сколько обѣщано? Ибо оно показало, что не только никто не терпитъ вреда отъ другихъ, но еще получаютъ болѣе выгоды тѣ, которые сами къ себѣ внимательны.

Для чегожъ, скажутъ, казни и мученія? Для чего геенна? Для чего столько угрозъ, естьли никто не терпитъ вреда и никто не дѣлаетъ вреда?—Что ты говоришь? Для чего смѣшиваешь понятія? Я не сказалъ, что никто не дѣлаетъ вреда, но что никто не терпитъ вреда. А какъ это быть можетъ, скажетъ кто нибудь, чтобы, тогда какъ многіе дѣлаютъ вредъ, никто не потерпѣлъ вреда? Такъ, какъ я теперь сказалъ. Іосифу сдѣлали вредъ братья, но онъ не потерпѣлъ вреда. И на Авеля злоумышлялъ Каинъ, но

онъ не подпалъ злоумышленію. Для сего казни и мученія. Ибо Богъ не уничтожаетъ наказаній за то, что страждущіе добры, но определяетъ мученія за злобу дѣлающихъ зло. Ибо хотя много страждущіе отъ злоумышленниковъ и дѣлаются славнѣе; но сіе зависитъ не отъ намѣренія злоумышляющихъ, а отъ мужества тѣхъ, на кого злоумышляютъ. Почему симъ послѣднимъ опредѣляются и готовятся награды за здравомысліе, а тѣмъ наказаніе за зло. Лишенъ ли ты денегъ?— говори: *нагъ изыдохъ изъ чрева матери моея, нагъ и возвращуся*; Іов. 1, 21. присовокупи и Апостольское слово: мы *ничего не принесли въ міръ сей; конечно ничего не можемъ и вынесть изъ него*. 1 Тим. 6, 7. Идетъ о тебѣ худая молва и безчисленными ругательствами осыпаютъ тебя? вспомни оное изреченіе: *горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить доброе о васъ*, Лук. 6, 26. и, *радуйтесь и веселитесь, когда пронесутъ о васъ худое имя*. Изгнанъ ты изъ отечества? представь себѣ, что ты не имѣешь здѣсь отечества, но естьли хочешь любомудрствовать, то и всю землю повелѣно тебѣ считать чуждою. Жестокой болѣзни

подвергся ты? скажи оное Апостольское слово: *естьли внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется.* 2 Кор. 4, 16. Насильственную понесъ кто смерть? представь себѣ Іоанна, которому отсѣкли въ темницѣ голову, принесли ее на блюдѣ и отдали за блудническое плясаніе. Представь себѣ награды за сіе. Ибо всѣ сіи страданія, когда несправедливо кому причиняются, и грѣхи очищаютъ и доставляютъ праведность. Вотъ какая великая отъ нихъ польза для переносящихъ оныя мужественно!

И такъ когда ни лишеніе денегъ, ни ябеды, ни ругательства, ни изгнанія, ни смерть, которая страшнѣе всего кажется, не причиняетъ вреда терпящимъ, но еще и пользу приноситъ; то чѣмъ ты мнѣ докажешь, что кому нибудь дѣлаютъ вредъ, когда онъ отъ того ни мало не терпитъ вреда? А я напротивъ доказать постараюсь, что тѣ-то наипаче терпятъ вредъ, обиды и несносно страждутъ, которые дѣлаютъ сіе для другихъ. Ибо кто могъ быть несчастнѣе Каина, который такъ поступилъ съ братомъ? Кто

шакъ жалокъ, какъ Филиппова жена, кошорая опісѣкла у Іоанна голову? Кто злосчастнѣе братьевъ Іосифа, которые предали его и удалили отъ отечества? Что злосчастнѣе діавола, который подвергъ Іова столь многимъ бѣдствіямъ? ибо не только за прочее, но и за сіе злоумышленіе особенную понесетъ онъ казнь. Видишь ли, какъ и здѣсь слово наше сказало болѣе, нежели обѣщано: что угнетаемые не только никакого вреда не терпятъ отъ злоумышленниковъ, но даже все обращается на голову злоумышляющихъ. Ибо естьли ни богатство, ни свобода, ни жизнь въ отечествѣ, ни другое подобное, о чемъ говорилъ я, не составляетъ совершенства человѣческаго, но добродѣтели души; то очевидно, что, при потерѣ оныхъ, человѣческое совершенство ни мало не повреждается. А что, естьли бы у кого повредилось здравомысліе души? И здѣсь, когда человѣкъ терпитъ вредъ, то терпитъ не отъ другаго, а собственно самъ отъ себя. Какъ собственно самъ отъ себя, скажетъ кто нибудь? Когда онъ будучи кѣмъ нибудь битъ, или лишенъ имѣнія, или другое какое нибудь

жестокое потерпѣвъ притѣсненіе, произнесетъ какое нибудь Богохульное слово: тогда онъ терпитъ вредъ и весьма великій, но не отъ притѣснителя, а отъ собственнаго малодушія. Ибо я сказалъ прежде, и нынѣ говорю, что никакой человѣкъ, хотя бы онъ тысящекратно былъ злой, не можетъ ни на кого напасть злѣе и съ большею яростію, нежели злый оный демонъ и непримиримый врагъ нашъ діяволъ. Но однако лютый сей демонъ человѣка жившаго прежде закона, прежде благодати, не могъ одолѣть и побѣдить, хотя и со всѣхъ сторонъ пустилъ на него столько ядовитыхъ стрѣлъ. Таково благородство души! А. Павелъ столько потерпѣлъ бѣдъ, что и исчислить трудно. Онъ былъ въ темницѣ, былъ скованъ цѣпями, водимъ съ мѣста на мѣсто, терпѣлъ побои отъ Іудеевъ, каменьями былъ побиваемъ, не ремнями только, но и жезлами терзали спину его, онъ тонулъ на морѣ, часто попадалъ въ руки разбойниковъ, терпѣлъ нападеніе отъ единоземцевъ, отъ враговъ, непрестанно былъ поражаемъ отъ знакомыхъ, безчисленнымъ подвергался злоумышленіямъ, боролся съ голодомъ и на-

тою, и другія многія переносилъ горести и бѣдствія. И что говорить много? Онъ каждодневно умиралъ. — Однакожъ терпя столько и столь великія бѣдствія, не только не произнесъ Богохульнаго слова, но радовался и хвалился тѣмъ. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ: *радуюсь во страданіяхъ моихъ*, Кол. 1, 24. въ другомъ: *и не довольно сего, но хвалимся въ скорбяхъ.* Рим. 5, 3. И такъ, естьли онъ при столь многихъ страданіяхъ радовался и хвалился, то какое извиненіе, какое оправданіе будешь имѣть ты, когда не несешь и малѣйшей части оныхъ, а ропщешь?

Но, скажешь, различнымъ образомъ обижаютъ меня, и естьли я не воспротивлюсь, то лишившись сокровищь не въ состояніи буду подавать милостыню. Это только предлогъ и отговорка! Ибо естьли ты по сей только причинѣ огорчаешься, то вѣрно знай, что нищета не бываетъ препятствіемъ милостынѣ! Ибо хотя бы ты чрезвычайно былъ бѣденъ, но не бѣднѣе той, которая имѣла только горсть муки, 3 Цар. 17, 12. и той, у которой было двѣ толь-

ко полушки,—изъ коихъ и та и другая, истощивъ все свое имѣніе на бѣдныхъ, отличное заслужили удивленіе. И столь великая бѣдность не была препятствіемъ толикому человѣколюбію, но милостыня изъ двухъ лептъ состоявшая была такъ богата и значительна, что она затьмила собою всѣхъ богачей, и богатствомъ расположенія и избыткомъ усердія превзошла тѣхъ, которые клали много статировъ. Слѣдовательно и здѣсь ты не терпишь вреда, но напротивъ того получаешь прибыль, потому что чрезъ малое приношеніе пріобрѣтаешь блистательнѣйшіе вѣнцы, лучшіе предъ тѣми, которые много положили.

Но хотя бы тысячу разъ говорили мы сіе; однако плотолюбивыя души, любящія заниматься міромъ, и пристрастившіяся къ настоящей жизни, не легко согласятся оставить увядающіе цвѣты (ибо такъ можно назвать пріятности сей жизни), онѣ не согласятся оставить и тѣни. Лучшіе изъ людей принимаютъ то и другое, а жалкіе и несчастнѣйшіе изъ нихъ большею частію гоняются за благами здѣшней жизни, а о

благахъ высшихъ думаютъ весьма мало. Итакъ сорвемъ свѣтлую и благовидную личину съ гнуснаго и безобразнаго лица вещей сихъ, и покажемъ мерзость любодѣйцы, какова есть жизнь, провождаемая въ сластолюбіи, сребролюбіи и честолюбіи, жизнь гнусная, безобразная, исполненная мерзостей, скучная, тягостная и исполненная горестей. Для плѣнившихся ею вовсе не извинительно сіе потому, что жизнь сія исполнена непріятностей и многихъ огорченій, а они при всемъ томъ ее страстно любятъ и крѣпко привязаны къ ней, когда вся состоитъ изъ безчисленныхъ бѣдствій, опасностей, кровопролитій, крутизнъ, подводныхъ камней, убійствъ, страховъ, ужасовъ, зависти, злобы, коварства, безпрестаннаго безпокойства и заботы, не имѣя никакой выгоды и никакого не принося плода за толикія бѣдствія, кромѣ мученія и наказанія и непрестаннаго терзанія. Не смотря на то, что она такова, многіе съ ревностію домогаются ея, что впрочемъ есть знакъ безумія плѣняющихся, а не знакъ достоинства вещи. Такъ и малыя дѣти заглядываются на игрушки и удивляются имъ,

а о вещахъ свойственныхъ совершеннолѣтнимъ и понятія имѣть не могутъ. Впрочемъ извиненіемъ для тѣхъ служитъ несовершенный возрастъ, а сіи не имѣютъ никакого оправданія: ибо они имѣютъ дѣтскій умъ въ совершенномъ возрастѣ, и поступаютъ даже безсмысленнѣе дѣтей.

Скажи мнѣ, почему богатство драгоцѣнно? Съ него надобно мнѣ начать, ибо оно для многихъ зараженныхъ сею жестокою болѣзнію кажется драгоцѣннѣе здравія и жизни, и народной похвалы, и добраго мнѣнія, и отечества, и домашнихъ, и друзей, и сродниковъ, и всего прочаго. До самыхъ даже облаковъ досязаетъ костеръ сей, и сушу и море заняла горящая пещь сія! Никто не потушаетъ сего пламени, а раздуваютъ всѣ, и тѣ, которые уже плѣнены, и тѣ, которые еще не плѣнены, дабы быть плѣненными. Чтобы питать сей пламень, и мужчина и женщина, и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, каждый по своей силѣ, и день и ночь носятъ бремена, бремена не дровъ и хворосту (поелику этотъ пламень не такого рода); но бремена душъ и тѣлъ,

неправды и беззаконія. Ибо симъ обыкновенно разжигается пламень сего рода. Какъ богатые ни на чемъ не останавливаютъ глупаго сего желанія, хотя бы забрать всю вселенную; такъ и бѣдные наперерывъ предупреждаютъ ихъ, и какое-то неисцѣлимое бѣшенство, необузданное сумасшествіе и неизлѣчимая болѣзнь объемлетъ души у всѣхъ. Всякую любовь преодолѣла сія любовь и изгнала вонъ изъ души. Не смотрятъ ни на дружество, ни на родство. И что я говорю о дружествѣ и родствѣ? Не смотрятъ на женъ и дѣтей, что для мужей должно быть любезнѣе. Но все брошено и попрано тогда, какъ жестокая и безчеловѣчная владычица сія овладѣла душами всѣхъ плѣненныхъ ею. Страсть сія, какъ лютый тиранъ, какъ жестокій варваръ, какъ безчеловѣчный властелинъ и какъ всенародная и величавая блудница срамитъ, терзаетъ и безчисленнымъ подвергаетъ опасностямъ и мученіямъ тѣхъ, которые отдались ей въ рабство. И сколь она ни страшна и ни угрюма, сколь ни дика и свирѣпа, и хотя имѣетъ лице варварское или лучше звѣрообразное, и лютѣе волчьяго и львинаго; но

для плѣнниковъ своихъ кажется ласковою, любезною и сладчайшею меда. И тогда, какъ она ежедневно куетъ на нихъ мечи и оружія, и роетъ пропасти, и ведетъ къ стремнинамъ, или на подводные камни и бесчисленныя плететъ для нихъ сѣти мученія, плѣнники ея, и желающіе плѣна думаютъ, будто она дѣлаетъ ихъ счастливыми. Какъ свинья валяясь въ нечистотѣ и грязи, любуется тѣмъ и услаждается, и какъ жуки непрестанно бродятъ въ навозѣ, такъ и преданные сребролюбію хуже еще сихъ животныхъ. Ибо и мерзость здѣсь больше и грязь вонючѣе. Находясь въ страсти они думаютъ найти въ томъ великое удовольствіе; что впрочемъ зависитъ не отъ существа вещи, но отъ разсудка, который страждетъ таковымъ безуміемъ. А это хуже скотскаго онаго безумія. Что животныя оныя любятъ жить въ грязи и навозѣ, вина тому не грязь и навозъ, а безмысліе ихъ: также суди и о людяхъ.

Но какъ уврачевать намъ такихъ людей? Для сего надобно, чтобъ они захотѣли открыть слухъ свой для насъ, и располо-

жили умъ свой къ принятію словъ нашихъ. Безсловесныхъ не льзя отклонить и отвести отъ нечистой ихъ жизни; потому что они безъ разума; но что касается до сего кротчайшаго рода существъ, и разумомъ и словомъ одаренныхъ, что, говорю, касается до природы человѣческой, то для ней удобно и даже весьма легко, естьли захочешъ,— выдти изъ вонючей оной грязи.

По какой причинѣ, человѣкъ, драгоцѣннымъ кажется тебѣ богатство? Конечно по причинѣ удовольствія, которое получаешь отъ стола? По причинѣ чести и множества слугъ, которые окружаютъ тебя? По той причинѣ, что можешь отмщать врагамъ твоимъ и быть для всѣхъ страшнымъ? Другихъ причинъ представить ты не можешь, кромѣ удовольствія, ласкательства, страха и мщенія. Ибо богатство не дѣлаетъ никого ни разумнѣе, ни цѣломудреннѣе, ни добрѣе, ни осторожнѣе, не дѣлаетъ оно ни кроткимъ, ни человѣколюбивымъ, ни побѣдителемъ гнѣва, не даетъ власти надъ чревомъ, и не ставитъ выше удовольствій, не учитъ умѣренности, не ведетъ къ сми-

ренію и никакой другой добродѣтели не насаждаетъ въ душѣ. Ты не можешь сказать, чтобъ ты искалъ и желалъ его по какой нибудь изъ сихъ причинъ. Ибо оно не только не умѣетъ насаждать или возращать что либо доброе, но, даже естьли и найдетъ что либо такое лежащее внутри человѣка, повреждаетъ, останавливаетъ, и засушаетъ; а иное и совсѣмъ вырываетъ, и вноситъ противное тому, безмѣрную роскошь, неумѣстную ярость, безразсудный гнѣвъ, напыщеніе, гордость, безуміе. Но не буду я говорить о семъ. Ибо страждущіе сею болѣзнію, будучи всѣ преданы сластолюбію, и потому сдѣлавшись рабами онаго, не могутъ съ пріятностію слушать о добродѣтели и порокѣ и видѣть себя вмѣстѣ осуждаемыми и обличаемыми.

И такъ оставивъ слово о нихъ, выставимъ остальное и посмотримъ, имѣетъ ли богатство какое нибудь удовольствіе или какую честь? Я съ своей стороны вижу все противное. И, естьли угодно, сперва посмотримъ на столы богатыхъ и бѣдныхъ, и спросимъ, кто изъ нихъ чистымъ и истин-

нымъ наслаждается удовольствіемъ? Тѣ ли, которые цѣлой день возлежатъ на коврахъ, ужинъ соединяютъ съ обѣдомъ, расторгаютъ чрево, притупляютъ чувства, чрезмѣрнымъ грузомъ снѣдей затопляютъ лодку, такъ заливаютъ корабль, что отлить воды не возможно, и какъ при кораблекрушеніи потопляютъ оный, кладутъ оковы на ноги, и на руки и на языкъ, и все тѣло свое связываютъ цѣпями пьянства и пресыщенія, которыя тяжелѣе желѣзныхъ цѣпей, ни сна не имѣютъ надлежащаго и чистаго, не свободны отъ страшныхъ сновидѣній, хуже бѣшеныхъ, произвольно какого-то злаго демона вводятъ въ душу и дѣлаютъ себя посмѣшищемъ для рабовъ, или лучше предметомъ сожалѣнія и слезъ для добрѣйшихъ изъ нихъ, не узнаютъ никого изъ находящихся при нихъ, не могутъ ни сказать чего нибудь, ни выслушать, но на рукахъ съ ковровъ переносятъ ихъ на постелю? Или тѣ, которые трезвы и бодры, и столько ѣдятъ, сколько нужно, и плывутъ по вѣтру и величайшее услажденіе пищи и питія находятъ въ голодѣ и жаждѣ? Ибо ничто столько не способствуетъ къ удовольствію

и здравію, какъ то, чтобы приниматься за пищу или питіе тогда, когда чувствуешь голодъ и жажду, и то, чтобъ сытость измѣрять нуждою, а не преступать границъ оныя и не налагать на тѣло бремени сверхъ его силы?

Естьли же ты не вѣришь слову моему, то посмотри на тѣло тѣхъ и другихъ и на душу ихъ. Не у тѣхъ ли, которые такимъ образомъ въ строгой живутъ умѣренности, (не говори мнѣ чего нибудь изрѣдка случающагося, естьли нѣкоторые и слабы здоровьемъ по другому какому нибудь обстоятельству; но суди потому, что всегда и безпрестанно случается) не у тѣхъ ли, которые умѣренно вкушаютъ пищу, тѣло здорово, чувства свѣтлы и съ великою легкостію исполняется свое дѣло; а у оныхъ влажно, всякаго воска слабѣе и подвержено тмѣ болѣзней? Ибо и подагра тотчасъ прилетаетъ къ нимъ, и непрестанное трясеніе тѣла, и старость безвременная, и головныя боли, и судороги, и разстройство желудка, и потеря аппетита. Они безпрестанно имѣютъ нужду въ лѣкаряхъ, въ без-

прерывныхъ лѣкарствахъ и въ каждодневномъ лѣченіи. Это ли удовольствіе, скажи мнѣ? Кто такъ назоветъ сіе, кто знаетъ что есть удовольствіе? Ибо удовольствіе бываетъ тогда, когда за чувствованіемъ желанія слѣдуетъ наслажденіе; но естьли и есть наслажденіе, а желаніе еще ни мало не является; то все удовольствіе теряется и изчезаетъ. Посему-то и больные, хотя бы самая пріятнѣйшая лежала предъ ними пища, не иначе, какъ съ отвращеніемъ и съ непріятностію вкушаютъ оную; потому что нѣтъ хотѣнія, которымъ услаждается наслажденіе. Ибо не свойство яствъ и питія, но аппетитъ вкушающихъ обыкновенно раждаетъ хотѣніе и производитъ удовольствіе. Посему и одинъ мудрый мужъ, точно знавшій сущность удовольствія и умѣвшій судить о семъ говорилъ: *душа, въ сытости сущи, сотамъ ругается*. Прит. 27, 7. Онъ показываетъ симъ, что не въ качествѣ стола, но въ расположеніи вкушающихъ состоитъ все удовольствіе. Посему и Пророкъ, исчисляя чудеса Божіи въ Египтѣ и въ пустынѣ, между прочимъ сказалъ и то, что Богъ *изъ камня медомъ насыщалъ ихъ*,

Пс. 80, 17. хотя впрочемъ нигдѣ не видно, чтобы какой камень источилъ для нихъ медъ. Что же значитъ сказанное? То, что Израильтяне утомившись отъ долгаго труда и путешествія, и сильною мучась жаждою, приступили къ холоднымъ ручьямъ, и жажда была для нихъ вмѣсто всякаго услажденія. Посему онъ, желая представить пріятность тѣхъ ручьевъ, назвалъ воду медомъ не потому, что свойство ея перемѣнилось въ медъ, но потому, что пріятность воды равнялась сладости его, такъ какъ вкушавшіе воду съ жаждою тогда приступили къ ней. Естьли такъ, и естьли никто не можетъ противорѣчить сему, хотябъ и весьма былъ глупъ: то не очевидно ли, что на столахъ у бѣдныхъ чистое, истинное и величайшее удовольствіе; а у богатыхъ непріятность, отвращеніе и омерзеніе, или, какъ сказалъ мудрый оный мужъ: *и сладкое кажется отвратительнымъ*? Притч. 27, 7.

Но богатство, скажутъ, доставляетъ уваженіе имѣющимъ его, и удобство мстить врагамъ. И такъ скажи мнѣ, богатства вы хотите искать и домогаться, потому что

оно ужаснѣйшія питаетъ въ насъ страсти, гнѣвъ приводитъ въ дѣйство, раздуваетъ бѣшеное славолюбіе, побуждаетъ и приводитъ въ безуміе? По сему напротивъ не оглядываясь надобно бѣжать отъ него, ибо оно вселяетъ въ умъ нашъ какихъ-то дикихъ и лютыхъ звѣрей; оно лишаетъ истиннаго уваженія у всѣхъ, но и доставляетъ обманутымъ уваженіе противное тому, подкрашенное только его красками, и заставляетъ считать истиннымъ такое уваженіе, которое не по свойству своему таково, но по виду только таковымъ кажется, ибо какъ накладная отъ притираній и подмалевки красота непотребныхъ женщинъ, хотя красы не имѣетъ, однако гнусное и безобразное лице представляетъ для обольщенныхъ ею благообразнымъ, и даже прекраснымъ тогда какъ оно не вовсе хорошо. Такимъ образомъ и богатство наше, вынуждая ласкательство, представляетъ оное уваженіемъ. Не смотри на похвалы въ глаза, отъ страха и ласкательства происходящія; это краски и подмалевка; но разкрой совѣсть каждаго, кто такимъ образомъ льститъ тебѣ, и ты увидишь тысячи обвинителей, кои внут-

ренно вопіютъ на тебя, отвращаются тебя и ненавидятъ болѣе, нежели совершенные враги и непріятели. Естьли бы когда случилась перемѣна обстоятельствъ и сняла или открыла ту изъ страха составленную маску, такъ какъ иногда солнце жаромъ своимъ обнаруживаетъ оныя лица; тогда ты ясно увидѣлъ бы что ты, во все прежнее время, былъ въ крайнемъ неуваженіи у своихъ угодниковъ, и тебѣ представлялось, что ты пользовался уваженіемъ отъ тѣхъ, которые совершенно ненавидятъ тебя, безчисленными осыпаютъ тебя въ мысляхъ своихъ ругательствами, и желаютъ видѣть тебя въ крайнихъ злоключеніяхъ. Ибо ничто не доставляетъ такого уваженія, какое добродѣтель; уваженіе сіе есть не вынужденное, уваженіе не притворное и не прикрытое какою либо маскою обмана; но истинное и искреннее, и никакими трудными обстоятельствами не нарушаемое.

Ты хочешь отмстить тѣмъ, которые оскорбили тебя! Но по сему-то самому наипаче, какъ прежде сказалъ я, и надобно убѣгать богатства. Ибо оно на тебя самаго

поднимаетъ мечь, тягчайшія строитъ тебѣ истязанія въ будущемъ вѣкѣ и несносныя готовитъ казни. Поелику мщеніе есть столь великое зло, что и Божіе человѣколюбіе чрезъ него прекратилось, и данное уже прощеніе въ безчисленныхъ грѣхахъ чрезъ него сдѣлалось недѣйствительнымъ. Тотъ, которому прощено десять тысячь талантовъ и который при легкой прозьбѣ столь великую получилъ милость, какъ скоро сталъ требовать отъ товарища своего сто денаріевъ, какъ скоро началъ требовать наказанія за проступки предъ нимъ; то сею жестокостію къ товарищу своему навлекъ на себя осужденіе. И не за другое что нибудь, но за сіе только и истязателямъ отданъ, и мученъ, и десять тысячь талантовъ истребовать съ него велѣно. Никакого извиненія и оправданія не нашелъ онъ; но несносно страдалъ, потому что приказано было взыскать съ него весь долгъ, который прежде того Божіе человѣколюбіе уже простило. И такъ скажи пожалуй, по сему ли домогаешься ты богатства, что оно такъ легко ведетъ тебя къ такому грѣху? Напротивъ по сему самому надобно отвра-

щаться отъ него, какъ отъ врага или непріятеля, и какъ отъ страшнаго убійцы.

Но бѣдность, скажешь, дѣлаетъ непріятности, часто заставляетъ роптать на промыслъ и невольно рѣшаться на нѣкоторыя дѣла. Нѣтъ, не бѣдность, а малодушіе. Поелику и Лазарь былъ бѣденъ и весьма бѣденъ, и еще къ бѣдности присоединялась болѣзнь, которая мучительнѣе всякой бѣдности, и самую бѣдность дѣлаетъ несносною, а къ болѣзни безпомощное состояніе, недостатокъ прислужниковъ, что умножало и бѣдность и болѣзнь. Ибо хотя то и другое само по себѣ тяжко, но когда нѣтъ и прислуги, тогда бѣдствіе становится больше, пламень сильнѣе, мученіе горестнѣе, буря свирѣпѣе, волненіе сильнѣе, печь жарче. Естьли же внимательнѣе вникнуть; то и четвертое къ тому присоединялось бѣдствіе, необузданная роскошь богача, живущаго въ сосѣдствѣ. Естьли угодно тебѣ и пятое что нибудь найти къ усиленію пламени, то увидишь, что и это найдется у него: ибо богачь оный не только роскошествовалъ, но и видѣлъ его дважды, трижды, или

лучше многократно въ день; (ибо бѣдный лежалъ передъ дверью и представлялъ изъ себя жалкое зрѣлище, такъ что при одномъ воззрѣніи могъ и каменную размягчить душу) однако и сіе не могло склонить сего безчеловѣчнаго, чтобъ онъ подалъ помощь бѣдному, но онъ Сибаритскій имѣлъ столъ, и чаши полныя, и сладкое вино щедро разливалось рукою, и нарядной при немъ былъ строй поваровъ, и нахлѣбниковъ, и льстецовъ съ самаго утра и толпа поющихъ, разливающихъ вина, шутовъ; вымышлялъ онъ всякаго рода мотовство, и пьянствовалъ и пресыщался, и безпрерывно роскошествовалъ въ одеждѣ, и столѣ, и въ другихъ многихъ вещахъ: а о семъ бѣдномъ и не думалъ, не смотря на то, что видѣлъ, какъ онъ каждой день мучится отъ ужаснаго голода, отъ сильной болѣзни, отъ множества ранъ, отъ безпомощнаго состоянія и отъ другихъ происходящихъ отъ того горестей. Тунеядцы и льстецы, и сверхъ требованія едва не разрывались отъ пресыщенія; а бѣдный, такъ бѣдный и столь много страдавшій, не пользовался и крохами со стола, при всемъ своемъ желаніи насытить-

ся. Однако же сіе не принесло ему вреда; онъ не оказалъ негодованія и не произнесъ Богохуленія, но какъ золото въ сильнѣйшемъ огнѣ больше очищается и свѣтлѣетъ, такъ и онъ, будучи стѣсненъ сими страданіями, стоялъ выше бѣдствій и выше огорченій, кои для многихъ отсюда раждаются. Естьли просто только, смотря на богатыхъ, бѣдные истаеваютъ отъ зависти, рвутся съ досады и свою жизнь считаютъ не жизнію, и притомъ тогда, какъ есть у нихъ достаточная пища и имѣютъ прислужниковъ: то сей бѣдный, будучи бѣденъ, какъ никто болѣе, и не бѣденъ только, но и боленъ, не имѣя никого, кто бы постарался о немъ и утѣшилъ его, но среди города, какъ бы въ отдаленнѣйшей лежа пустынѣ, истаевая отъ несноснаго голода, и видя, что на того все какъ изъ источниковъ льется, и не только никакимъ человѣческимъ не пользуясь утѣшеніемъ, но и безпрерывнымъ служа столомъ для собакъ, (ибо столько разстроено и разслабленно было тѣло его, что и ихъ не могъ онъ отогнать) сколько бы долженъ былъ досадовать, естьли бы не былъ онъ весьма му-

жественъ и мудръ? Видишь ли ты, что тотъ, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда, никакой бѣды не терпитъ, хотя бы всѣ дѣлали ему обиду? Я опять повторяю тоже.

И подлинно какой вредъ сему ратоборцу причинила болѣзнь, неимѣніе прислуги, нападеніе псовъ, худое сосѣдство съ богачемъ, великая роскошь его и надменность и презрѣніе? Сдѣлался ли онъ отъ того слабѣе въ подвигахъ добродѣтели? Что поколебало постоянство его? Ничто, но сіе множество горестей и сія жестокость богача еще болѣе укрѣпили его и сдѣлались случаемъ къ безчисленнымъ для него вѣнцамъ, умножили награды, усугубили воздаяніе, и были поводомъ къ большему возмездію. Ибо не за бѣдность только увѣнчанъ онъ, и не за голодъ, и не за раны, и не за лизаніе псовъ; но за то, что имѣя такого сосѣда и будучи каждодневно въ глазахъ его, непрестанно будучи пренебрегаемъ имъ, сіе искушеніе перенесъ мужественно и съ великимъ терпѣніемъ, каковое искушеніе не мало, но весьма много придавало тяжести и бѣдно-

сти, и болѣзни, и безпомощному его состоянію.

А что сказать намъ о блаженномъ Павлѣ? Ибо ничто не препятствуетъ опять упомянуть о семъ мужѣ. Не тысячи ли перенесъ онъ искушеній? Какой же онъ отъ сего потерпѣлъ вредъ? Не по сему ли онъ наипаче и увѣнчанъ, что терпѣлъ голодъ, что отъ стужи и наготы истаевалъ, что многократно бичами былъ терзаемъ, что камнями забросанъ былъ, что тонулъ? Но скажутъ, Павелъ былъ призванный Христомъ. Такъ! и Іуда былъ изъ числа двенадцати учениковъ, былъ также и онъ призванъ Христомъ; но ни то, что онъ былъ изъ двенадцати учениковъ, ни самое призываніе не принесло ему пользы, когда не имѣлъ онъ сердца разположеннаго къ добродѣтели. Напротивъ Павелъ, и съ голодомъ борясь, и нужной не имѣя пищи, и столь много каждодневно терпя бѣдъ, съ великою скоростію пробѣжалъ путь, ведущій на небо. А Іуда, который и прежде его призванъ и пользовался тѣмъ же, чѣмъ и сей, и допущенъ былъ къ таинствамъ верховной

премудрости, и пріобщался священной трапезы и страшной оной вечери, и столь великую получилъ благодать, что воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, и изгонялъ духовъ, хотя многократно слышалъ бесѣды о нищетѣ, долго находился съ самимъ Христомъ, и ввѣрены ему были деньги бѣдныхъ, чтобы имѣть ему утѣшеніе въ страсти, ибо онъ былъ воръ, но при всемъ томъ, что видѣлъ столь великое снисхожденіе, не сдѣлался лучшимъ. Христосъ зналъ, что онъ сребролюбивъ и, отъ любви къ деньгамъ, погибнетъ, но не только за сіе не наказалъ его тогда, но, чтобъ укротить страсть его и меньшимъ зломъ отвратить большее, поручалъ ему и деньги бѣдныхъ, дабы онъ, имѣя оныя въ рукахъ, такимъ образомъ насытилъ сребролюбіе, и не впалъ въ страшную оную пропасть. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ, какъ никто другой не можетъ сдѣлать вреда тому, кто самъ себѣ не хочетъ сдѣлать вреда; такъ напротивъ никто никогда не упользуетъ того, кто не хочетъ быть внимательнымъ къ себѣ и употребить силы свои. По сему и чудная Исторія Писанія, какъ

бы на какой высокой, великой и широкой картинѣ описала для тебя жизни древнихъ, и отъ Адама продолжила повѣсть до пришествія Христова. Она представляетъ тебѣ и падающихъ и увѣнчиваемыхъ, дабы чрезъ тѣхъ и другихъ вразумить тебя, что тому, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда, никто другой вредить не можетъ, хотя бы вся вселенная противъ него жестокую подняла войну. Ни затруднительность обстоятельствъ, ни перемѣны временъ, ни угнетенія сильныхъ, ни тучи злоумышленій, ни множество злоключеній, ни совокупленіе въ одну громаду всѣхъ извѣстныхъ между людьми бѣдствій не можетъ ни мало поколебать мужественнаго, внимательнаго и бдительнаго человѣка: такъ какъ напротивъ нерадиваго, пустившагося на зло, того, кто самъ себѣ измѣнилъ, ничто не сдѣлаетъ лучшимъ, хотя бы тысячи употреблены были пособій. Сіе показываетъ намъ и притча о тѣхъ человѣкахъ, изъ коихъ одинъ домъ свой строилъ на камнѣ, а другой на пескѣ. Матѳ. 7, 24. Она не ту имѣетъ цѣль, чтобъ представить намъ песокъ и камень, строеніе изъ камней и крышу, рѣки и дождь, и сильные

вѣтры ударяющіе въ зданіе, но чтобы поняли мы изъ того, что добро и что худо, и чтобъ увидѣли, что никто не вредитъ тому, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда. И такъ ни дождь, съ стремленіемъ падающій, ни рѣки съ великою быстротою приражающіяся, ни жестокіе вѣтры съ сильнымъ порывомъ ударяющіе, ни мало не потрясли зданія того, но оно осталось и твердо и неподвижно. Изъ сего примѣть, что того, кто не измѣняетъ самъ себѣ, никакое искушеніе поколебать не можетъ. А зданіе другаго скоро обрушилось не отъ силы искушеній: ибо иначе и съ другимъ было бы тоже самое; но отъ собственнаго безумія строителя. Ибо оно пало не потому, что подулъ вѣтръ, но сіе случилось съ нимъ по тому, что было построено на пескѣ, т. е. на нерадѣніи и худомъ основаніи. Оно еще прежде, нежели приразилась та буря, было слабо и къ паденію готово. Таковыя зданія, хотя бы и никто не трогалъ ихъ, сами собою рушатся, потому что основаніе отъ нихъ отнято и совершенно разсыпалось. Какъ паутина сама собою разрывается, хотябъ никто къ ней не прикасался; а алмазъ и подъ ударами остается цѣлъ: такъ и тѣ,

кои сами себя не дѣлаютъ несчастными, остаются сильны, хотябы и тысячами ударовъ были поражаемы, а измѣняющіе себѣ, безъ всякаго посторонняго прикосновенія, сами собою рушатся, разсыпаются и гибнутъ. Такъ погибъ Іуда, къ которому не только не прикасалось какое либо искушеніе, но который пользовался еще великимъ пособіемъ.

Угодно ли, я покажу тебѣ, какъ оправдывается слово сіе и на цѣлыхъ народахъ? Какое Іудейскій народъ видѣлъ попеченіе о себѣ? Не вся ли видимая тварь назначена была на служеніе ему? Не новой ли и странной образъ жизни введенъ былъ у нихъ? Они не посылали на рынокъ, и не тратя серебра, получали то, что продается, ни бороздъ не проводили, ни плуга не влачили, ни земли не раздирали, ни сѣменъ не бросали, ни въ дождяхъ не имѣли нужды, ни въ вѣтрахъ, ни въ другихъ временахъ года, ни въ лучахъ солнечныхъ, ни въ теченіи луны, ни въ качествѣ воздуха, ни въ другомъ чемъ нибудь подобномъ, ни гумна не готовили, ни хлѣба не молотили, не имѣли нужды въ вѣтрахъ

для отдѣленія зеренъ отъ плевъ, не мололи въ жерновахъ, не дѣлали печей, не носили въ домъ дровъ и огня, не заботились о томъ, что печь хлѣбы, не брали въ руки заступа, не точили серпа или косы, не имѣли нужды въ другомъ какомъ нибудь художествѣ, напримѣръ въ тканіи, въ зодчествѣ, или въ шитьѣ обуви: но всѣмъ для нихъ было слово Божіе. Даже столъ имѣли они всегда готовой, безъ пота и трудовъ. Ибо таково свойство манны: она была всегда нова, свѣжа, никакихъ не доставляла имъ хлопотъ и не изнуряла трудомъ. Даже одежды у нихъ, и обувь, и самая природа тѣла забыли свойственную имъ тлѣнность. Ибо въ такое продолжительное время одежда ихъ не износилась, и ноги ихъ, хотя они столь много ходили, не заболѣли отъ мозолей. И въ умѣ у нихъ не было лѣкарей, и лѣкарствъ, и другаго чего относящагося къ сему искуству. Такъ далека была всякая болѣзнь! *Изведе ихъ* (Богъ) *съ сребромъ и златомъ, и не бѣ въ колѣнахъ ихъ боляй:* Псал. 104, 37. Но они такъ ѣли и такъ пили, какъ бы оставили міръ сей и въ другую лучшую переселились вселенную; и даже жарчайшій

лучь солнца не ударялъ въ ихъ головы. Поелику пламень застѣняло облако надъ ними висящее, которое для всего того народа было какъ бы подвижною крышею. И во время ночи не имѣли они нужды въ свѣтильникѣ для прогнанія тьмы; но огненный столпъ былъ у нихъ источникомъ несказаннаго свѣта, доставлялъ имъ двѣ пользы, во первыхъ свѣтилъ, а во вторыхъ указывалъ имъ путь. Ибо онъ не только свѣтилъ, но точнѣе всякаго путеводителя водилъ безчисленный оный народъ по пустынѣ. Ходили же они не по сушѣ только, но и по морю, какъ по сушѣ, и отваживались переступать за предѣлы природы; шли пѣшіе по страшному оному морю, какъ бы по какому твердому и жесткому камню. Когда оно у нихъ подъ ногами было, тогда стихія воды подобна было сушѣ, плоскимъ долинамъ и полямъ; но когда приняло оно враговъ, тогда сдѣлало то, что свойственно морю. Для нихъ было оно колесницею, а для непріятелей ихъ гробомъ; тѣхъ съ легкостію переправило, а сихъ съ великою свирѣпостію потопило. Не знающее порядка стремленіе водъ показывало здѣсь и поря-

докъ и послушаніе, свойственное людямъ съ понятіями и разумомъ; исполняло должность то стража, то исполнителя казни, и въ одинъ день вдругъ дѣлало противное. Что сказать о камняхъ, кои источили рѣки водъ? Что о тучахъ птицъ, кои своимъ множествомъ покрыли всю землю? Что о чудесахъ въ Египтѣ? Что о неимовѣрныхъ происшествіяхъ въ пустынѣ? Что о трофеяхъ и побѣдахъ безъ пролитія крови производимыхъ? Ибо какъ бы играя, а не какъ воюя, усмиряли они противниковъ. Даже надъ собственными своими господами они безъ оружія одержали верхъ; а сражавшихся съ ними по исшествіи изъ Египта преодолѣвали звукомъ трубъ и пѣніемъ: такъ что всѣ дѣйствія сіи были болѣе ликованіе, нежели война, болѣе тайноученіе, нежели сраженіе. Ибо всѣ чудеса сіи не для того только были, чтобы доставить нужное для нихъ, но чтобы они точнѣе сохранили и ученіе о Богознаніи, которое преподалъ имъ Моисей. Отвсюду раздавались гласы, проповѣдовавшіе Господа. Сіе проповѣдовало море, то дѣлаясь проходимымъ для пѣшихъ, то становясь опять моремъ. И Нильскія воды издавали сей гласъ,

когда перемѣняли въ кровь природу свою; и лягушки и войско саранчи, и черви и гнилость говорили сіе всему народу. И чудеса въ пустынѣ, манна, столпъ, облако, спада перепеловъ, и все прочее, было для нихъ тогда вмѣсто книги и письменъ, никогда не изглаждаемыхъ; ибо каждый день сіе напоминалось имъ, и отзывалось въ сердцахъ ихъ. Однако послѣ столь важнаго о нихъ промысла, послѣ несказанныхъ благодѣяній, послѣ многихъ чудесъ, послѣ неизреченнаго попеченія, послѣ непрестаннаго ученія, послѣ внушенія словами, послѣ убѣжденія дѣлами, послѣ знаменитыхъ побѣдъ, послѣ преславныхъ торжествъ, послѣ избытка на столахъ, послѣ обилія водъ, послѣ неизъяснимой славы, каковою отличались они предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, по неблагодарности и безчувствію своему поклонились тельцу и служили головѣ вола, и просили себѣ боговъ, тогда какъ имѣли въ свѣжей памяти сдѣланныя въ Египтѣ благодѣянія Бога своего и когда другія многія видѣли благодѣянія.

Напротивъ Ниневійскій народъ, не смотря

на то, что былъ варварскій и иноплеменный, и не учавствовалъ ни въ чемъ томъ, ни въ маломъ ни великомъ, ни въ ученіяхъ, ни въ чудесахъ, ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, какъ только увидѣлъ человѣка, который спасся отъ кораблекрушенія, (онъ никогда прежде у нихъ не бывалъ, но въ первый разъ показался) пришелъ и сказалъ: *еще три дня, и Ниневія превратится*; Іон. 3, 4. то такъ отъ сихъ легкихъ словъ перемѣнился, исправился, и, оставивъ прежніе пороки, обратился чрезъ покаяніе къ добродѣтели, что перемѣнилъ Божіе о себѣ опредѣленіе, поддержалъ городъ уже колеблющійся, отвратилъ небесный гнѣвъ и отклонилъ отъ себя всякое зло. *Видѣлъ Богъ*, говоритъ Писаніе, *что каждый отсталъ отъ пути своего лукаваго и обратился ко Господу*. Какимъ образомъ *отсталъ*, скажи мнѣ?—Порокъ ихъ былъ великъ, развращеніе неизъяснимо, раны неизлѣчимы, и, дабы показать сіе, Пророкъ, изображая великость ихъ развращенія разстояніемъ мѣста, сказалъ: *взыде вопль злобы его къ небу*. Іон. 1, 2. Впрочемъ и столь великое зло, такъ высоко поднявшееся и возрасшее, что до самаго неба достигало, сіе

самое зло въ продолженіе трехъ дней, въ столь краткое время, отъ сихъ немногихъ словъ, кои выслушали они отъ человѣка неизвѣстнаго, чужестраннаго, кораблекрушенію подвергшагося, такъ изкоренили, такъ отвергли, такъ удалили отъ себя, что удостоились таковыхъ словъ: *и видя Богъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ; и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ.* 3, 10. Видишь ли, что внимательный къ себѣ и бдительный человѣкъ не только ни мало не повреждается со стороны людей, но и небесный гнѣвъ отвращаетъ: а тотъ, кто самъ себѣ измѣняетъ и вредитъ, не много получаетъ пользы, хотя бы тысячу получилъ благодѣяній? Такимъ образомъ ни тѣмъ не принесло пользы такое множество чудесъ, ни симъ не нанесло вреда то, что они не имѣли ихъ: но поелику были они сами расположены къ добру, то въ краткое время сдѣлались лучшими, хотя они и варвары были и иноплеменники, и совсѣмъ не слыхали Божественныхъ глаголовъ, и жили далеко отъ Палестины.

Какой также, скажи мнѣ, нанесли вредъ приключившіяся несчастія добродѣтели трехъ Отроковъ? Не тогда ли, какъ были еще молоды, весьма молоды, въ возрастѣ раннемъ, понесли они страшное оное наказаніе и плѣнъ, и далеко переселены были, и, перешедши въ чужую землю, удалены были и отъ отечества и отъ дома, и отъ храма, и отъ жертвенника, и отъ жертвъ, и отъ приношеній, и отъ возліяній, и отъ самаго пѣснопѣнія? Ибо не только отъ домовъ были они устранены, но вмѣстѣ съ симъ и отъ многоразличныхъ видовъ Богослуженія. Не варварскимъ ли они преданы были рукамъ, не волкамъ ли болѣе, нежели людямъ? И, что всего тяжелѣе, будучи отведены въ столь отдаленную и варварскую землю, въ ужаснѣйшій плѣнъ, не имѣли они ни учителя, ни Пророка, ни начальника. *И нѣсть, говорится, князя, и Пророка и вождя, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою* (Господи!) *и обрѣсти милость*. Дан. 3, 38. Сверхъ того они заведены были въ царскій домъ, какъ бы на какую скалу или утесъ, въ море наполненное подводными камнями, и принуждены были плыть по тому страшному

морю безъ начальника корабля, безъ кормчаго, безъ корабельщиковъ и безъ парусовъ, или какъ бы въ темницѣ заключены были въ царскихъ палатахъ. Поелику они любили мудрость, были выше міра, попрали всю высоту человѣческую и сдѣлали себѣ легкія крылья; то, конечно, пребываніе здѣсь почитали умноженіемъ бѣдствій. Ибо находясь не при дворѣ, а въ частномъ домѣ, могли бы они пользоваться большею свободою. Но будучи введены въ сію темницу (такъ какъ весь оный призракъ они считали ничѣмъ не лучше темницы, утесовъ и подводныхъ камней) тотчасъ они ужасное встрѣтили затрудненіе. Царь повелѣлъ имъ вкушать отъ одного съ нимъ стола, отъ стола Сибаритскаго, нечистаго и скверна-го; а имъ запрещено сіе было и казалось ужаснѣе смерти. И одни только они, какъ агнцы между множествомъ волковъ заперты были, такъ что необходимо было, либо умирать съ голода, либо идти на смертную казнь, либо вкушать запрещенныя снѣди. Что же дѣлаютъ юноши, сироты, плѣнники, пришлецы, рабы тѣхъ, которые велятъ имъ ѣсть? Они не подумали, что достаточ-

нымъ для нихъ извиненіемъ есть необходимость, и власть владѣющаго городомъ: но всѣ употребляютъ способы и усилія, чтобы избѣжать грѣха, хотя со всѣхъ сторонъ были оставлены они самимъ себѣ. Ибо ни деньгами не могли они убѣждать, яко плѣнники, ни дружествомъ и знакомствомъ яко пришлецы; ни властію не могли преодолѣть, яко рабы; ни множествомъ не могли превозмочь, будучи только трое. И такъ пришли они и словами стали убѣждать того евнуха, который имѣлъ власть надъ симъ. Когда увидѣли, что онъ боится, трепещетъ, о собственномъ заботится спасеніи, и несносный страхъ смерти потрясалъ его душу: *боюся азъ*, говоритъ онъ, *господина моего царя, да не когда увидитъ лица ваша унылы, паче отроковъ сверстниковъ вашихъ, и осудите главу мою царю:* Дан. 1, 10. то удаляя отъ него опасеніе сіе, убѣждаютъ сдѣлать имъ милость. И поелику они все со своей стороны сдѣлали: то и Богъ послѣ того дѣлалъ свое. Ибо не Божіе только дѣло было, за что надлежало имъ получить награду, но начало и приступъ къ тому былъ въ ихъ

душевномъ разположеніи; и какъ они показали въ семъ твердость и благородство, то и привлекли на себя Божіе благоволеніе, и довершили начатое.

Видишь, что никто не можетъ причинить вреда тому, кто самъ себѣ не дѣлаетъ вреда? Вотъ, ни молодость, ни плѣнъ, ни сиротство, ни удаленіе въ чужую землю, ни одиночество, ни неимѣніе заступниковъ, ни строгое повелѣніе, ни сильный страхъ смерти, лежавшій на душѣ евнуха, ни бѣдность, ни малочисленность, ни то, что были они между варварами, ни то, что враговъ имѣли господами, ни то, что отданы они въ руки самаго царя, разлучены со всѣми родными, удалены отъ Священниковъ и Пророковъ и прочихъ, кому бы надобно имѣть о нихъ попеченіе, не имѣли жертвъ и возліяній, и лишены храма и пѣснопѣній; ничто изъ сего не причинило имъ вреда. Но теперь болѣе показали они себя, нежели тогда, когда всѣмъ тѣмъ пользовались въ собственномъ ихъ отечествѣ.

Такимъ образомъ совершивъ первый сей

подвигъ и славнымъ украсившись вѣнцемъ, соблюдши законъ и въ чужой землѣ, поправъ повелѣніе тиранна, побѣдивъ страхъ демона, и ни мало ни съ которой стороны не потерпѣвъ вреда, и съ такою легкостію сдѣлавъ дѣло, какъ будто бы находились въ домѣ и пользовались всѣми выгодами, къ другимъ опять призваны они подвигамъ. И опять были они тѣже. Поприще труднѣе прежняго предлежало имъ, разжигалась печь и варварское войско съ царемъ противъ нихъ вооружалось, вся Персидская сила подвигнулась и все устроено было, чѣмъ бы обольстить ихъ, или принудить: и разнообразные роды музыки, и различные образы мученій, и угрозы, и страшные со всѣхъ сторонъ взгляды, и слова страшнѣе взглядовъ: но не смотря на то, поелику они не измѣнили сами себѣ, но все, что съ ихъ стороны требовалось, сдѣлали; то ни мало ни въ чемъ не потерпѣли вреда; а напротивъ еще свѣтлѣйшими прежнихъ украсились вѣнцами. Связалъ ихъ Навуходоносоръ и бросилъ въ печь, но не причинилъ имъ вреда, а напротивъ еще больше сдѣлалъ пользы и выказалъ ихъ въ большей славѣ.

Тѣ, которые не имѣли ни храма, (опять тоже скажу) ни жертвенника, ни отечества, ни Священниковъ, ни Пророковъ, въ чужой и варварской странѣ, даже въ самой печи, среди всего онаго войска, въ глазахъ самаго царя, производившаго сіе, блистательный поставили трофей и знаменитую одержали побѣду, воспѣвъ чудную оную и преславную пѣснь, которая съ того времени и донынѣ вездѣ по вселенной поется, да и будетъ пѣта въ послѣдующіе роды. Такимъ-то образомъ, кто самъ себѣ не дѣлаетъ зла, тому никто другой не сдѣлаетъ вреда. Я не перестану безпрерывно повторять сіе изреченіе. Ибо естьли плѣнъ, и рабство и одиночество, и удаленіе отъ отечества и отъ всѣхъ родныхъ, и смерть, и сожиганіе, и столь великое войско, и тираннъ столь лютый тремъ Отрокамъ юнымъ, плѣнникамъ, рабамъ, странникамъ, въ чужой землѣ, не могли причинить никакого вреда собственной ихъ добродѣтели, но еще злоумышленіе сіе сдѣлалось для нихъ поводомъ къ большей отважности: то что можетъ вредить внимательному человѣку? Ничто, хотя бы вся вселенная вооружилась про-

живъ него. Но скажутъ: Богъ тогда предсталъ имъ и исхитилъ ихъ изъ пламени. Точно, такъ; но естьли и ты съ своей стороны все сдѣлаешь, то вѣрно и для тебя Богъ сдѣлаетъ все съ своей стороны.

Впрочемъ, я не потому удивляюсь онымъ Отрокамъ, и не потому ублажаю и почитаю ихъ достойными подражанія, что они попрали пламень и преодолѣли силу огня, но потому, что они связаны были, брошены въ печь и преданы огню за истинное ученіе вѣры. Ибо въ семъ заключается вся побѣда ихъ, и вѣнецъ уже наложенъ былъ на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ только были брошены они въ печь; даже онъ началъ сплетаться еще прежде исполненія дѣла, съ тѣхъ словъ, кои съ великою отважностію и свободою, будучи приведены предъ царя, они сказали: *не требѣ намъ о глаголѣ семъ отвѣщати тебѣ. Есть бо Богъ нашъ на небесѣхъ Ему же мы служимъ, силенъ изъяти насъ отъ пещи огнемъ горящія, и отъ руку твоею избавити насъ, царю. Аще же ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не слу-*

жилъ, и образу златому, его же поставилъ еси, не кланяемся. Дан. 3, 16—18. Съ сихъ самыхъ словъ я провозглашаю ихъ побѣдителями; съ сихъ словъ, восхишивъ награду за побѣду, пустились они къ славному вѣнцу мученичества, дабы къ исповѣданію на словахъ присовокупить исповѣданіе на дѣлѣ. А что когда они были брошены въ печь, огонь устыдился тѣлъ ихъ, разторгъ узы, доставивъ имъ возможность свободно ходить по ней, забылъ собственное дѣйствіе, и печь огненная сдѣлалась источникомъ холодныхъ водъ; то сіе уже было чудомъ благодати Божіей и высшаго чудодѣйствія. Подвижники еще прежде, нежели сіе сдѣлалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ только вошли въ пламень, поставили трофеи, одержали побѣду, и украсились вѣнцемъ, и какъ на небѣ такъ и на землѣ провозглашены побѣдителями, и ничего служащаго къ ихъ похвалѣ не опущено.

И такъ что ты теперь скажешь? Посланъ ты въ ссылку и выгнанъ изъ отечества? И они также. Попалъ ты въ плѣнъ и подъ власть варваровъ? Тоже было съ ними.

Никого не имѣешь ты тамъ при себѣ, кто бы устроилъ твои дѣла, наставилъ и научилъ? И они были лишены сего пособія. Тебя связали? Тебя жгутъ? Тебя умерщвляютъ? Конечно не можешь ты ничего сказать страшнѣе сего. Но вотъ и они проходили все сіе; но чрезъ все сіе сдѣлались славнѣе, знаменитѣе и большее богатство собрали для неба. Напротивъ Іудеи, при всемъ томъ, что имѣли и храмъ, и жертвенникъ, и ковчегъ, и херувимовъ, и очистилище, и завѣсу, и безчисленное множество Священниковъ, и каждодневныя службы, и жертвы утреннія, и вечернія, при всемъ томъ, что безпрерывно слышали Пророковъ, живыхъ, умершихъ, оглащающихъ уши ихъ, и всегда имѣли предъ собою напоминаніе о чудесахъ бывшихъ въ Египтѣ, въ пустынѣ и о всѣхъ прочихъ, и имѣли ихъ въ рукахъ своихъ, и написано было это на дверяхъ у нихъ, при всемъ томъ, что видѣли надъ собою великіе тогда опыты чудотворенія, и другія пособія,—не только нимало не получили пользы, но и вредъ. Ибо въ самомъ храмѣ поставили идоловъ и подъ деревами закалали сыновъ своихъ и дочерей,

даже по всей почти Палестинѣ совершали тѣ законопреступныя и нечестивыя жертвы и отважились на тысячи другихъ гнуснѣйшихъ дѣлъ. А Отроки обращаясь среди варваровъ, въ непріятельской и враждебной землѣ, въ домѣ тиранна, будучи лишены всѣхъ тѣхъ пособій, не смотря на то, что ведены были на казнь и сожигаемы, не только отъ того, ни много, ни мало, не потерпѣли вреда; но еще болѣе прославились.

И такъ зная сіе, и подобное тому собирая изъ Богодухновеннаго и Божественнаго Писанія; ибо много можно найти таковыхъ примѣровъ и въ другихъ различныхъ лицахъ, не станемъ считать достаточнымъ для себя извиненіемъ въ какихъ либо проступкахъ ни затруднительность времени или обстоятельствъ, ни необходимость и принужденіе и тиранскую власть сильныхъ. Съ чего говорить началъ я, тѣмъ же и теперь окончу слово: естьли кто терпитъ вредъ и обиды, то вѣрно тотъ терпитъ самъ отъ себя, а не отъ другихъ, хотя бы тысячи были такихъ людей, которые притѣсняютъ и обижаютъ. Естьли же кто самъ

отъ себя не потерпитъ вреда, то, хотя бы на него напали всѣ вообще живущіе на всей землѣ и на морѣ, ни малѣйшаго не могутъ причинить вреда тому, кто бодрствуетъ въ Господѣ и внимателенъ къ себѣ.

Почему умоляю васъ, будемъ внимательны къ себѣ, будемъ бодрствовать всегда и всѣ огорченія переносить мужественно, дабы получить вѣчныя оныя и нетлѣнныя блага, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II.

Всякое время имѣетъ свой духъ, и всякой духъ имѣетъ свое время.

Всякое время имѣетъ свой духъ, т. е. всякой вѣкъ, всякое столѣтіе, каждое поколѣніе людей признаетъ справедливыми какія нибудь начала, обнаруживаетъ въ себѣ какія нибудь склонности; стремится къ достиженію какихъ нибудь цѣлей. Таковое различіе въ намѣреніяхъ, таковая всеобщность въ направленіяхъ, поступкахъ и склонностяхъ, примѣчаемая въ какомъ либо вѣкѣ, называется кратко и выразительно *духомъ времени*,— такимъ духомъ, который какъ бы нѣкою невидимою силою, какъ бы нѣкимъ сверхчувственнымъ дыханіемъ проницаетъ все человѣчество, и въ которомъ оно, какъ въ своей стихіи, живетъ, движется и существуетъ. Посему мы говоримъ, что *всякое время имѣетъ свой духъ*.

Естьли начала, принимаемыя въ какомъ либо вѣкѣ, чисты; естьли склонности, въ немъ обнаруживаемыя, похвальны; естьли

цѣли, надъ достиженіемъ которыхъ труди-лись жившіе въономъ люди, высоки: то мы называемъ духъ такого времени *хорошимъ*. Но естьли все отличіе какого либо вѣка отъ другихъ состоитъ въ томъ, что въ продолженіи его гораздо болѣе принимаемо было безбожныхъ правилъ, гораздо болѣе совершаемо безчестныхъ поступковъ: то мы называемъ духъ такого времени *испорченнымъ*, *злымъ* и *гибельнымъ*. Сей испорченный, злой и гибельный духъ времени, сію всеобщую склонность къ земному, сіе повсемственное стремленіе къ чувственному, сіе небреженіе о высшемъ, лучшемъ, духовномъ,— которое подобно язвѣ заражаетъ какое либо столѣтіе, Священное Писаніе называетъ *духомъ міра*; посему мы говоримъ, что *всякое время имѣетъ свой духъ міра*.

Духъ времени почти всегда имѣетъ превратное направленіе. Посему добрые и честные люди, составляющіе меньшую часть рода человѣческаго, которая умѣла сохранить себя свободною отъ пагубнаго вліянія духа времени, могутъ имѣть справедливое опасеніе, чтобы нѣкоторые члены изъ ихъ ма-

лаго общества не были увлечены коварством сего духа въ бездну суеты мірской.

Впрочемъ всякой духъ имѣетъ свое время.

Въ продолженіи извѣстнаго времени сей нечистый духъ можетъ съ торжествомъ возносить гнусную главу свою, можетъ воздвигать престолъ свой и окружать его блескомъ самодержавнаго господства; впрочемъ онъ никогда не успѣетъ превозмочь надъ духомъ ума, надъ духомъ Божественнаго слова. Посему говоримъ мы, что *каждый духъ имѣетъ свое время.*

Благій духъ, не смотря на то, что въ продолженіи извѣстнаго времени является угнетеннымъ, всегда остается духомъ побѣдоносным, и духъ злобы, при всемъ его злохитромъ могуществѣ, долженъ будетъ уступить высшему, чистѣйшему духу истины, происходящему отъ Бога; поелику *каждый духъ имѣетъ свое время.*

За сію-то надежду, любезные друзья! мы

должны крѣпко держаться, доколѣ злобный духъ времени извивается вокругъ насъ. Мы должны надѣяться, что онъ весьма скоро долженъ будетъ уступить побѣду высшему и чистѣйшему духу. Разкрытіе оснований сея надежды да послужитъ для насъ предметомъ настоящаго размышленія.

Возлюбленные! не всякому духу (учителю) *вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они; потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духъ Божій узнавайте такъ: всякой духъ, который признаетъ Іисуса Христа пришедшимъ во плоти* (вочеловѣчившимся) *есть отъ Бога, а всякой духъ, который не признаетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога; но это есть духъ антихристовъ, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и который теперь уже въ мірѣ. Дѣти! вы отъ Бога, и побѣдили ихъ;* (ложныхъ учителей) *ибо тотъ, кто въ васъ,* (духъ Іисуса Христа) *больше того, кто въ мірѣ. Они* (ложные учители) *отъ міра,* (изъ числа развращенныхъ людей) *потому и говорятъ по мірски;* и *міръ* (злые, предан-

ные чувственности люди) *слушаетъ ихъ. Мы отъ Бога, знающій Бога слушаетъ насъ* (учениковъ и Апостоловъ Іисуса); *а кто не отъ Бога, тотъ насъ не слушаетъ. По сему-то узнаемъ мы духъ заблужденія. Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога, и всякой, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога, кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; ибо Богъ есть любовь.* — 1 Іоа. 4, 1—8.

Святый Іоаннъ въ семъ показанномъ нами мѣстѣ представляется мужественнымъ противоборникомъ духа времени. Онъ имѣлъ причины бороться съ духомъ своего времени; ибо его современники и по душѣ и по тѣлу находились въ оковахъ крайняго разврата. Только малое стадо почитателей Іисуса пребывало постояннымъ и вѣрнымъ среди заразы, распространенной духомъ времени. Ведя мужественную брань съ его исполинскою силою, оно побѣждало и долженствовало побѣждать; поелику духъ, въ немъ дѣйствовавшій, былъ сильнѣе духа міра.

И мы, друзья мои! должны раздѣлять съ Апостоломъ и съ первородными братіями нашими ту увѣренность, что духъ истины гораздо могущественнѣе лживаго духа міра.

Духъ Христіанства сильнѣе духа времени; поелику онъ торжествуетъ 1) посредствомъ истины надъ заблужденіемъ, 2) посредствомъ любви надъ ненавистью, 3) посредствомъ разума надъ чувственностію.

I.

Посредствомъ истины надъ заблужденіемъ.

1) Истина, друзья мои, — истина есть печать Христіанства, истина есть главное основаніе Божественнаго слова, которое Сыномъ Божіимъ принесено съ небесъ на землю. *Я на то родился*, говоритъ Онъ, *и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину.* Іоа. 18, 37. Но то, что приходитъ съ неба, не есть ни обманъ, ни ложь, подобно тому, что производитъ земля. Разумъ и Писаніе суть два путеводителя къ истинѣ. При ихъ руководствѣ

Христіанинъ съ мужествомъ вступаетъ на поприще истины и вѣрно достигаетъ своей цѣли. Никакія сѣти лжи, обмана и коварства не въ силахъ отвлечь его отъ лучезарнаго свѣта истины, коимъ Христіанство озаряетъ своихъ почитателей. Духъ Божій, духъ Его слова, истина Христіанства прогоняетъ облако слѣпоты, которое духъ лжи коварно простираетъ вокругъ себя. При свѣтѣ истины Христіанинъ испытуетъ все то, что духъ времени ни вымышляетъ, о чемъ ни грѣзитъ на основаніи ложныхъ правилъ своихъ; при свѣтѣ истины, сіяющей на тверди Христіанства, онъ съ осмотрительною ревностію ополчается противу твердынь лжи и обмана; при свѣтѣ истины онъ различаетъ существо вещей отъ ихъ внѣшняго вида, языкъ сердца отъ языка льсти и коварства. Никогда не бываетъ онъ бдительнѣе, осторожнѣе и мужественнѣе, какъ въ то время, когда злобный духъ времени подъ обольстительнымъ видомъ кротости, подъ прикрашенною личиною добродѣтели силится распространить свое темное царство.

2) Такъ онъ *силится распространить его!* Низшій классъ людей онъ опутываетъ сѣтями своими, какъ духъ невѣжества и суевѣрія; жителей образованныхъ и знатныхъ городовъ онъ обаваетъ, какъ духъ любознательности и невѣрія. Въ такомъ подлинно состояніи находятся великіе умы настоящаго времени! (По крайней мѣрѣ они сами себя почитаютъ великими.) Они довольно, какъ имъ кажется, имѣютъ собственнаго ума, а посему не имѣютъ нужды ни въ чьемъ наставленіи. *Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое,* говоритъ Спаситель, *тутъ и Я посреди ихъ.* Матѳ. 18, 20. Слова сіи они часто прилагаютъ къ себѣ, и не думая о имени Господа. Весьма часто бываетъ, что во имя Господа собирается не болѣе двухъ или трехъ, между тѣмъ какъ во имя міра собирается двадцать, тридцать, сто и болѣе. Впрочемъ хотя бы собраніе ихъ состояло и изъ тысячи, не бываетъ между ними Господа. Но именно это составляетъ заблужденіе ученыхъ нашего времени. Зараженные духомъ міра ученые, духи обольстители блуждаютъ по разнымъ мѣстамъ, и разсѣваютъ множест-

во зла: ихъ слова сладки, какъ медъ; ихъ языкъ гладокъ; но остръ подобно языку змія. Они переходятъ съ одного мѣста на другое, ища кого бы обольстить; въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ духъ антихриста; бѣгите отъ нихъ, гдѣ только увидите ихъ, бѣгите, доколѣ не сдѣлается невозможнымъ бѣгство. *Они отъ міра, потому говорятъ по мірски, и міръ слушаетъ ихъ.*

По сему *не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они; потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ, а лживые пророки и нечистые духи* должны быть *изъяты отъ земли*. Захар. 13, 2. *Мы приняли не духа міра сего, а духа отъ Бога; мы отъ Бога.* А по сему какъ исповѣдники Того, который пришелъ въ міръ для свидѣтельствованія истины, мы должны мужественно подвизаться за правое дѣло истины, и не щадить заблужденій своего времени: ибо только *тотъ, кто имѣетъ духа Христова, есть Его.*

3) И такъ на комъ лежитъ обязанность слова, тотъ въ какомъ бы ни находился состоянiи, на чредѣ ли общественнаго служенiя, или въ спокойномъ кругѣ семейственной жизни, долженъ такъ возвышать голосъ свой, чтобы онъ могъ быть слышимъ всѣми. Пусть мiръ не будетъ слушать его, онъ однакожъ долженъ говорить; ибо, по крайней мѣрѣ, мiръ долженъ слушать его. Напротивъ кто молчитъ тамъ, гдѣ должно говорить, тотъ грѣшитъ.

Представьте себѣ основателя царства истины, который проповѣдывалъ оную даже до своей смерти; представьте, говорю, Господа и Учителя нашего, какъ Онъ силою Божественнаго слова своего ополчался противу испорченнаго духа времени, — ополчался такъ, что дышавшiе духомъ мiра ясно видѣли, что на нихъ, именно на нихъ, падало его обличенiе, — ополчался противъ духа времени лично. Правда злобный духъ времени успѣлъ возложить на измученную главу его вѣнецъ терновый; но сей вѣнецъ навсегда останется для него вѣнцемъ славной побѣды. Истина въ основанiи своемъ

никогда не оскудѣваетъ; напротивъ для позорнаго торжества лжи предоставлено только краткое время. Духъ Іисусовъ, оный пренебесный Божественный духъ, коимъ исполнены сердца почитателей Его, никогда не былъ побѣжденъ земнымъ и развращеннымъ духомъ времени. Царство Божіе, (Церковь Христова) подобно тѣнистому древу, коего вѣтви странникамъ по вѣрѣ, подъ вечеръ ихъ благочестивой жизни доставляютъ успокоеніе, а плоды довольство и радость, пребываетъ непоколебимо и должно навсегда пребыть таковымъ и дѣйствительно пребудетъ. Посредствомъ насъ, въ насъ и вокругъ насъ оно болѣе и болѣе должно укрѣпляться въ своемъ основаніи, глубже и глубже вкореняться въ душахъ вѣрующихъ, поелику оно есть царство Божіе; но царство Божіе сильнѣе царства діавола, царство свѣта могущественнѣе царства тьмы, царство истины крѣпче царства лжи, духъ Христіанства сильнѣе духа времени; поелику онъ царствуетъ.

II.

Посредствомъ любви надъ ненавистію.

1) *Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, ежели будете имѣть любовь между собою.* Іоа. 13, 35. Это заповѣдь Того, который самъ былъ любы, эта заповѣдь для всѣхъ насъ, кои именуемся во имя Его, и почитаемся учениками Его. И такъ *возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Станемъ любить другъ друга не словомъ, но дѣломъ и истиною.* 1 Іоа. 4, 7. Будемъ любить не только тѣхъ, къ которымъ сердце наше привязано семейственными узами; но и всѣхъ прочихъ братьевъ нашихъ, которыхъ соединяетъ съ нами единство нашего Господа и Учителя, единство вѣры и упованія, единство земли и неба, единство Бога и Отца. Ибо единъ Господь и Учитель, а мы всѣ Его ученики; едина вѣра и едино упованіе, а мы всѣ питомцы сея вѣры и сего упованія; едина земля и едино небо, а мы всѣ граждане того и другаго міра; единъ Богъ, Богъ любви, а мы

всѣ Его твореніе; единъ общій Отецъ на небѣ и на землѣ, а мы всѣ Его дѣти. *Не Отецъ ли единъ всѣмъ намъ? не Богъ ли единъ созда насъ? что яко остависте кійждо брата своего!* Мал. 2, 10. Будемъ питать любовь не токмо къ тѣмъ, кои живутъ съ нами въ одно время, но и къ тѣмъ, кои будутъ жить послѣ насъ. Потомство также, какъ и современники, должно быть предметомъ нашего попеченія. *Какъ Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы служить и отдать душу свою для искупленія многихъ;* Мат. 20, 28. такъ и каждому изъ насъ слово Божіе повелѣваетъ заботиться не о себѣ только, но и о другихъ, и для ихъ блага охотно жертвовать не токмо спокойствіемъ и радостію, благоденствіемъ и здравіемъ, но и самою жизнію Христіанинъ непремѣнно обязанъ къ такому пожертвованію; поелику оно заповѣдуется словомъ Божіимъ.

2) Совсѣмъ иное внушаетъ злобный духъ времени! Будучи по природѣ нечувствителенъ къ тихому впечатлѣнію чистой, святой, безкорыстной, всемъ жерт-

вующей любви, онъ силится подавить въ естествѣ человѣческомъ чувство взаимной любви, которою премудрость Творца одушевила его для того, чтобы человѣкъ тѣмъ вѣрнѣе исполнялъ долгъ сей любви. Самолюбіе, своекорыстіе, своенравіе становятся въ немъ единственнымъ побужденіемъ къ дѣйствованію потому, что онъ дѣлается его плѣнникомъ. Собственный образъ сему человѣку является всегда съ блистательной стороны и въ полуденномъ свѣтѣ, между тѣмъ какъ образъ его собратій представляется всегда со стороны отвратительной и во мракѣ ночи. Истину сію одинъ изъ мудрецовъ древности изображаетъ такъ:,, каждый человѣкъ, говоритъ онъ, носитъ съ ,,собою двѣ сумы; одну напереди, а другую ,,позади.“ И хотя онъ такимъ образомъ носитъ тяжесть; впрочемъ онъ такъ искусно умѣетъ обращать ихъ въ своихъ рукахъ, что онѣ не составляютъ для него никакой тяжести. Въ суму, которую онъ носитъ спереди, кладетъ онъ грѣхи другихъ людей; посему-то онъ съ такою удобностію примѣчаетъ сучекъ въ глазѣ брата; а въ суму, которую онъ носитъ позади, кладетъ соб-

ственные проступки, посему—то такъ трудно для него примѣтить бревно въ собственномъ глазѣ. Лук. 6, 41. 42. Любовь Христіанская не поступаетъ такимъ образомъ; нѣтъ! такъ поступаетъ токмо злобный духъ времени.

Въ какомъ бурномъ дыханіи является сей разрушительный духъ! Предъ нимъ сверкаютъ палящія молніи; по бокамъ и позади его пылаетъ пещь злобы, коварства и насилія. Напротивъ духъ Христіанства является въ кроткомъ дыханіи мира, въ чистомъ и пріятномъ дыханіи любви. Измѣна и ненависть, брани и убійство, не извѣстны въ кругѣ истиннаго Христіанства. Послѣдователь его дотолѣ не ополчитъ мышцы своей на брань, доколѣ не воззоветъ его къ сему или дѣйствительная собственная необходимость, или опасность его отечества и повелѣніе его Государя. Для него потребно совершенно другое духовное оружіе, коимъ онъ долженъ сражаться противъ коварства и ненависти, противъ насилія и притѣсненій. Даже противъ того, кто съ сердцемъ, исполненнымъ ненависти, угрожаетъ

ему вѣчными оковами, онъ выступаетъ не иначе, какъ съ сердцемъ, исполненнымъ кротости, миролюбія и любви. Воинскимъ знакомъ для него служатъ слѣдующія слова: *любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитеся за обижающихъ васъ; поелику любовь есть исполненіе закона.* Матт. 13, 10. Сей благій духъ Христіанства, духъ любви никогда не оскудѣвалъ. Напротивъ измѣна, ненависть, тиранство и преобладаніе сами себя разрушаютъ, сами себѣ уготовляютъ гробъ. Онѣ не могутъ выйти за предѣлы сего міра. Между тѣмъ какъ любовь подобна златой цѣпи, которая простираясь отъ земли, объемлетъ собою человѣчество во времени и вѣчности. *Не судите,* внушаетъ она своимъ послѣдователямъ, и *не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены.* Лук. 6, 37. *Ибо весь законъ заключается въ семъ одномъ словѣ: люби ближняго своего, какъ самаго себя.* Гал. 5, 14.

3) Счастливы мы, что духъ Христіанства каждому нечистому духу времени противу-

полагаетъ чистый и лучшій духъ! Стократъ счастливы мы, что духъ Христіанства сильнѣе духа времени! Но сей благій и Божественный духъ, сей духъ любви и благожеланія долженъ одушевлять и насъ, любезные братья и сестры! Одушевляясь симъ духомъ, мы должны одушевлять имъ наше потомство, нашихъ дѣтей, дабы онъ вмѣстѣ съ возрастомъ ихъ возрасталъ въ нихъ и укрѣплялся. Воспитаніе дѣтей нашихъ въ семъ духѣ любви и истины должно составлять важнѣйшее и единственное наше занятіе. Онѣ составляютъ наше вожделѣннѣйшее благо, наше драгоцѣннѣйшее сокровище, наше лучшее украшеніе, по крайней мѣрѣ онѣ должны быть для насъ таковыми. Притомъ онѣ должны нѣкогда послужить для насъ радостію и подпорою. И такъ должно воспитывать ихъ, воспитывать не въ шумныхъ увеселеніяхъ міра, ни въ пустомъ блескѣ суеты мірской, не для внѣшняго великолѣпія, не для своенравной гордости, не для обольстительныхъ чувственныхъ наслажденій, не для страсти къ удовольствіямъ, погубляющей душу и тѣло, но стараться поселять въ дочеряхъ нашихъ тихую склонность къ семействен-

нымъ занятіямъ, въ сынахъ, свойственную ихъ полу твердость духа; тѣхъ и другихъ стараться образовать *въ наказаніи и ученіи Господа*. Еф. 4, 4. О Христіанскихъ, благочестивыхъ, — истинно Христіанскихъ училищахъ въ коихъ дѣти наши, подобно юнымъ растеніямъ подъ попечительною рукою вертоградаря, воспитываются и образуются съ тѣмъ, чтобы подобно растеніямъ доставить нѣкогда удовольствіе трудившимся надъ ними,—о сихъ Христіанскихъ училищахъ, яко разсадникахъ новаго поколѣнія, которое должно вступить нѣкогда на наши мѣста и должности, намъ должно прилагать попеченіе равное попеченію о домѣ Божіемъ. Намъ должно съ охотою и радостію дѣлать въ ихъ пользу все, что токмо позволяютъ наши силы, имущество и благое расположеніе. И тогда, тогда, и только тогда благій духъ Христовъ, возникнетъ въ торжествѣ на мѣстѣ низложеннаго духа времени. Ибо духъ Христовъ сильнѣе духа времени; поелику онъ торжествуетъ.

III.

Посредствомъ разума надъ чувственностію.

1) Добродѣтель—слово многознаменательное и заключающее въ себѣ важныя понятія,—добродѣтель есть лучезарная звѣзда, коея свѣтъ въ продолженіи земной жизни нашей прогоняетъ густый мракъ разврата; добродѣтель есть свѣтило на мрачномъ небосклонѣ міра, которое освѣщаетъ для насъ путь въ лучшій міръ. Усовершенствованіе себя въ добродѣтели составляетъ существенное назначеніе человѣка; въ этомъ состоитъ, такъ сказать, вся задача его земной жизни. Для разрѣшенія ея Творецъ даровалъ намъ оное неоцѣненное, поистинѣ Божественное сокровище духа, обладая коимъ мы должны возвыситься до способности быть гражданами другаго, лучшаго міра,—даровалъ намъ разумъ, посредствомъ котораго мы отличаемъ справедливое отъ несправедливаго, злое отъ добраго, съ тѣмъ, чтобы съ совершенною свободою избирать первое и удаляться послѣдняго. *Азъ есмь Богъ твой*, говоритъ Господь Аврааму, *ходи предо Мною и буди непороченъ*. Быт. 17, 1. *Будьте со-*

вершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный, Матѳ. 5, 48. увѣщеваетъ насъ Сынъ Божій. Сей высокій и чистый образъ представленія настоящей жизни, въ видѣ пріуготовленія къ жизни лучшей, разумъ можетъ заимствовать токмо изъ Христіанскаго ученія,—и изъ Христіанскаго ученія только тогда, когда онъ дѣйствуетъ правдиво и искренно. Совсѣмъ другое внушаетъ

2) *Злобный духъ времени.* Неограниченное стремленіе къ удовольствіямъ и земному благоденствію, ненасытимая алчность къ чувственнымъ наслажденіямъ, хитрое искуство удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ составляютъ для него единственную и главнѣйшую цѣль бытія. Но горе, горе, естьли духъ времени погрузится въ сію пучину чувственныхъ вожделѣній. Горе, горе, естьли и мы принадлежимъ къ числу тѣхъ, о коихъ сказано: *они отъ міра, потому и говорятъ помірски и міръ слушаетъ ихъ. Горе, горе, творящимъ глубоко совѣтъ, а не Господомъ; и будутъ во тьмѣ дѣла ихъ, и рекутъ: кто ны видѣ и кто*

ны уразумѣетъ, яже мы творимъ? Иса. 29, 15. Богъ видитъ ихъ, Богъ знаетъ ихъ!

Исторія представляетъ намъ назидательнѣйшіе примѣры того, какъ тщательно должно сохранять слухъ и сердце отъ внушеній злобнаго духа времени. Не только частные люди, не только семейства; но цѣлые города и народы пріуготовили какъ гражданскій, такъ и нравственный упадокъ свой тѣмъ, что допустили уловить себя коварству злобнаго духа времени. То, что мы теперь кратко сказали касательно сего предмета, то самое гораздо въ большемъ свѣтѣ представляетъ намъ судьба цѣлаго народа Іудейскаго, то самое гораздо разительнѣе внушаетъ намъ совершенное уничтоженіе государства Іудейскаго, изображенное въ исторіи разрушенія Іерусалима. Іерусалимъ не хотѣлъ внимать гласу Божественнаго Наставника, вѣщавшаго къ нему: *Іерусалимъ, Іерусалимъ, о! естьли бы ты хотя въ сей день твой узналъ то, что служитъ къ благосостоянію твоему! но сіе сокрыто отъ очей твоихъ; ибо огрубѣло сердце людей сихъ,* — и туча бѣд-

ствій пролилась на градъ и землю народа жестоковыйнаго, — и потомки сего народа, нѣкогда великаго и возлюбленнаго Богомъ, донынѣ въ глазахъ нашихъ блуждаютъ безъ пристанища, какъ живые памятники того, какъ строго *Богъ ревнитель отдаетъ грѣхи отецъ на чада.* Исх. 20, 5. 6.

3) Не дай Богъ, чтобы встрѣтилось съ нами что либо подобное! Да не будетъ, во имя всѣхъ насъ говорю, да не будетъ сего! Вмѣсто того, что ы подобно Іудеямъ, работать развращенному духу времени, мы, какъ достойные послѣдователи Іисуса и Его Апостоловъ, будемъ мужественно подвизаться противъ него. Разумъ и Писаніе, внутреннее и внѣшнее Божественное слово, полагаютъ на насъ сію должность. Наши чувства должны быть подчинены разсудку; ибо мы *призваны къ святости, какъ родъ избранный Того, который самъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и у котораго не было лжи во устахъ.* 1 Петр. 2, 22.

Быть ученикомъ Іисуса значитъ подви-

заться за истину и справедливость и истреблять ложь, обманъ и коварство; быть ученикомъ Іисуса значитъ послѣдовать стопамъ Его и противустоять ненависти, измѣнамъ и хищничеству; быть ученикомъ Іисуса значитъ подвизаться въ добродѣтели и ополчаться противъ развращеннаго духа чувственности; быть ученикомъ Іисуса значитъ быть постояннымъ послѣдователемъ Божественнаго слова и святаго ученія Христіанскаго; *ибо небо и земля прейдутъ, но слово Божіе пребудетъ во вѣкъ.* Матѳ. 24, 35.

III.

О служеніи намъ Ангеловъ Хранителей.

Іисусъ Христосъ, дабы укрѣпиться духомъ среди ожидавшихъ Его страданій, сдѣлалъ все, что только могъ. На горѣ масличной, въ прекрасномъ саду, открылъ Онъ свое растерзанное сердце для кроткаго дыханія природы. Взялъ съ собою туда преданнѣйшихъ Себѣ учениковъ, и ожидалъ отрады отъ ихъ дружества. Онъ молился, преклонивъ колѣна. И се является съ неба Ангелъ и укрѣпляетъ Его.

Въ то время, какъ жители земли, которыхь Онъ старался сдѣлать блаженными, приготовляютъ Ему смерть, приходятъ жители небесные, дабы наградить Его за тѣ ужасныя страданія, которыя хотѣлъ Онъ претерпѣть. Въ то время, какъ друзья Его, которымъ Онъ завѣщалъ бдѣть вмѣстѣ съ Собою, погрузившись въ сонъ, оставили Его одного бороться со всѣми ужасами будущаго, притекаетъ помощникъ изъ другаго мі-

ра, дабы на крылахъ своихъ вознести Его превыше земныхъ болѣзней.

Такъ съ Нимъ было, возлюбленные!

Такъ Онъ Себя чувствовалъ, будучи превыше болѣзней и неприкосновенъ для нападеній злобы, и съ симъ чувствіемъ востаетъ отъ молитвы; съ симъ чувствіемъ подходитъ къ спящимъ ученикамъ, въ которыхъ теперь не имѣлъ уже нужды; съ симъ чувствіемъ идетъ на встрѣчу толпѣ предателя, которая уже не можетъ смутить Его; съ симъ чувствіемъ вслухъ объявляетъ Себя, терпитъ озлобленія грубыхъ рабовъ, молится за своихъ мучителей, и умираетъ на крестѣ, не стыдясь сей позорной смерти.

Благородное мужество одушевляетъ Его,— мужество свойственное только нѣжнымъ и святымъ душамъ, — мужество не то, которое выражаетъ себя въ упорствѣ и оцѣпенѣломъ безчувствіи. Сіе мужество было въ Немъ неотлучно, и возрастало до послѣдней минуты, по той мѣрѣ, какъ умно-

жались внѣшнія скорби. Мы знаемъ, откуда пришло оно. Оно принесено съ неба Ангеломъ.

Подумайте, не испытали ли и вы подобной борьбы, подобныхъ опасностей и страданій, столь неизбѣжныхъ въ жизни человѣческой?

Сколь часто обьяснялись вамъ такія обстоятельства, которыя вы долго, но тщетно, старались объяснить! Сколь часто чувствовали вы въ себѣ необыкновенную охоту и способность къ трудамъ, вы, которые въ другое время совсѣмъ и не думали трудиться! Сколь часто вдругъ усматривали вы спасительныя средства и пути къ отвращенію нуждъ вашихъ, покушаясь на то нѣсколько разъ безъ всякаго успѣха! Сколь часто вы думали, что вамъ непремѣнно надлежало пасть подъ бременемъ увеличивающихся бѣдствій, какъ вдругъ являлась неожиданная помощь! Сколь часто, въ тѣ минуты, когда тоскующее сердце ваше теряло всякую надежду найти утѣшеніе, пробуждались въ васъ неожиданныя мысли,

увѣренія и надежды, опъ которыхъ вы, оставаясь въ прежнемъ положеніи, чувствовали себя какъ бы вновь рожденными! Сколь часто могли вы впасть въ заблужденіе, уклониться отъ пути добродѣтели, впасть въ хладныя объятія невѣрія, потонуть въ необозримой глубинѣ; естьли бы въ доброй часъ увидя оную не пришли въ трепетъ, естьли бы какое нибудь слово не вразумило васъ, естьли бы какая нибудь рука васъ не удержала, какой нибудь голосъ не возззвалъ васъ, какое нибудь обстоятельство не ободрило васъ, какое нибудь дѣйствіе, опытъ, или препятствіе не предостерегли васъ отъ грѣха и не прекратили обольщенія, или не подавили страсти, которая угрожала разрушеніемъ вашему благополучію! Сколь часто были бы вы совершенно погибшими среди запутанныхъ обстоятельствъ жизни, среди великихъ дѣлъ вашего званія, среди внѣшнихъ бѣдствій, или внутреннихъ искушеній, безъ высшей помощи!

Съ другой стороны, естьли вы соглашаясь въ получаемей вами посторонней помощи, отвергаете заступленіе неба, пото-

му что не видали онаго: въ такомъ случаѣ виноваты вы сами. Вамъ было явленіе Ангела; только недоставало вамъ глазъ примѣтить оное.

Вы ссылаетесь на силы природы, дабы изъ ихъ дѣйствія изъяснить ваше благополучіе: но развѣ забыли вы, что Богъ своими вѣстниками творитъ вѣтры, и слугами пламень огненный? Вы вспоминаете о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали вашему спасенію; но забыли, что и тѣ случаи, отъ которыхъ зависитъ счастіе нашей жизни, приходятъ отъ Бога, и что въ семъ смыслѣ и теперь еще, какъ въ Священной Исторіи, Ангелъ Господень отворяетъ двери темницы, въ которой томится невинность, и ополчается окрестъ всѣхъ боящихся Его? Вы говорите о людяхъ, чрезъ которыхъ получили защиту и ходатайство, ободреніе и покровительство, побѣду и торжество; и это весьма похвально, что вы содержите ихъ въ благодарной памяти. Но развѣ забыли вы, что Богъ, которому угодно было, чтобы Самъ Сынъ Его принялъ на Себя образъ человѣческій,

можетъ давать сей образъ и Ангеламъ, когда то будетъ нужно для блага человѣковъ? Въ самомъ дѣлѣ не называете ли вы Ангелами во плоти великихъ людей, которые изъ безкорыстной любви жертвуютъ сами собою, или прославились рѣдкими своими заслугами, оказанными своему народу и отечеству? Не говорите ли вы о всякомъ человѣкѣ, который оказалъ вамъ великое благодѣяніе, и спасъ васъ на краю ужасной пропасти, въ которую вы готовы были низринуться: „Онъ былъ моимъ Ангеломъ хранителемъ?" Не называете ли Ангелами хранителями, посылаемыми вамъ отъ Бога на все время опаснаго вашего странствованія, преимущественно тѣхъ людей, которые заботились о нѣжныхъ лѣтахъ вашего дѣтства; которые кроткою и какъ бы невидимою рукою ведутъ васъ по пути жизни, дабы не преткнулась о камень нога ваша; которые, когда только можно, отвращаютъ отъ васъ всякое несчастіе и всякую стрѣлу судьбы; которые блюдутъ ваше сердце отъ его слабостей какъ зѣницу ока, и предохраняютъ васъ отъ погрѣшностей, какъ

мать предохраняетъ спотыкающееся дитя отъ паденія?

Но можете ли вы при всякой получаемой вами помощи дѣйствительно указывать на видимое орудіе? Никакъ, любезные братья! Есть много случаевъ, когда все видимое, кажется, всѣми стрѣлами на насъ вооружается; когда стихіи хотятъ погубить насъ; когда въ обширномъ кругѣ природы нельзя найти ни одного средства къ отвращенію нашихъ напастей; когда люди, отъ которыхъ зависитъ земное наше счастіе, прямо разрушаютъ оное; когда они по крайней мѣрѣ не хотятъ терпѣть вмѣстѣ съ нами, и совершенно не знаютъ, сколь велика внутренняя наша борьба, и сколь прискорбна бываетъ наша душа: когда для истиннаго нашего успокоенія весьма много значитъ, чтобы они около насъ покоились тихимъ сномъ; и однако благотворное мерцаніе убѣгаетъ отъ глазъ нашихъ и наше сердце хочетъ разорваться отъ нестерпимой горести. Откуда же приходитъ наша помощь?

Откуда приходитъ наша помощь, когда мы бываемъ совершенно одни; когда ни остроуміе умныхъ не можетъ пособить намъ, ни рука сильныхъ досягнуть до насъ, ни сокровища богачей помочь намъ, ни любовь самыхъ вѣрныхъ намъ друзей сопровождать насъ? Кто подаетъ намъ избавленіе, и крѣпость, и мужество, и вѣнецъ мужества, и побѣду, и славный даръ неба—твердую рѣшимость, высокое утѣшеніе, безмятежный міръ и радость, превосходящую временныя утѣхи міра?

Наилучшіе изъ добрыхъ людей всегда давали на сей вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „*помощь моя приходитъ отъ Господа, сотворшаго небо и землю.*" Они ощущали въ себѣ чудесную силу, когда были увѣрены въ сихъ словахъ: *Господь Ангеламъ своимъ заповѣдуетъ о тебѣ: на рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* Они твердо вѣрили помощи Ангеловъ, когда размышляли о сихъ словахъ Св. Писанія: *не вси ли суть служебніи духи, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?*

Будемъ вѣришь, друзья мои, какъ они вѣрили; и естьли мы еще не вѣримъ, то начнемъ вѣришь; и тогда будемъ имѣть подобно имъ силу и веселіе.

Но должны ли мы ожидать или требовать *сверхъестественной* помощи и избавленія, когда имѣемъ въ оныхъ нужду? Конечно, иначе мы не имѣли бы духа Христова. Мы должны ожидать помощи свыше, даже и тогда, когда она медлитъ своимъ приходомъ; должны ожидать ее вѣчно, даже и тогда, когда она бываетъ сокрыта отъ человѣческаго взора. Но должны предоставить Господу то, *какъ и чрезъ кого* придетъ она. Всѣ твари суть Его твари. Его власть простирается на безконечное множество средствъ, на безконечное множество силъ, на весь духовный и тѣлесный міръ—и легіоны Ангеловъ повинуются и служатъ Ему. Слѣдовательно Онъ устроитъ на службу нашу все то, что для насъ нужно каждую минуту.

Ежели собственныя наши способности, неизвѣстныя намъ сокровища природы, дѣй-

ствующія въ ближнихъ нашихъ дарованія, побужденія и склонности бываютъ недостаточны въ извѣстныхъ случаяхъ къ тому, чтобы исполнились Божіи о насъ намѣренія: тогда мы на Него должны возлагать упованіе, что Онъ найдетъ другіе пути, другія орудія и другія къ тому средства. Мы должны говорить: *благословите Господа вси Ангели Его, сильніи крѣпостію творящіи слово Его, услышати гласъ словесъ Его! Благословите Господа вся силы Его, слуги Его творящіи волю Его! Благословите Господа вся дѣла Его, на всякомъ мѣстѣ владычествія Его! Благослови душе моя Господа!*

Но вѣра въ существа намъ помогающія и благодѣтельныя, которыя Богъ посылаетъ для служенія намъ, должна ли освобождать насъ отъ собственной нашей заботливости о нашемъ благополучіи? Должна ли она остановить здоровую руку отъ дѣйствія и наши силы отъ исполненія нашей должности? Должна ли приводить насъ къ безпечной дремотѣ въ тѣ рѣшительныя для насъ минуты, когда всѣ праведные бываютъ

гораздо осмотрительнѣе, бдительнѣе, изобрѣтательнѣе и дѣятельнѣе? Нѣтъ!—Лѣствица Іаковлева является во снѣ только тѣмъ, которые сгарая святымъ пламенемъ, и сдѣлавшись не способными къ дальнѣйшей борьбѣ, на пути жизни погружаются въ дремоту. Ангелы сходятъ къ нимъ для такого служенія, въ которомъ отказываетъ имъ обыкновенная природа. Но кто дремлетъ или засыпаетъ отъ безпечности, тотъ не заслуживаетъ, чтобы въ немъ принимали участіе друзья небесные: и никогда сего не получитъ.

Теперь слѣдуетъ важный вопросъ: что можетъ насъ увѣрить въ томъ, что Ангелы намъ служатъ?

Очевидно, что мы можемъ въ томъ увѣриться только тѣмъ, что насъ дѣлаетъ достойными, чтобы Ангелы намъ служили. И такъ

1. Дѣлайте добро. Ибо какъ могутъ Ангелы свѣта принимать участіе въ дѣлахъ тьмы? Какое общеніе между правдою и не-

правдою, между Христомъ и Веліаломъ? Естьли дѣла, которыми вы занимаетесь, суть дѣла Божіи; тогда Богъ помогаетъ вамъ. Естьли ваши побужденія прекрасны, полезны, и клонятся ко благу человѣчества; тогда Ангелы вамъ принадлежатъ, ибо вы имъ принадлежите; и ихъ сила есть сила ваша, ибо ваши цѣли суть цѣли Ангельскія. Естьли вы ревнуете по истинѣ; любите свои должности, гнушаетесь зла, устрояете со страхомъ и трепетомъ ваше спасеніе: тогда не только съ улыбкою и удовольствіемъ парятъ надъ вами духи небесные; но и помогаютъ и содѣйствуютъ вамъ. Но когда они оставляютъ васъ; вы чувствуете вашу бѣдность. Не поставляйте удовольствія въ заблужденіи. Возвращайтесь въ свою потерянную отчизну. Ищите Господа, ибо Его легко можно найти: взывайте къ Нему, ибо Онъ близко. Вѣстники не устанутъ изъ лучшаго міра притекать къ вамъ, руководствовать васъ, подкрѣплять васъ. И о васъ также будутъ радоваться Ангелы Божіи, какъ они радуются о всякомъ кающемся грѣшникѣ. Добрые Ангелы остав-

ляютъ только тѣхъ, которые сами себя оставляютъ.

2. Желайте одного добра, думайте только о добрѣ, устремляйтесь во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ только къ добру. Да будетъ воля Божія, и да пріидетъ Его святое царство! Да будетъ оно началомъ и концемъ, средоточіемъ и крайнею цѣлію вашего ученія, вашихъ дѣлъ, боренія, терпѣнія и благополучія! Отлагайте свои желанія, коль скоро сомнѣваетесь, войдетъ ли исполненіе оныхъ въ намѣренія Божіи. Вы всегда будете видѣть дѣйствіе невидимой руки тамъ, гдѣ не довлѣетъ рука ваша. Вы не тщетно будете взывать о помощи, ибо будете искать оной не во внѣшнихъ событіяхъ, но наипаче въ непрерывной дѣятельности Христіанскаго благочестія. Даже въ тѣ минуты, когда лютая скорбь будетъ снѣдать васъ, и когда вамъ нельзя будетъ избѣжать страданій, съ которыми вы мужественно сражались, вы почувствуете, что небо защищаетъ васъ, и въ увѣренности — *пусть будетъ такъ*!—найдете крѣпость и успокоеніе. Вы повѣрите опыту—что благочести-

выхъ людей когда они не имѣя ни откуду помощи, по видимому погибаютъ, Ангелъ хранитель покрываетъ щитомъ своимъ.

3. Будьте совершенно преданы добру. Дѣлайте добра столько, сколько можете. Дѣлайте все, что вамъ кажется справедливымъ, достохвальнымъ, сообразнымъ времени, угоднымъ Богу. Ежели вы еще не покушались на что нибудь для достиженія благородныхъ цѣлей: то сдѣлайте опытъ, и такимъ образомъ отдайте долгъ жизни. Чего не можете сдѣлать вы, то могутъ сдѣлать другіе. Что не возможно для силъ обыкновенныхъ, то возможно для силъ высшихъ. Что не возможно для людей, то возможно для Ангеловъ. Надобно только, чтобы и вы сами содѣйствовали. Надобно, чтобы вы дѣйствовали охотно, неизмѣнно, постоянно, до послѣднихъ силъ. Тогда вы будете дѣйствовать не одни. Ежели вы будете трудиться не такъ, какъ наемники; то угодны будете небу. Ежели живете и дѣйствуете какъ существа безсмертныя; то безсмертные будутъ нисходить къ вамъ и подавать вамъ, какъ братья, свою руку.

Наконецъ 4. будьте кротки и терпѣливы, хотя бы и медлила своимъ приходомъ помощь, въ которой вы имѣете нужду. На Ангеловъ не льзя роптать. И такъ не унывайте во время вашей брани, и будьте терпѣливы во время искушенія. Не враждуйте съ вѣчною премудростію для одной минуты, въ которую она должна въ васъ прославиться необычайнымъ образомъ; не назначайте Господу мѣры или предѣлы вашихъ страданій. Смиритесь подъ Его крѣпкую руку, да Онъ вознесетъ васъ въ свое время. Часто должны бываютъ возрастать опасности, дабы наше великодушіе содѣлалось геройскимъ мужествомъ; часто должны бываютъ продолжаться скорби, дабы наше терпѣніе просвѣтлѣло какъ терпѣніе Ангела; часто искушеніе должно пройти всѣ степени, дабы мы могли доказать свою вѣрность какъ малые дѣти. И въ сіе-то время являются жители неба для служенія искушеннымъ душамъ, не потому, что будто сіи души достигли уже цѣли и кончили свое дѣло, но потому, что открылась ихъ добродѣтель и настало время ихъ торжества.

Но для чего говорить много? все сіе гораздо яснѣе и съ большею для сердца убѣдительностію можно видѣть въ тотъ день, который предшествовалъ страданіямъ Спасителя.

Дабы увѣриться въ бытіи Ангеловъ, и въ томъ, что они служатъ человѣкамъ; смотрите на Іисуса Христа и учитесь отъ Него.

Онъ отъ юности имѣлъ въ виду одно добро. Ибо Онъ еще въ дѣтствѣ долженъ былъ исполнять волю Отца Своего. Онъ все отвергаетъ съ твердостію и величіемъ духа, что противно волѣ Отчей. И когда искуситель хотѣлъ обратить Его къ другимъ цѣлямъ, то Онъ со всѣмъ сознаніемъ чистоты души своей отвѣтствуетъ: *иди за Мною, сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши. И се Ангели приступиша, и служаху Ему.* Мат. 4, 10. 11.

Онъ хочетъ только добра. Никакое постороннее желаніе не трогаетъ Его сердца.

*

Онъ также чувствуетъ по человѣчески; но Ему чуждо притворство, дѣлающее насиліе природѣ. Онъ откровенно говоритъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти.* Онъ молится: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты.* Онъ остается твердъ въ сей преданности; за то приходитъ къ нему помощь отъ Господа. Замѣчательно, что для спасенія Его отъ рукъ враговъ не является ни одинъ помощникъ. Но является и укрѣпляетъ Его Ангелъ, дабы вознести Его превыше малодушія и нетерпѣнія. По сему Его душа отвергаетъ внѣшнюю оборону и Онъ говоритъ Петру: *или мнится ти, яко не могу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящше неже дванадесяте легеона Ангелъ?* Матѳ. 26, 53. Но то, чего Онъ могъ лишиться по причинѣ сего добровольнаго отреченія, давно уже вознаграждено было жителями невидимаго міра. Съ тою рѣшительною возвышенностію духа, къ какой только можетъ быть способно благородное сердце, Онъ въ тотъ же часъ выходитъ къ народу, который хотѣлъ Его взять.

Онъ весь былъ занятъ порученнымъ Ему дѣломъ. Всѣ Его мысли и желанія, ученіе и дѣла, наставленія и примѣры клонились къ одной главной цѣли — къ искупленію міра. Въ цѣломъ существѣ Его не было ни одной силы, которой бы Онъ не употреблялъ со всею ревностію къ исполненію намѣреній неба.

Впрочемъ при всей своей дѣятельности Онъ съ неограниченною покорностію слѣдовалъ волѣ Пославшаго Его. Онъ имѣлъ пламенное желаніе спасти человѣковъ. Не смотря на то Онъ не жаловался на малые по видимому успѣхи своихъ трудовъ, и не назначилъ времени для своего прославленія. Онъ смиренно говорилъ: *о дни томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели небесніи, токмо Отецъ единъ.* Матѳ. 24, 36. Онъ никогда не хотѣлъ съ самовластіемъ проникать въ судьбы неиспытаннаго. Никогда не хотѣлъ избѣгать судьбы неизбѣжной. Не одобрилъ способа той помощи, которую думалъ оказать Ему Петръ, извлекши ножъ на раба Архіереева.

Сіе-то чувство заставляло жителей неба служить Господу. Они тѣмъ съ большимъ благорасположеніемъ должны были сопровождать жизнь, въ которой просіявала столь кроткая мудрость, не употреблявшая во зло ихъ помощи.

По сей—то причинѣ вы находите, что всякой періодъ жизни Іисусъ Христовой ознаменованъ былъ явленіемъ Ему Ангеловъ. Они воспѣваютъ хвалебныя пѣсни Сыну человѣческому во время Его рожденія. Они покрываютъ своимъ щитомъ Младенца на груди матери. Являются Ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ при всякой великой борьбѣ. Стерегутъ гробъ Распятаго и возвѣщаютъ о новой жизни Воскресшаго. Сопровождаютъ Его при вознесеніи на небо, и Апостоламъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли въ слѣдъ Ему, возвѣщаютъ второе славное Его пришествіе.

Естьли вы хотите еще отвѣта на вопросъ, отъ чего Господь нашъ увѣрялъ въ бытіи и служеніи Ангеловъ; то вы можете приложить вышесказанное къ себѣ самимъ.

Чѣмъ рѣшительнѣе борется человѣкъ съ царствомъ тьмы, тѣмъ крѣпче связуется съ царствомъ свѣта. То, отъ чего адъ теряетъ предъ нимъ всю свою силу, покоряетъ ему святыя силы небесныя. Кто, подобно Іисусу, побѣждаетъ діавола и осуждаетъ его на вѣчныя цѣпи, привлекаетъ къ себѣ всѣхъ добрыхъ духовъ. И поелику такой человѣкъ дышетъ чистымъ воздухомъ лучшаго міра; то и Ангеламъ близъ его бываетъ хорошо.

Итакъ увѣримся въ нашемъ обращеніи съ Ангелами, въ участіи, которое они въ насъ принимаютъ, и въ помощи, которую намъ они оказываютъ.

Для общенія же съ ними требуется истинная, рѣшительная, всецѣлая, несомнительная преданность Богу.

Кто служитъ плоти, тому не обязаны служить Ангелы.

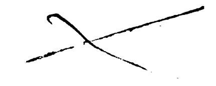
Кто колеблется между высочайшею волею Бога и своею собственною, тотъ не

можетъ надѣяться, чтобы Ангелы при всякомъ его предпріятіи имѣли съ нимъ общеніе.

Кто не посвящаетъ всей своей жизни на исполненіе своихъ обязанностей, тотъ не достоинъ того, чтобы Ангелы помогали ему и посѣщали его.

Кто думаетъ присвоять себѣ власть Единаго Премудраго, — которому да будетъ честь и слава во вѣки вѣковъ — и вмѣсто того, чтобы говорить со смиреніемъ: „Господи, не моя, но Твоя воля да будетъ" пожираетъ самъ себя отъ нетерпѣнія: тотъ затворяетъ себѣ входъ въ цѣлительную, радостотворную Виѳесду, въ которую Ангелъ погружаетъ страждущія души.

И такъ мы не одни. Около насъ много свѣтлыхъ духовъ. Наша вѣра много видитъ Ангеловъ. Пусть люди не могутъ или не хотятъ помогать намъ: мы умѣемъ обойтись и безъ нихъ. Среди нашей бѣдности и униженія мы имѣемъ сильныхъ и славныхъ за себя ходатаевъ: ибо Ангелы наши *на небеси выну видятъ лице Отца небеснаго!*

IV.

ВЗОРЪ ХРИСТІАНИНА НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Хотя намъ не предвозвѣщены неложными Пророками такія событія, какія Іисусъ предсказалъ (Лук. 21, 7—26) своимъ современникамъ; хотя мы живемъ теперь въ мирѣ со всѣми окрестными народами: впрочемъ и для насъ каждый часъ есть ожиданіе новаго. И естьли каждый новый день, выходя изъ мрака будущности, выноситъ съ собою новыя явленія; тѣмъ болѣе каждый новый годъ на крылахъ времени приноситъ намъ неизвѣстныя вещи. По сему истинный Христіанинъ, который смотритъ на настоящую жизнь въ ея неразрывной связи съ будущею, тѣмъ болѣе долженъ быть внимательнымъ къ слѣдующему году, при колыбели котораго стоятъ вмѣстѣ съ нимъ милліоны и прозираютъ въ будущее. Даже и естественное побужденіе обращаетъ взоръ человѣка болѣе на будущее, нежели на прошедшее. Будущее есть для него безпредѣльная область мрака и неизвѣстности, кото-

рая тѣмъ болѣе доставляетъ пищи его воображенію, что еще ни одинъ человѣкъ на землѣ не находилъ ключа къ запертымъ вратамъ ея. Онъ всегда съ надеждою идетъ въ передъ, и самое воспоминаніе о прошедшемъ, кажется, для того только хранитъ въ душѣ своей, чтобы полагать его въ основаніе многоразличныхъ надеждъ своихъ.—

Но какъ часто смертный услаждаетъ взоръ свой только мечтами своей фантазіи! Какъ часто духъ его, увлеченный минутнымъ наслажденіемъ, ослѣпленный мечтою и страстями, заходитъ въ лабиринты противорѣчащихъ надеждъ и желаній!—Посему да будетъ первымъ и наилучшимъ моимъ занятіемъ, при началѣ сего года, размышленіе, какимъ образомъ я, какъ Христіанинъ, неомраченнымъ умомъ и живымъ чувствомъ долженъ взирать на ближайшее будущее. — Но какіе предметы, при размышленіи о будущемъ, обращаютъ на себя взоръ мой?

Конечно взоръ мой прежде всего обращается на меня самаго. Съ моей внѣшней и внутренней жизни долженъ я начать смот-

рѣть на будущее земное бытіе мое. Для современниковъ я буду ничто, естьли не обращу надлежащаго взора на себя самаго. Не только мое благополучіе, но и все мое бытіе было бы ничто для міра; естьли бы я, съ важностію разсуждая о всемъ, оставилъ безъ вниманія свой собственный характеръ, свои силы, свою судьбу. Поставленный въ связи съ другими, я не долженъ быть безполезнымъ членомъ въ сей великой цѣпи: ибо мое бытіе и дѣйствія, мои наслажденія и страданія имѣютъ вліяніе на состояніе другихъ человѣковъ; посему не только для себя одного, но и для моихъ современниковъ, для моего потомства я долженъ поставить себя на ряду съ тѣми предметами, на которые долженъ упасть взоръ мой при размышленіи о будущемъ годѣ.

Двенадцать мѣсяцовъ стоятъ предо мною какъ нѣкіе таинственные и сокровенные образы. Всѣ ли они пройдутъ мимо меня, и какимъ образомъ? Страхъ ли и трепетъ буду ощущать я въ себѣ, когда они мало помалу будутъ открывать предо мною лице свое; или дружественный, пріятный взоръ

ихъ наполнитъ душу мою чувствомъ благодарности и радованія? Двенадцать мѣсяцовъ съ ихъ днями, часами и минутами! Какое множество новыхъ мыслей, желаній и надеждъ произведутъ они въ душѣ моей! Способнѣе ли будетъ сердце мое къ добру? Постояннѣе ли будетъ моя добродѣтель? Болѣе ли буду я прилагать попеченія о внутреннемъ спокойствіи безсмертной души моей, о томъ, чтобы *имѣть непорочную совѣсть предъ Богомъ и людьми!* Могутъ случиться непредвидѣнныя обстоятельства, неожиданныя связи, которыя, поколику я буду заниматься и пользоваться ими, могутъ препятствовать или споспѣшествовать дальнѣйщему образованію моего характера и спокойствію моей жизни, препятствовать или споспѣшествовать всей судьбѣ моей жизни. Можетъ быть, произойдетъ перемѣна состоянія, новое знакомство, разрывъ прежняго попричинѣ невѣрности, или по другимъ какимъ непріятностямъ: какое дѣйствіе все сіе можетъ имѣть на мои предпріятія, на всю внутреннюю жизнь мою. Какимъ путемъ надежнѣе достигну я цѣли моихъ желаній? Спокойно ли, въ продолже-

ніе сего года буду я наслаждаться моимъ земнымъ благосостояніемъ, или долженъ буду защищать его отъ обуревающихъ опасностей? Цвѣтущее ли здоровье будетъ услаждать жизнь мою, или продолжительная болѣзнь содѣлаетъ ее для меня горькою? Блага ли земныя и радости будутъ радовать мое сердце, или источники новыхъ заботъ и нѣкоей тайной печали откроются предъ нимъ? На все сіе мнѣ должно устремить взоръ свой; ибо вступленіе въ новый періодъ времени напоминаетъ мнѣ о моей собственной жизни.

Разширяю кругъ своего зрѣнія, и на кого послѣ меня самаго падетъ взоръ мой при началѣ новаго года? На кого ближе долженъ и можетъ упасть онъ, какъ не на мое семейство, на моихъ друзей? Имъ давно уже принадлежитъ мое сердце; ими привязанъ я къ міру; въ нихъ какъ бы корень бытія моего. Изъ нѣдръ ихъ любви и дружества духъ мой заимствуетъ питательную пищу; ибо имъ обязанъ я тѣми безцѣнными, чистыми удовольствіями жизни, которыми наслаждаются души въ возвышенномъ чувствѣ внутренняго родства.

Еще болѣе! Я глубоко чувствую, сколь много, при ихъ сопутствіи, облегчается путь добродѣтели, и услаждаются горестные опыты жизни. Да и не естественно ли моему сердцу, при воззрѣніи на грядущіе дни сего года, обнимать нѣжнѣйшими попеченіями и искренними желаніями всѣхъ тѣхъ, кои соединены со мною союзомъ священнѣйшимъ! Не естественно ли мнѣ, какъ отцу семейства, съ нѣкоторою заботливостію смотрѣть на моихъ домашнихъ: умножатся ли мои средства и силы для ихъ содержанія, или я лишусь и послѣднихъ; посему печаль или радость будетъ долею моихъ возлюбленныхъ?—Не естественно ли мнѣ, какъ супругу, позаботиться о спокойствіи своей супруги, какъ сыну, — о благосостояніи своихъ родителей, какъ отцу или матери, — о воспитаніи дѣтей своихъ, какъ брату, — о счастіи сестеръ своихъ, какъ другу, — о должностяхъ друга и моихъ собственныхъ ко всѣмъ людямъ? Не естественно ли мнѣ помыслить о томъ: довольны ли они будутъ мною въ продолженіе сего года? Какія потерпятъ они несчастія? Долго ли буду я съ ними? Можетъ быть

Богъ въ теченіи сего года, того или другаго изъ нихъ разлучитъ со мною на долгое время.—

Особенное мое званіе, которое доставляетъ мнѣ средства къ моему содержанію съ моими домашними, весьма естественно обращаетъ на себя взоръ мой. Ибо посредствомъ должности,—къ которой я обращаю всю свою дѣятельность, для которой образую свои способности,—нахожусь я въ священномъ союзѣ со всѣми гражданами государства, и имѣю нѣкоторое значеніе въ семъ мірѣ,—безъ ней я былъ бы безполезнымъ бременемъ для земли. Она заставляетъ меня дѣйствовать для блага человѣческаго, сколь бы ни тѣсенъ былъ кругъ моей дѣятельности въ глазахъ міра. Притомъ гласъ совѣсти требуетъ отъ меня, чтобы обязанности, добровольно мною принятыя, почиталъ я священными, ненарушимыми. Кто вступилъ въ какое либо состояніе, тотъ долженъ умѣть переносить всѣ его непріятности, естьли хочетъ наслаждаться его радостями. Начальники и подчиненные конечно могутъ иногда сдѣлать обязанности его тягостными; но

могутъ также случиться и благопріятствующія обстоятельства, которыя облегчатъ ему трудности его званія и сообщатъ духъ и силу къ полезнымъ предпріятіямъ. Для сего потребна бдительность и вѣрность. И сколь прилично и полезно, при началѣ новаго года, размыслить о будущихъ своихъ занятіяхъ, начертать для себя планъ, дабы въ теченіе сего года исправлять свою должность съ большимъ порядкомъ и точностію, а чрезъ то съ большею удобностію и пользою, — съ большимъ достоинствомъ и честію!

Но можно ли забыть, при воззрѣніи на будущій годъ, о своей родинѣ и отечествѣ? Не напоминаютъ ли намъ сіи священныя имена нѣкоторыхъ важныхъ и поучительныхъ для насъ событій въ исторіи нашего народа? Не напоминаютъ ли онѣ намъ о дѣлахъ нашихъ предковъ, о ихъ величіи и славѣ; и не должны ли онѣ послѣ сего воодушевлять насъ высокими желаніями и смѣлыми надеждами? Отечество есть земля, отъ которой наше тѣло и душа въ первые дни свои заимствовали себѣ пищу; подъ

вліяніемъ его обычаевъ, нравовъ, учрежденій, языка и законовъ возрасли мы; подъ благословеннымъ небомъ ея укрѣпились наши духовныя силы, и мы научились чувствовать святое въ вѣрѣ отцевъ нашихъ; на ней обрѣли мы тѣ драгоцѣннѣйшія существа, въ пріятномъ общеніи съ которыми научились любить собственное бытіе свое:—и кто можетъ быть, при началѣ новаго періода времени, равнодушнымъ къ тому, какая участь постигнетъ его отечество? Дороговизна ли, голодъ, болѣзни и бѣдность будутъ угнетать гражданъ, или благосостояніе и спокойное наслажденіе пріятностями жизни будутъ увеселять ихъ? Кто можетъ быть равнодушнымъ къ тому, вознаградитъ ли будущность прошедшія потери нашего отечества; безопасный ли миръ будетъ обитать на предѣлахъ, и спокойствіе царствовать среди народа; или новая война и внутреннія возмущенія повергнутъ его въ новыя бѣдствія? Кто не приметъ участія въ томъ, дерзкое ли своевольство и насиліе, попирающія всѣ естественныя права, будутъ порабощать людей; или священная власть законовъ будетъ дѣйствовать во всей сво-

ей силѣ, и правда и мудрость отличать правителей, вѣрность и покорность отличать подчиненныхъ? подлые ли льстецы будутъ обольщать сильныхъ, и разгоряченные умы ослѣплять народъ; или чувство взаимныхъ потребностей тѣсно соединитъ между собою престолъ и хижину, и добрые нравы выполнятъ силу законовъ? Кто не пожелаетъ, чтобы подъ вліяніемъ мудраго и кроткаго правительства болѣе и болѣе открывались повсюду новые источники и средства къ общественному благосостоянію; открывались бы новые пути къ разкрытію въ народѣ всѣхъ способностей и силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, дабы отечество всегда находило свою славу въ цвѣтущемъ состояніи наукъ и искусствъ, и непрестанно возрастающихъ успѣхахъ промышленности? Кто наипаче не пожелаетъ, при мысли о будущемъ, чтобы всѣ общественныя учрежденія для Христіанскаго образованія и воспитанія народа, для вспомоществованія страждущему человѣчеству, чтобы Церковь и ея училища, и всѣ вообще благодѣтельныя заведенія, обращали на себя болѣе и болѣе попечительный взоръ правитель-

ства, дабы не только благосостояніе граждан, но наипаче внутреннее посредствомъ вѣры утверждалось на незыблемомъ основаніи?

Но естьли я вступилъ въ сей новый годъ, какъ Христіанинъ; то взоръ мой не останавливается только на моемъ семействѣ и отечествѣ; нѣтъ! онъ простирается на весь человѣческій родъ. Весь родъ человѣческій, для Христіанина, есть одно семейство Божіе, для котораго Спаситель приходилъ въ міръ, страдалъ и умеръ. Всѣ, носящіе на сей пространной землѣ имя человѣка, имѣютъ часть въ моемъ сердцѣ; ибо каждый человѣкъ имѣетъ одно со мною произхожденіе, одно назначеніе! Ничто не можетъ быть ближе къ человѣку человѣка. — О, удались отъ меня ты односторонность сердца, при которой не возникаютъ никакія другія благороднѣйшія побужденія, никакія высшія чувствованія, никакія большія желанія, кромѣ тѣхъ, кои раждаются отъ пристрастія, отъ чрезмѣрной разсчетливости и низкаго своекорыстія. Да разширится сердце мое при воззрѣніи на гря-

дущіе дни сего года! Тамъ, гдѣ оскорбляютъ человѣчество и лишаютъ его правъ своихъ; тамъ, гдѣ бы это ни было, я чувствую оскорбленіе себя самаго. Гдѣ преслѣдуютъ истину, добродѣтель и невинность, тамъ преслѣдуютъ меня. Равнымъ образомъ я чувствую уваженіе къ себѣ самому, когда гдѣ либо во вселенной уважается достоинство человѣчества, и когда мало по малу истребляются невѣжество, суевѣріе и грубость; когда человѣчество возвышается изъ праха своего уничиженія, и, съ яснымъ сознаніемъ своего назначенія, охотно принимаетъ законы человѣческіе и Божескіе. Я не могу въ живомъ чувствіи радости не благословлять Вѣчнаго, когда свѣтъ Христіанства быстро разпространяется между тьмою язычества, и царство Божіе, обнимая небо и землю, болѣе и болѣе утверждается чрезъ то въ своемъ основаніи.

Я понимаю важность сихъ предметовъ, и они при началѣ сего года заслуживаютъ все мое вниманіе; но понимаю и то, что я долженъ обратить вниманіе и на тѣ расположенія моего духа, которыя должны ожи-

влять взоръ мой на грядущіе дни. Какъ долженъ я взирать на нихъ?

Съ дѣтскимъ смиреніемъ долженъ взирать я на будущее. Объ немъ столько же знаетъ мудрецъ, какъ и самый необразованнѣйшій. Чувство собственныхъ слабостей проникаетъ меня при мысли о Всевѣдущемъ, котораго око объемлетъ тысячи лѣтъ, — и предъ которымъ тысячи лѣтъ какъ день вчерашній. Здѣсь — въ началѣ новаго періода времени — я стою какъ бы на предѣлахъ мрачной страны, въ которой нѣкая невидимая рука, таинственнымъ для меня образомъ управляетъ моею судьбою. Сколь бы далеко ни простирался я, сколько бы ни вопрошалъ; никто не можетъ сообщить мнѣ свѣдѣнія о дѣйствіи вѣчнаго духа за завѣсою будущности, при всемъ своимъ мышленіи и стремленіи я не могу упредить времени, не могу ничего переиначить; я долженъ итти ему на встрѣчу, не зная, что оно несетъ мнѣ. Въ какой зависимости я чувствую себя! Глубокое благоговѣніе предъ Вездѣсущимъ наполняетъ душу мою при сей мысли. Смѣю ли я желать чего либо опредѣленнаго: я не

знаю, дѣйствительно ли оно будетъ полезно мнѣ и другимъ? Не имѣя пророческаго духа, я могу бросать только робкій взоръ во мракъ будущаго, и съ благоговѣйнымъ чувствомъ взывать: Господи, не какъ я хочу, но какъ Ты! Ибо Твои мысли и пути такъ далеко отстоятъ отъ мыслей и путей моихъ, какъ небо отъ земли. (Ис. 55, 8. 9.) Одно только скромное желаніе могу я питать въ себѣ, и съ совершенною преданностію надѣяться и ожидать того, что пошлетъ мнѣ Господь судьбы моей.

Естьли же мы такъ мало, или даже ничего не знаемъ о будущемъ, естьли не знаемъ, какъ говоритъ Іисусъ Христосъ, дня и часа, когда пріидетъ Господь, потребовать отчета отъ насъ, отъ нашего дома, отъ нашихъ занятій, отъ нашего отечества, и отъ всего человѣческаго рода; то тѣмъ болѣе мы должны бодрствовать, (Матт. 24, 42. 44.) тѣмъ болѣе должны дѣйствовать для будущаго, и въ семъ отношеніи, какъ Христіане, мы должны взирать на будущее съ благочестивыми предположеніями и святою рѣшимостію. Настоящее всегда остается виновнымъ

предъ будущимъ во всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ, такъ какъ прошедшее часто терпитъ укоризны отъ настоящаго, которое было нѣкогда будущимъ. Для насъ было бы не простительно, естьли бы мы, въ ожиданіи грядущаго на вселенную, оставались въ постыдной бездѣйственности. Взирая на будущее, мы должны проводить настоящіе дни свои въ добродѣтели, дабы чрезъ то безукоризненно, безъ всякаго страха итти ему на встрѣчу, и быть готовыми ко всѣмъ его непріятностямъ. Ибо съ какой стороны человѣкъ смотритъ на жизнь и въ какое отношеніе къ будущему поставляетъ себя своими дѣйствіями, страданіями и наслажденіями; отъ того большею частію зависитъ то, что можетъ дѣлать его счастливымъ и спокойнымъ; въ семъ заключается все значеніе слова *судьба,* которое безъ разсматриванія міра человѣкомъ было бы одинъ пустой звукъ. Только въ умѣ человѣка образуется чудесная перемѣна явленій въ семъ понятіи; только въ духѣ человѣческомъ находится сила, дать значеніе судьбѣ, и сила побѣдить ее. Животное не знаетъ никакой судьбы; оно не знаетъ никакихъ обязанно-

шей, никакого назначенія; отъ него будущее никогда не требуетъ отчета въ употребленіи настоящаго. Но я человѣкъ, и слѣд. моя судьба находится въ моей власти; посему я долженъ обратить на будущее не праздный, но дѣятельный и рѣшительный взоръ, дабы тѣмъ оправдать справедливыя отъ меня ожиданія моихъ современниковъ и потомковъ. Каждый день наступающаго года долженъ быть неложнымъ свидѣтелемъ, что я всѣ свои силы употребляю для благосостоянія своего семейства и своихъ друзей, для исполненія своей должности, для счастія своего отечества и блаженства всего человѣчества!

Послѣ сего моя судьба не будетъ уже для меня страшною. На прочее же, что не состоитъ въ моей власти, я буду тогда взирать спокойнымъ, исполненнымъ упованія взоромъ. Чтобы при всей неизвѣстности и мракѣ будущаго, при всемъ чувствѣ собственныхъ слабостей и зависимости, безтрепетною ногою итти въ передъ, для сего потребна крѣпкая вѣра въ Бога, которая руководствуетъ благочестивыхъ, какъ нѣког-

да руководствовала Авраама, принявшаго повелѣніе, итти въ отдаленную, неизвѣстную ему страну. Бодрый духъ долженъ оживлять меня, естьли сей годъ посѣтитъ меня неожиданными несчастіями; крѣпкая надежда на успѣхъ добрыхъ дѣлъ должна быть моимъ оружіемъ противъ страха, невѣрія, ропота и отчаянія. „Ожиданіе праведныхъ обратится въ радость.“—Заботы, которыя теперь еще угнетаютъ меня, престанутъ; нужда, которую терпятъ мои домашніе, обратится въ веселіе; трудности, которыя сопряжены съ моимъ званіемъ, мало по малу облегчатся; вопли, которые еще слышны въ отечествѣ, утихнутъ; наконецъ поношеніе, которое родъ человѣческій еще частію терпитъ, будетъ отъято.—

Вотъ надежды, съ которыми я, при помощи Божіей, спокойно вступаю въ новый годъ сей. То, что донынѣ остается для меня мрачнымъ, обратится наконецъ въ восхитительную ясность. *И естьли даже я пойду долиною смертной тѣни, то не убоюсь зла; ибо Ты,* мой Богъ, *со мною;*

Ты водишь меня по Твоему изволенію, и потомъ возведешь меня въ славу. (Псал. 23, 4. 73, 24.)

V.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

СЛОВО

О ПОСТѢ.

Вострубите въ новомѣсячіи трубою, во благознаменитый день праздника вашего. Псал. 80, 4. Такъ повелѣваетъ Пророкъ. Впрочемъ, намъ громче всякой трубы, и звучнѣе всякаго музыкальнаго орудія о праздникѣ, предваряющемъ дни сіи, сказываютъ чтенія. Ибо о достоинствѣ постовъ мы узнали отъ Исаіи, который отвергнувъ Іудейскій образъ пощенія, показываетъ намъ свойство истиннаго поста: *не въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, но разрѣшай всякъ соузъ неправды.* Ис. 58, 4. 6. И Господь говоритъ: *не будьте уныльі, но умой лице твое и помажь голову твою.* Мат. 6, 16. 17. И такъ согласно съ сими наставленіями настроимъ духъ нашъ и срѣтимъ наступающіе дни не съ мрачнымъ лицемъ,

но съ свѣтлымъ, какъ прилично святымъ. Не въ унынiи получаютъ вѣнецъ, и не въ горести ставятъ трофеи. Не будь унылъ, когда тебя лѣчатъ. Безразсудно не радоваться о здравiи души, или еще скучать о перемѣнѣ пищи, и такимъ образомъ выказывать больше заботливости о угожденiи чреву, нежели о душѣ. Ибо насыщенiе доставляетъ только удовольствiе чреву, а постъ приноситъ пользу душѣ. Радуйся о томъ, что врачь далъ тебѣ лѣкарство противу грѣховъ. Ибо какъ черви, зараждающiеся у дѣтей въ желудкѣ, истребляются нѣкоторыми ѣдкими лѣкарствами; такъ и постъ, естьли онъ прямо соотвѣтствуетъ своему имени, входя въ душу, умерщвляетъ грѣхъ кроющiйся во глубинѣ ея.

Помажь голову твою и умой лице твое. Слова сiи возводятъ тебя къ тайнамъ. Помазанному велѣно помазать себя, омывшемуся велѣно омыться. Повелѣнiе сiе должно относить ко внутреннимъ членамъ. Смой грѣхи съ души, помажь главу помазанiемъ святымъ, дабы имѣть общенiе съ Помазанникомъ, и такимъ образомъ присту-

ни къ посту. Не принимай на себя мрачнаго лица, подобно лицемѣрамъ. Мрачное лице принимаютъ на себя, когда хотятъ худую внутренность застѣнить притворнымъ наружнымъ видомъ, и закрыть ее ложью, какъ завѣсою. Притворяются на театрѣ, когда принимаютъ на себя чужое лице; на примѣръ рабъ — лице господина, и частный человѣкъ — лице царя. Подобнымъ образомъ и въ семъ мірѣ, многіе ведутъ жизнь свою по театральному, какъ на сценѣ: иное носятъ въ сердцѣ, а иное показываютъ наружно предъ людьми. И такъ не принимай на себя мрачнаго лица; кажись такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Не дѣлай унылаго вида, для того, чтобъ показаться постникомъ и чрезъ то пріобрѣсть славу. Нѣтъ пользы отъ добрыхъ дѣлъ, когда объ нихъ трубятъ, и нѣтъ выгоды отъ поста, когда имъ тщеславятся въ народѣ. Потому что дѣла, дѣлаемыя на показъ, не даютъ плодовъ для жизни будущей, но ограничиваются похвалою человѣческою. И такъ съ веселымъ духомъ пріими даруемый тебѣ постъ. Постъ есть древній даръ, ни-

когда не ветшающій и не старѣющійся, но всегда обновляющійся и цвѣтущій.

Не думаешь ли, что начало поста стану я производить со временъ закона? Постъ древнѣе самаго закона. Повремени, и увѣришься въ истинѣ сказаннаго. Не думай, что постъ ведетъ свое начало съ того дня очищенія, который назначенъ былъ Израильтянамъ въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ десятый день мѣсяца. Иди по Исторіи далѣе, ищи начала его. Онъ не есть новое изобрѣтеніе, но драгоцѣнное сокровище, переданное отъ отцевъ. Все отличающееся древностію, достойно уваженія. Уважь древность поста: онъ современенъ первому человѣку. Постъ установленъ въ раю. Вотъ первая заповѣдь, какую получилъ Адамъ: *отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте.* Быт. 2, 17. Въ словѣ: *не снѣсте* установленъ законъ о постѣ и воздержаніи. Естьли бы Евва воздержалась отъ древа; то и мы теперь не имѣли бы нужды въ семъ постѣ. Ибо *не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные.* Мат. 9, 12. Отъ грѣха сдѣлались мы больными,

будемъ врачевать себя покаяніемъ; покаяніе же безъ поста безплодно. *Проклята земля, тернія и волчцы возраститъ тебѣ.* Быт. 3, 18. Печалиться тебѣ велѣно, а не роскошествовать, постомъ умилостивляй Бога. И самая жизнь въ раю представляетъ намъ образецъ постничества, не потому только, что человѣкъ провождалъ одинаковый съ Ангелами образъ жизни, и, довольствуясь немногимъ, былъ имъ совершенно подобенъ; но и потому, что поздныя изобрѣтенія ума человѣческаго жившими въ раю не были еще выдуманы. Тогда не пили еще вина, не закалали животныхъ, и не имѣли ничего такого, что затмѣваетъ умъ человѣческій.

За то что мы не постились, потеряли рай; и такъ станемъ поститься, чтобъ опять войти въ рай. Не видишь ли, какъ Лазарь вошелъ въ рай чрезъ свое постничество? Не подражай непослушанію Еввы, не принимай опять совѣтовъ отъ змѣя, который предлагаетъ пищу во угожденіе плоти. Не отговаривайся слабостію тѣла и нездоровьемъ. Ибо не передо мною от-

говариваешься, но предъ Всевѣдущимъ. Скажи мнѣ, не можешь ты поститься, а пресыщаться и мучить тѣло, обременяя его пищею можешь. Но я знаю, что и врачи предписываютъ больнымъ не разныя яства, а воздержаніе отъ пищи и пощеніе. Впрочемъ какъ же ты это можешь дѣлать, а отъ того отговариваешься, будто не можешь? Что легче для желудка, провесть ли ночь послѣ скуднаго ужина, или пролежать обремененному лакомыми яствами? Да еще и не лежать, а непрестанно ворочаться отъ сильной натуги и давленія. Не уже ли скажешь, что кормчему удобнѣе соблюсти тяжело нагруженное судно, нежели легкое и безъ груза? Тяжело нагруженное судно и небольшія волны потопятъ, а съ умѣреннымъ грузомъ легко плыветъ оно поверхъ воды; поелику ничто не препятствуетъ ему быть поверхъ воды. Такъ и тѣла человѣческія непрерывно обременяемыя пресыщеніемъ удобно погружаются въ болѣзни, а употребляющія умѣренную и легкую пищу, не только избѣгаютъ отъ угрожающихъ болѣзней, какъ отъ бури; но и приключившуюся болѣзнь, какъ

бы поднявшійся вихрь отъ себя отвращаютъ. Вѣрно по твоему мнѣнію труднѣе отдыхать, нежели бѣгать, и труднѣе покоиться, нежели сражаться, естьли ты думаешь, что больнымъ приличнѣе роскошничать, нежели вести умѣренную жизнь? Ибо жизненная наша сила простую и легкую пищу удобно переваривaетъ и обращаетъ въ существо питаемаго тѣла; а съ роскошными и разными яствами она не въ силахъ управиться; отъ чего и происходятъ разные роды болѣзней. —

Но слово наше пусть перейдетъ опять къ Исторіи, и опишетъ, какъ древенъ постъ, и какъ всѣ святые перенимая его отъ предковъ, какъ отеческое наслѣдство, сохранили его, предавая отецъ сыну. Отъ нихъ по преемству и до насъ уцѣлѣло сіе сокровище. Въ раю не было вина, не закалали еще животныхъ, не ѣли мяса. Послѣ потопа вино, послѣ потопа сказано: ѣшьте все, какъ *зеліе травное*. Быт. 9, 3. Когда не стало надежды довести человѣка до совершенства, тогда позволено ему пользоваться всѣмъ. А что вино не было тогда

извѣстно, доказательствомъ служитъ Ной, не знавшій силы онаго. Оно еще не вошло тогда въ употребленіе, еще не ходило между людьми. Потому онъ не видавъ опыта надъ другими и самъ не испытавъ не осторожно подвергся вреднымъ его дѣйствіямъ. *Насади виноградъ Ное и испи отъ плода и упися,* Б. 9, 20. не потому, что онъ былъ склоненъ къ пьянству, но потому, что еще не зналъ, сколько употребить. И такъ вино введено позже райскихъ временъ, и слѣдовательно постъ заслуживаетъ уваженіе по своей древности. Извѣстно намъ, что и Моисей посредствомъ поста взошелъ на гору. Не оградившись постомъ, онъ конечно не осмѣлился бы войти во мракъ, когда дымилась вершина горы. Постясь получилъ онъ законъ самимъ Богомъ начертанный на скрижаляхъ. И тогда какъ на верьху горы постъ доставлялъ законъ, внизу подъ горою чревоугодіе бѣшенствовало до идолопоклонства. *Сѣдоша людіе ясти и пити и восташа играти.* Исх. 32, 6. Что въ продолженіи сорока дней рабъ Божій сдѣлалъ постомъ и молитвою, все то уничтожило одно упоеніе. Исписанныя

перстомъ Божіимъ скрижали, которыя получилъ постъ, разбило пьянство: ибо въ глазахъ Пророка пьянствующій народъ уже недостоинъ былъ слышать законъ Божій. Тотъ самый народъ, который наученъ Богопознанію величайшими знаменіями, отъ чревоугодія въ одно мгновеніе преклонился къ идолослуженію Египетскому. Поставь одно противъ другаго, какъ постъ приближаетъ къ Богу, и какъ сластолюбіе удаляетъ отъ спасенія, и ступай далѣе своею дорогою.

Что унизило Исава и сдѣлало его рабомъ брату? Не единая ли снѣдь, за которую онъ продалъ право первородства? Напротивъ не съ постомъ ли соединенная молитва даровала Самуила его матери? Что содѣлало непобѣдимымъ великаго силача Сампсона? Не постъ ли, съ которымъ онъ зачался во утробѣ матери? Такъ! постъ произвелъ его на свѣтъ, постъ воспиталъ его, постъ заповѣданный Ангеломъ матери его сдѣлалъ его сильнымъ. *Отъ всего, еже исходитъ изъ винограда, да не ястъ, и вина и сикера да не піетъ.* Суд. 13, 14. Постъ раждаетъ Пророковъ, укрѣпляетъ

сильныхъ, постъ умудряетъ законодателей. Онъ есть добрая оборона души, надежный товарищъ тѣла, оружіе для воиновъ, училище для подвижниковъ. Онъ отдаляетъ искушенія, укрѣпляетъ на подвигъ благочестія, онъ собесѣдникъ трезвости, наставникъ цѣломудрія, на брани вдыхаетъ мужество, во время мира учитъ миру, Назорею даетъ святость, священника возводитъ на степень совершенства. Ибо безъ поста нельзя приступить къ священнодѣйствію, не только при нынѣшнемъ таинственномъ и истинномъ Богослуженіи, но и при древнемъ прообразовательномъ, которое предписано въ законѣ. Постъ Илію сдѣлалъ способнымъ къ созерцанію великаго видѣнія. Сорокодневнымъ постомъ очистивъ свою душу, онъ въ пещерѣ горы Хорива удостоился зрѣть Господа, сколько возможно видѣть его человѣку. Постившись возвратилъ онъ вдовицѣ сына, и тѣмъ показалъ, что посредствомъ поста онъ надъ самою смертію имѣлъ власть. Гласъ изшедшій изъ устъ постящагося заключилъ для законопреступнаго народа небо на три года и шесть мѣсяцевъ. Онъ согласился осу-

дить самаго себя на злострадание, только бы смягчить грубое сердце жестоковыйныхъ. По сей причинѣ сказалъ: *живъ Господь, аще будетъ вода на земли, точію отъ устъ моихъ*; 3 Цар. 17, 1. и произведши голодъ заставилъ весь народъ поститься, дабы исправить поврежденіе произшедшее отъ сладострастной и распутной жизни. А Елисей чѣмъ питался? Чѣмъ угощаемъ былъ у Сунамитянки? Чѣмъ и самъ онъ угощалъ Пророковъ? Не полевая ли зелень и нѣсколько муки составляли у него все угощеніе? Тогда вкусивъ набранныхъ колокинтовыхъ яблокъ опасались худыхъ послѣдствій, доколѣ молитвами постника не истреблена въ нихъ ядовитость. Словомъ сказать, ты найдешь, что всѣхъ святыхъ мужей постъ руководствовалъ къ благочестивой жизни. Есть нѣкоторое вещество, называемое аміантъ, которое не сгараетъ въ огнѣ. Естьли положить его въ огонь, то кажется, будто оно сдѣлалось углемъ; но естьли вынуть изъ огня, то оно какъ бы вымытое въ водѣ становится чище прежняго. Таковы были тѣла трехъ оныхъ Отроковъ въ Вавилонѣ. Посредствомъ поста онѣ получили

свойство аміанта. Въ сильномъ пламени раскаленной пещи, они никакого вреда отъ огня не потерпѣли, такъ какъ бы тѣла ихъ слиты были изъ золота. Своею твердостію превзошли они даже золото: ибо огонь не разплавилъ ихъ, но оставилъ неприкосновенными: не смотря на то, что не устояло бы ничто противу тогдашняго пламени, который былъ питаемъ нефтью, смолою и хворостомъ до такой степени, что разливался на сорокъ девять лактей, и поядая все вокругъ себя многихъ изъ Халдеевъ лишилъ жизни. Но и сей пламень Отроки постомъ попрали и среди самаго жестокаго огня дышали легкимъ и влажнымъ воздухомъ. Даже волосовъ не смѣлъ коснуться огнь, потому что ихъ выростилъ постъ.

Даніилъ, мужъ желаній, послѣ того какъ три недѣли хлѣба не ѣлъ и воды не пилъ, будучи вверженъ въ ровъ, самыхъ львовъ научилъ поститься. Львы не коснулись его зубами, какъ будто бы онъ былъ составленъ изъ камня, или изъ мѣди, или изъ другаго какого-либо твердѣйшаго вещества.

Постъ, какъ бы желѣзомъ обложивъ тѣло сего мужа, сдѣлалъ оное для львовъ неприкосновеннымъ такъ, что они и рта не разинули на Святаго. Постъ угасивъ силу огня заградилъ пасть у львовъ. Постъ возноситъ молитву къ небу, служа ей вмѣсто крыльевъ, чтобы парить вверхъ. Постъ умножаетъ семейство, постъ даетъ здравіе, постъ есть хранитель юношей, украшеніе старцевъ, добрый товарищъ путешествующимъ, вѣрный собесѣдникъ живущихъ вмѣстѣ. Мужъ неподозрѣваетъ свою жену, естьли примѣчаетъ, что она ведетъ постную жизнь. Жена не сохнетъ отъ ревности, естьли видитъ въ мужѣ своемъ постника. Кто домъ свой разстроилъ постомъ? Перечти сегодня все домашнее, и послѣ опять пересмотри; никакого ущерба не окажется въ домѣ отъ поста. Ни одно животное не оплакиваетъ смерти, нигдѣ не видно крови; нигдѣ не слышно приговора, который неумолимое чрево изрекаетъ на жизнь животныхъ; ножъ поваровъ безъ употребленія; столъ довольствуется одними плодами самородными. Суббота дана Іудеямъ, какъ сказано въ Писаніи, *да почіетъ оселъ твой*

и рабъ твой. Втор. 5, 14. Да будетъ постъ для рабовъ твоихъ отдохновеніемъ отъ тѣхъ непрерывныхъ трудовъ, которые они подъемлютъ въ продолженіи цѣлаго года; дай отдыхъ своему повару, дай успокоиться приготовляющему тебѣ столъ, останови руку своего виночерпія; пусть иногда оставитъ свое дѣло и приготовляющій разныя для тебя закуски; и пусть домъ твой освободится на время отъ непрестаннаго шума, отъ дыма и смрада, отъ бѣгающихъ вверхъ и внизъ слугъ, которые служатъ чреву, какъ неумолимому какому господину. И сборщики податей даютъ нѣсколько свободы тѣмъ, которые въ ихъ власти. Пусть подобнымъ образомъ и чрево дастъ отдыхъ рту, пусть заключитъ съ нами перемиріе на пять дней это чрево, которое всегда чего нибудь отъ насъ требуетъ и никогда не перестаетъ требовать: ибо что приняло оно сегодня, о томъ завтра не помнитъ. Когда оно сыто, умствуетъ о воздержаніи, но какъ скоро отощаетъ, тотчасъ забываетъ свои правила.

Постъ не знаетъ, что такое долги. На

столѣ постящагося не пахнетъ взятыми въ ростъ деньгами. Сироту оставшагося послѣ постника не давятъ отцовскіе долги, какъ обвивающіеся змѣи. Но напротивъ постъ доставляетъ пріятность. Ибо какъ жажда услаждаетъ питіе и предшествовавшій голодъ приправляетъ кушанье; такъ и постъ сообщаетъ пріятный вкусъ пищѣ. Потому что ставъ посрединѣ и прервавъ непрерывное употребленіе сластей, сею остановкою наслажденія онъ заставитъ желать его. И такъ кто хочетъ приготовить себѣ пріятной столъ, тотъ допускай промежутки поста. А ты, который привыкъ слишкомъ предаваться, наслажденіямъ, самъ не зная, отнимаешь у себя наслажденія, и изъ любви къ удовольствіямъ теряешь удовольствіе. Ибо нѣтъ ничего столько пріятнаго, чтобы отъ непрерывнаго наслажденія не сдѣлалось отвратительнымъ, а чемъ пользуемся изрѣдка, тѣмъ пользуемся съ величайшею охотою. Такъ и Творецъ устроилъ вещи, что пріятность Его даровъ оказывается въ ихъ преемствѣ въ жизни. Не примѣчаешь ли, что и солнце свѣтлѣе послѣ ночи, и бодрствованіе прі-

ятнѣе послѣ сна, и здоровье вожделѣннѣе послѣ болѣзни? Равнымъ образомъ и столъ долженъ быть вкуснѣе послѣ поста, какъ для богатыхъ, и имѣющихъ столъ пышный, такъ и для бѣдныхъ, довольствующихся скудною и наскоро приготовленною пищею.

Убойся примѣра онаго богача, котораго роскошная жизнь повергла въ огонь: ибо не за неправды какія, а за невоздержность осужденъ онъ мучиться въ пламени пещи. Посему, чтобы погасить сей пламень, нужна вода. Впрочемъ постъ полезенъ не только для будущей жизни, но и здѣсь онъ нуженъ для самаго тѣла. Ибо излишняя тучность не надежна и не долго устоитъ отъ того, что силы природы ослабѣваютъ и бремя тучности выдержать не могутъ. Смотри, чтобы нынѣ отвергая воду, послѣ не просить тебѣ капли, подобно оному богачу. Съ воды никто не опьянѣлъ, ни у кого голова отъ воды не болѣла, никто отъ питья воды не имѣлъ нужды въ чужихъ ногахъ, ни у кого не скованы ноги, и не потеряли употребленія руки, отъ того что онъ пилъ воду. Ибо худое пищева-

реніе, каковымъ необходимо страждутъ сластолюбцы, причиняетъ сильныя болѣзни тѣла. У постящагося самый видъ возбуждаетъ почтеніе. Въ немъ не видно порочной багровости, но онъ украшается цѣломудренною блѣдностію. Взоръ у него кроткій, поступь степенная, лице умное, неумѣреннымъ смѣхомъ не обезображенное, рѣчь плавная, сердце чистое. Приведи себѣ на память древнихъ святыхъ. *Тѣ, коихъ не стоилъ весь міръ, скитались въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, бѣдствія, и озлобленія;* естьли хочешь получить равное съ ними воздаяніе, подражай ихъ жизни. За что Лазарь почивалъ на лонѣ Авраама? Не за постъ ли? Жизнь Іоанна была непрерывный постъ. Онъ не имѣлъ ни постели, ни стола, ни пашни, ни вола, на которомъ бы орать, ни зеренъ, ни человѣка, который бы готовилъ для него хлѣбъ, и никакихъ другихъ вещей нужныхъ для жизни. За то *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя.* Матѳ. 2, 11. Павла между прочимъ постъ, о которомъ онъ упоминаетъ въ числѣ страданій составлявшихъ хвалу его, восхитилъ на третіе небо. Но

что важнѣе всего вышесказаннаго, самъ Господь нашъ прежде оградилъ постомъ плоть свою для нашего спасенія воспріятую, и потомъ, научая и насъ постомъ укрѣплять и приготовлять себя къ борьбѣ съ искушеніями, срѣтилъ нападеніе отъ дьявола, какъ бы поводъ подавая врагу своимъ пощеніемъ. Ибо Онъ неприступенъ былъ бы для него на высотѣ Божества, естьли бы посредствомъ голода не низшелъ до человѣчества. Предъ вознесеніемъ же своимъ на небо Онъ вкусилъ пищу для того, чтобы увѣрить въ качествѣ воскресшаго тѣла. А ты не перестаешь питать и утучнять свое тѣло? И не смотря на то, что умъ твой истаеваетъ отъ голода, спасительныхъ и животворныхъ наставленій даже слушать не хочешь? Или ты не знаешь, что во время сраженія, когда одной сторонѣ подаютъ помощь, тогда другая остается побѣжденною? Точно такъ, кто пристанетъ къ сторонѣ плоти, у того побѣждается духъ, и кто перейдетъ на сторону духа, у того порабощается плоть. Они другъ другу противятся. По сему естьли хочешь, чтобы силенъ былъ духъ, по-

стомъ усмири плоть. О семъ говоритъ Апостолъ: *ежели внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то обновляется внутренній;* 2 Кор. 4, 16. и въ другомъ мѣстѣ: *когда я немощенъ, тогда силенъ.* 2 Кор. 12, 10. И тлѣнной этой пищи ты не отвергаешь? Не желаешь сидѣть въ царствіи за столомъ, который обыкновенно готовится чрезъ пощеніе на землѣ? Развѣ не знаешь, что пресыщеніемъ готовишь себѣ жирнаго мучителя червя? Кто провождая жизнь роскошно и въ непрестанномъ наслажденіи получилъ какой либо духовный даръ? Моисей пріемля во второй разъ законъ, другой разъ имѣлъ нужду въ постѣ. Естьли бы самыя безсловесныя не постились съ жителями Ниневіи, то не избѣжали бы угрожавшей имъ погибели. *Чьи кости пали въ пустынѣ?* Евр. 3, 17. Не тѣхъ ли, которые пожелали мяса? Доколѣ они довольствовались манною и водою изъ камня; дотолѣ и Египтянъ побѣждали, и море переходили, и *не бѣ въ колѣнахъ ихъ боляй.* Но когда вспомнили о котлахъ съ мясомъ и прихотями своими возвратились въ Египетъ, тогда не увидѣли земли обѣтованной.

*

И сей примѣръ для тебя не страшенъ? Не ужасаешься, что пресыщеніе не допуститъ и тебя до обѣтованныхъ благъ? И премудрый Даніилъ не видалъ бы своихъ видѣній, естьли бы посредствомъ поста не просвѣтлилъ души своей. Ибо изъ тучной пищи поднимаются въ видѣ дыма пары и подобно густому облаку, препятствуютъ лучамъ Св. Духа озарять умъ. Естьли у Ангеловъ есть какая пища, то это хлѣбъ, (какъ сказалъ Пророкъ: *хлѣбъ Ангельскій яде человѣкъ* Псал. 77, 15.) а не мясо, не вино и не что—либо другое, къ чему имѣютъ пристрастіе чревоугодники. Постъ есть оружіе необходимое въ сраженіи съ демонами: ибо *сей родъ ничѣмъ не можетъ быть выгнанъ, какъ только молитвою и постомъ.* Марк. 9, 28. Вотъ сколько добраго отъ поста! Напротивъ насыщеніе ведетъ къ своевольству. Ибо съ насыщеніемъ, пьянствомъ и съ лакомствами неразлучны всѣ роды скотскаго плотоугодія. Люди дѣлаются, какъ неистовые кони, когда въ душѣ ихъ вонзено жало сластолюбія. Постъ и въ супружествѣ знаетъ мѣру, и остерегаясь неумѣренности въ законныхъ удо-

вольствіяхъ, допускаетъ промежутки, по согласію супруговъ, дабы заняться молитвою. 1 Кор. 7, 5.

Не думай однакожъ, чтобы все достоинство поста состояло только въ воздержаніи отъ пищи. Истинный постъ есть удаленіе отъ грѣховъ. *Разрѣшай всякъ союзъ неправды:* прости ближнему обиду; прости ему долги. *Не въ судѣхъ и сварѣхъ поститесь.* Мяса ты не ѣшь, но снѣдаешь брата; вина не пьешь, но отъ наглостей себя не удерживаешь; до самаго вечера не вкушаешь пищи, но цѣлый день проводишь въ судахъ. *Горе упивающимся не виномъ!* Гнѣвъ есть пьянство души, ибо отъ него душа теряетъ разсудокъ, какъ отъ вина. Скука есть также пьянство, потому что она подавляетъ разсудокъ. Страхъ есть также пьянство, когда появляется тамъ, гдѣ не должно. Посему и сказано: *отъ страха вражія изми душу мою.* Псал. 63, 2. И вообще всякую страсть, возмущающую разсудокъ, по справедливости можно назвать пьянствомъ. Представь себѣ разгнѣваннаго человѣка, какъ онъ пьянъ отъ сво-

ей страсти. Онъ самъ въ себѣ неволенъ, не узнаетъ себя, не узнаетъ окружающихъ его, какъ въ ночномъ бою всякаго толкаетъ, на всякаго нападаетъ, говоритъ необдуманное, не сговорчивъ, ругается, дерется, грозитъ, проклинаетъ, кричитъ, рвется съ досады. Убѣгай опьяненія сего рода, но не допускай и того, которое происходитъ отъ вина. Не провождай напередъ времени въ питіи вина, чтобы послѣ того пить воду; пьянство не должно быть преддверіемъ къ посту. Ибо пьянство не ведетъ къ посту, такъ какъ корыстолюбіе не ведетъ къ правдивости, сладострастіе къ цѣломудрію, и вообще порокъ къ добродѣтели. Къ посту другая дверь. Пьянство ведетъ къ распутной жизни, а въ постъ вводитъ умѣренность. Борецъ прежде пріучается къ бою, равнымъ образомъ постящійся напередъ долженъ пріучить себя къ воздержанію. Срѣтая пятодневный постъ не упивайся напередъ, какъ бы въ замѣну тѣхъ дней и какъ бы на укоръ Законодателю. Безполезенъ твой трудъ, когда удручаешь тѣло, но не удовлетворяешь умѣренности. Кладовая не надежная, въ

разбитую ты наливаешь бочку. Вино своимъ путемъ вытечетъ, а грѣхъ останется. Слуга убѣгаетъ отъ господина, который любитъ драться, а ты не бѣжишь отъ вина, которое ежедневно мучитъ твою голову? Хорошо употреблять вино въ такой мѣрѣ, въ какой требуютъ сего нужды тѣлесныя. Естьли же употребишь его сверхъ мѣры, то на другой день станешь ходить съ больною головою, будешь часто зѣвать, будешь чувствовать круженіе въ головѣ и издавать отъ себя смрадный винной запахъ. Тебѣ покажется, что все около тебя кружится, все вертится. Ибо пьянство, какъ наводитъ сонъ близкій къ смерти, такъ бодрственное состояніе дѣлаетъ подобнымъ сновидѣнію.

Ты знаешь, кого ты готовишься принять къ себѣ? Того, который далъ намъ обѣщаніе: *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ.* Іоан. 14, 23. Для чего же напередъ допускать къ себѣ пьянство и для Господа заключать двери? Для чего позволяешь непріятелю напередъ занять твои укрѣпленія? Пьянство не допуститъ

къ тебѣ Господа; пьянство отгоняетъ Духа Священаго. Какъ дымъ прогоняетъ пчелъ, такъ пьянство прогоняетъ дары духовные. Отъ поста напротивъ происходитъ благоустройство въ городѣ, благочиніе на площади, тишина въ домахъ, сохранность имѣнія. Естьли хочешь увѣриться въ достоинствѣ поста: сравни сегоднешній вечеръ съ завтрешнимъ, и увидишь, что въ городѣ шумъ и волненіе превратилось въ глубокую тишину. Желалъ бы я, чтобъ и сегоднешній день подобенъ былъ завтрешнему по своему благочинію и чтобъ завтрешній не уступалъ въ своемъ веселіи сегоднешнему. Господь, доведшій насъ до сихъ дней, да поможетъ намъ, какъ подвижникамъ, съ твердымъ и постояннымъ терпѣніемъ совершать предлежащіе намъ подвиги и достигнуть дня, готовящаго вѣнцы, чтобы нынѣ мы воспоминали о спасительныхъ страданіяхъ, а въ будущемъ вѣкѣ получили воздаяніе за свои подвиги по праведному суду самаго Іисуса Христа, которому слава во вѣки, аминь.

VI.

О БЫТІИ БОЖІЕМЪ.

Дабы намъ при изслѣдованіи сего предмета не заблудиться въ области привлекательныхъ для воображенія, но непитательныхъ для сердца умозрѣній, и дабы не обольститься ложнымъ свѣтомъ земнаго мудрованія; должно намъ избрать такой путь, который будучи удаленъ отъ всѣхъ разпутій лжи, могъ бы прямо привести насъ къ тому живому убѣжденію въ бытіи Божіемъ, которое, возрастая вмѣстѣ съ образованіемъ сердца, столькоже непоколебимо, сколь непоколебимы основанія истины, и стольже непреложно, сколь непреложенъ самъ Богъ.

Сообразно сему, мы должны 1) исторически объяснить, какимъ образомъ вѣра въ бытіе Божіе содѣлалась всеобщею и постоянною; потомъ 2) философски разсмотрѣть силу и достоинство различныхъ способовъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ; наконецъ 3) предложить дѣйствительнѣйшіе практическіе спо-

собы удостовѣренія въ сей истинѣ, и надежнѣйшее средство къ предохраненію себя отъ невѣрія.

I.

Какимъ образомъ вѣра въ бытіе Божіе содѣлалась всеобщею и неизмѣняемою?

Происхожденіе вопроса.

1, Мы имѣемъ идею о Богѣ.

Бога представляемъ мы а) существомъ самосущимъ, находящимся внѣ и превыше насъ; б) существомъ первымъ, которое не зависитъ ни отъ какого другаго существа; в) существомъ со всѣми возможными совершенствами въ высочайшей степени; а посему такимъ существомъ, которое г) есть высочайшій и чистѣйшій Духъ, д) источникъ всякаго бытія и всякаго познанія. Такимъ образомъ Богъ, по нашему понятію, есть существо вѣчное, всесовершенное и духовное.

2. Изъ всѣхъ тварей земныхъ, мы одни находимъ въ себѣ ясные слѣды понятія о

Богѣ; ибо живошныя хошя обнаруживаюшъ въ себѣ нѣчшо подобное разсудку, но не обнаруживаюшъ ничего шакого, чшобы сходно было съ Религіею. Въ прочихъ низшихъ шваряхъ еще менѣе можно предполагашь какое либо поняшіе о Богѣ.

3. Мы и всѣ прочіе люди вѣримъ, чшо поняшіе наше о Богѣ не есшь пусшое поняшіе, и чшо внѣ насъ дѣйсшвишельно есшь существо вѣчное, всевѣдущее, всемогущее и пр.

4. Мы и весь родъ человѣческій имѣемъ сшоль швердую, по крайней мѣрѣ шеорешически, вѣру въ бышіе существа всесовершеннаго, чшо доколѣ живемъ въ семъ мірѣ, никакъ не можемъ обойшись безъ оной. Большая часшь людей совсѣмъ неспособна къ сомнѣнію о исшинѣ бышія Божія; а лучшая часшь рода человѣческаго всегда сшыдилась сего сомнѣнія, и будешъ сшыдишься онаго.

5. Ошсюда раждаешся вопросъ: какимъ образомъ мы и всѣ прочіе люди дошли до

сей всеобщей и неизмѣняемой вѣры въ бытіе Божіе?

Разрѣшеніе вопроса.

Между всѣми, какъ древними, шакъ и новыми народами усмашриваюшся преданія (ученіе, передаваемое ошъ одного другому) о шомъ, что Богъ существуешъ, и что Онъ ошкрылъ себя человѣку. Изъ сихъ преданій особенно замѣчашельны Іудейское и Христіанское.

Произходя ошъ Христіанскихъ родишелей, мы всѣ съ самыхъ юныхъ лѣшъ научены вѣрѣ въ бышіе Божіе. Христіанское ученіе есшь ближайшая причина шого, чшо мы вѣримъ сему бышію. А посему наша вѣра въ Бога первоначально есшь вѣра по преданію.

Но поелику мы, досшигши зрѣлыхъ лѣшъ, весьма часшо и весьма многое ошвергаемъ изъ шого, чему научили насъ въ юносши; шо ошсюда самъ собою раждаешся вопросъ: почему мы осшаемся всегда посшоянными

въ вѣрѣ бытію Божію? Что утверждаетъ насъ въ сей вѣрѣ?

Въ сей вѣрѣ во первыхъ и преимущественно утверждаетъ насъ никогда неумолкающій гласъ совѣсти, которая, со времени пробужденія въ душѣ нашей разсудка, именемъ Существа высочайшаго внушаетъ намъ доброе и отвращаетъ насъ отъ худаго; одобряетъ и осуждаетъ наши поступки, награждаетъ насъ и наказываетъ. Внутреннее невольное сознаніе добра и зла, радость, слѣдующая за совершеніемъ перваго, стыдъ и раскаяніе, неразрывно соединенныя съ послѣднимъ; взглядъ на преступника, который въ самомъ себѣ носитъ источникъ своего мученія, и представленіе непоколебимаго благодушія, коимъ всегда исполненъ добродѣтельный; все сіе невольно убѣждаетъ насъ въ бытіи Святѣйшаго Существа, именемъ коего вѣщаетъ намъ совѣсть. Способъ, коимъ люди обрѣтаютъ Бога въ своей совѣсти, многоразличенъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Богобоязненный человѣкъ, естьли не научается своею совѣстію вѣрить бытію Божію, то по крайней

мѣрѣ получаетъ отъ нее значительное подкрѣпленіе своей вѣры въ Бога.

По сей-то причинѣ совѣсть, по мнѣнію древнихъ, есть не что иное, какъ Богъ внутрь насъ. Липсій, который со всѣмъ вниманіемъ изслѣдовалъ лучшія произведенія древнихъ писателей, не могъ дать лучшаго опредѣленія совѣсти, какъ назвавъ оную *послѣднею искрою здраваго ума въ человѣкѣ, указателемъ и судіею добрыхъ и худыхъ поступковъ, печальнымъ представленіемъ оскорбленія, нанесеннаго Божеству.* Въ самомъ дѣлѣ совѣсть есть остатокъ Божественнаго свѣта, нѣкогда сіявшаго въ человѣкѣ; есть слѣдствіе присутствія въ нашемъ сердцѣ высшаго Существа, которое самымъ присутствіемъ своимъ научаетъ отличать добро отъ зла; есть прискорбное сознаніе нарушенія или неправильнаго исполненія должностей въ отношеніи къ Богу. Ибо, естьли она наказываетъ зло, то въ особенности наказываетъ небреженіе о Богѣ; естьли награждаетъ добро, то преимущественно награждаетъ благоговѣніе къ Божеству, такъ какъ бы зло и забве-

ніе Бога,—добро и Богобоязненность были, какъ и въ самомъ дѣлѣ суть, одно и тоже.

Сенека, который при взглядѣ на смутность и превратность своего времени часто терялъ изъ виду Божество, снова нашелъ его, когда началъ искать въ чистой совѣсти. Надобно думать, что онъ сильно былъ проникнутъ ощущеніемъ Божества въ своей совѣсти, когда со всемъ восторгомъ истиннаго убѣжденія писалъ къ своему другу. *Богъ близъ тебя; Онъ съ тобою и внутрь тебя. Такъ, любезный Люцилій, святый духъ обитаетъ въ каждомъ изъ насъ, наблюдая за всѣми нашими поступками, какъ благими, такъ и злыми. Его обхожденіе съ нами всегда соотвѣтствуетъ нашему обхожденію съ нимъ. Безъ Бога никто не можетъ содѣлаться добродѣтельнымъ. Какимъ бы образомъ слабый человѣкъ могъ вознестись надъ превратностію судьбы, естьли бы не былъ поддерживаемъ Божественною силою? Единъ Богъ вдыхаетъ высокія мысли и святыя чувство-*

ванія. Въ каждомъ добродѣтельномъ человѣкѣ обитаетъ Богъ. *)

По сему-то на нашемъ языкѣ, который болѣе заключаетъ въ себѣ истинно Философскаго духа, нежели сколько содержится онаго въ сочиненіяхъ многихъ Философовъ, человѣкъ въ высшей степени развращенный называется *безбожнымъ*, въ томъ увѣреніи, что живущій безъ Бога по необходимости живетъ безъ добродѣтели, въ области порока. Еще не было ни одного добродѣтельнаго человѣка, который могъ бы сказать, что нѣтъ Бога.

Весьма достопримѣчательно, что люди не согласуясь между собою въ своихъ системахъ, посредствомъ коихъ они силятся разкрыть тайну Божества, снова сходятся въ совѣсти, не смотря на то, что она представляетъ тайну Божества какъ бы сокрытою, въ служеніи Ему. По сему совѣсть въ семъ отношеніи можно назвать точкою соединенія всѣхъ системъ, и какъ

*) Epist. 41.

между судами человѣческими, тѣ, изъ коихъ нельзя переносить дѣла въ высшій судъ, называются рѣшительными и окончательными; такъ равнымъ образомъ высшій и окончательный судъ человѣчества долженъ имѣть мѣсто въ совѣсти. Всѣ ученые, по глубокому замѣчанію одного Философа, въ семъ отношеніи раздѣляются на два класса: одни лучше соглашаются погрѣшить въ чемъ либо противъ правилъ системы, нежели нарушить уваженіе къ высшему судилищу совѣсти; другіе охотнѣе грѣшатъ противъ устава совѣсти, нежели противъ законовъ системы. Благо тѣмъ, кои свободѣ мышленія не позволяютъ простираться до сего сумасбродства!

Во вторыхъ вѣра въ бытіе Божіе получаетъ подкрѣпленіе изъ разсматриванія природы, изъ представленія порядка, красоты и постоянства въ ней господствующихъ, изъ углубленія въ духъ и ходъ великихъ событій естественныхъ.

Естьли разсудокъ нашъ здравъ, естьли сердце наше чисто; то мы въ порядкѣ мі-

ра усматриваемъ высочайшій разумъ (Бога), въ красотѣ міра — высочайшее изящество (Бога), въ постоянствѣ сего порядка и сей красоты — вѣчность (Бога). Кто внималъ гласу Божію внутрь себя, тотъ весьма удобно можетъ примѣчать слѣды Божества и внѣ себя — въ природѣ. Свѣтила на небѣ и цвѣты на землѣ свидѣтельствуютъ о томъ же Богѣ, о коемъ проповѣдуетъ совѣсть. А по сему кто имѣетъ правильный взглядъ на природу, тотъ весьма удобно посредствомъ его можетъ укрѣпляться въ вѣрѣ бытію Божію.

Опытъ научаетъ, что идея Божества, бывъ изгнана изъ сердца слѣпыми умозрѣніями, снова исполняетъ и проникаетъ душу, коль скоро обращаютъ чистый взоръ ума на природу. Сюда принадлежитъ прекрасное изреченіе одного Писателя: „Два „предмета исполняютъ духъ нашъ тѣмъ живѣйшимъ изумленіемъ, чѣмъ чаще и внимательнѣе занимаются ими: звѣздное небо надъ нами, и нравственный законъ внутрь „насъ.“

Въ третьихъ вѣра въ Бога подкрѣпляется тѣмъ непрерѣкаемымъ уваженіемъ, которое мы обязаны имѣть ко всеобщему смыслу рода человѣческаго, и которое въ семъ случаѣ тѣмъ сильнѣе проникаетъ наше сердце, чѣмъ прилѣжнѣе размышляемъ, что вѣра въ Бога существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, между тѣмъ какъ множество самодѣльныхъ мнѣній человѣческихъ рукою времени давно уничтожено и нынѣ уничтожается. Время, утверждающее приговоры здраваго смысла естественнаго, давно уже засвидѣтельствовало, что вѣра въ Бога не только есть внушеніе природы, но и первѣйшее изъ внушеній ея.

По сему каждый человѣкъ, вѣрующій въ бытіе Божіе, есть для насъ новый свидѣтель, что Богъ существуетъ. Какъ образъ человѣка ручается въ немъ за то, что онъ человѣкъ; такъ вѣра въ Бога ручается за то, что вѣрить въ бытіе Божіе, значитъ быть разумнымъ существомъ.

Никто, говоритъ Сенека, не обманываетъ

всѣхъ, и никого не обманываютъ всѣ. А по словамъ Цицерона, нѣтъ ни одного народа столь грубаго, который, при взглядѣ на небо, не призналъ бы существа верховнаго.

Гласъ общаго человѣческаго смысла касательно бытія Божія столь громокъ, что многіе не могли представить даже возможности сдѣлаться кому либо атеистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ, въ комъ токмо пробудился собственный разсудокъ, не можетъ не слышать внутрь себя сего гласа. Вообще всѣ приговоры нашего разсудка суть токмо отголоски сего гласа. Ибо всякое сужденіе ума вѣрно не потому, что такъ судитъ Европеецъ или Негръ, Нѣмецъ или Готтентотъ; но потому, что такъ долженъ судить здравый и безпристрастный разсудокъ, въ комъ бы онъ ни находился, во мнѣ, въ тебѣ или въ другомъ. Разумъ судитъ правильно не потому, что онъ мой или твой разумъ; но потому, что онъ разумъ.

Въ четвертыхъ, вѣра въ Бога укрѣпляет-

ся вѣрою древней Исторіи, въ коей повѣствуется о высочайшемъ Существѣ, сотворившемъ міръ и первыхъ двухъ человѣковъ, отъ коихъ произошелъ весь родъ человѣческій. Въ зерцалѣ сей Исторіи мы видимъ, какъ Богъ является первымъ человѣкамъ, бесѣдуетъ съ ними, даетъ имъ законъ, угрожаетъ и наказываетъ за неисполненіе онаго.

По свидѣтельству сей Исторіи вѣра въ бытіе Божіе первоначально была вѣра положительная. Прежде было откровеніе, обѣтованіе, заповѣдь, потомъ уже вѣра, упованіе, повиновеніе. Вѣра получила начало отъ Исторіи, Исторія должна питать ее. Надобно быть слишкомъ заняту пустыми мудрованіями, чтобы отвергать достовѣрность древней Исторіи, и вмѣстѣ съ нею достовѣрность вѣры въ бытіе Божіе.

Глубокіе изслѣдователи Писаній Ветхаго Завѣта, которые отличаются вмѣстѣ и глубокимъ чувствомъ къ Религіи, единодушно утверждаютъ, что плодомъ ихъ многотрудныхъ изслѣдованій есть слѣдующая ис-

тина: за что бы ни были принимаемы Писанія Ветхаго Завѣта, за простую ли Исторію, или за Символы Божественнаго наставленія, или за то и другое вмѣстѣ; впрочемъ то несомнѣнно, что какъ Исторія, онѣ носятъ печать простоты, какъ Символы — печать всеобщности, какъ Исторія вмѣстѣ и Символы — печать Божественнаго откровенія о Томъ, который былъ, есть и будетъ.

Истина сія совершенно оправдывается Исторіею міра. Древле существовалъ и нынѣ существуетъ Іудейскій народъ, который будучи разсѣянъ между всѣми народами, всюду проносилъ и нынѣ проноситъ познаніе единаго Бога. Не смотря на то, что ковчегъ завѣта потерянъ симъ народомъ, сокровище, въ немъ хранившееся, осталось цѣлымъ и донынѣ имѣетъ всю цѣну въ очахъ истиннаго любителя.

Такимъ образомъ народъ Іудейскій служитъ живымъ доказательствомъ, что древняя Исторія истинна, и вѣра въ бытіе Божіе не есть человѣческій вымыслъ.

Въ пятыхъ, вѣра въ бытіе Божіе утверждается Исторіею основанія Христіанской Религіи и ея благотворнаго дѣйствія на человѣчество.

Здравый и безпристрастный разсудокъ никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности Евангелія. — Основная истина Христіанскаго откровенія, что Богъ открылъ Себя во Христѣ, какъ вѣчную любовь, столько соотвѣтственна существеннымъ потребностямъ нашего духа, что наше сердце, внимая гласу откровенія, не можетъ не отозваться на него искреннимъ признаніемъ, что Богъ по необходимости есть любовь. Но какъ скоро сердце практически утверждаетъ, что Богъ есть любовь, то разсудокъ уже утвердилъ теоретически, что естьли Богъ есть любовь; то, поелику любовь существуетъ, существуетъ и Богъ.

Самый рядъ благовѣстниковъ Слова Божія, никогда не прерывающійся въ церкви Христовой, что другое значитъ, какъ не всегдашнее, живое свидѣтельство, что Богъ

есть любовь, что любовь существуетъ и существуетъ Богъ?

Въ шестыхъ, весьма многіе люди укрѣпляются въ вѣрѣ бытію Божію удивительными приключеніями своей жизни, въ коихъ они не могутъ не узнавать высшей десницы. Событія съ ними случающіяся, суть для нихъ какъ бы кольца единой великой цѣпи, а сила, коею содержится сія цѣпь, есть для нихъ — Богъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не узнавать десницы Божіей въ разнообразныхъ приключеніяхъ своей жизни, значитъ имѣть самое тупое зрѣніе; не стараться узнать оную, значитъ не имѣть чувства для высокаго; узнавъ не благоговѣть предъ нею, значитъ имѣть сердце ожесточенное во злѣ, для котораго все равно, существуетъ или не существуетъ высочайшій Судія дѣяній человѣческихъ.

Между удивительными приключеніями, возбуждающими и укрѣпляющими вѣру въ бытіе невидимаго вседѣйствующаго Существа, преимущественное мѣсто принадлежитъ мо-

липшвенным опышам, въ копорыхъ мы бываемъ услышаны Богомъ, и копорые по пому самому, что они опыпы, не подвержены никакому сомнѣнію.

Наконецъ вѣра въ Бога въ людяхъ добродѣпельныхъ упверждаепся блаженнымъ содружеспвомъ съ Богомъ и ощущеніемъ въ себѣ Божеспвенной жизни. Сіе дружеспво съ Богомъ служипъ для нихъ самымъ вѣрнымъ залогомъ пого, что ихъ другъ сущеспвуепъ. Какъ попъ, кпо всегда наслаждаепся свѣпомъ солнечнымъ, не можепъ сомнѣвапься въ сущеспвованіи солнца: пакъ попъ, кпо дышепъ духовною любовію, не можепъ не бышь увѣреннымъ въ сущеспвованіи первообразной любви — Бога. Находя *Божественное* въ самихъ себѣ, они не могупъ не допуспишь Божеспва внѣ и превыше себя. —

Такимъ-по образомъ вѣра въ бышіе Божіе содѣлалась всеобщею и неизмѣняемою.

2.

Изслѣдованіе достоинства и силы различныхъ образовъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ.

Для такъ называемаго общаго смысла, который незнакомъ ни съ какимъ искусственнымъ образованіемъ, обыкновеннымъ источникомъ доказательства бытія Божія служитъ простое разсматриваніе природы.

Напротивъ умъ образованный науками въ продолженіи многихъ вѣковъ трудился, и донынѣ не перестаетъ трудиться надъ тѣмъ, чтобы вѣру въ бытіе Божіе возвесть на степень познанія, и тому, что служитъ основаніемъ для сей вѣры, сообщить видъ строгаго доказательства, или, говоря ученымъ языкомъ, доказать аподиктически—очевиднымъ образомъ—что Богъ существуетъ.

А посему мы, при оцѣнкѣ различныхъ образовъ убѣжденія въ истинѣ бытія Божія, должны обратить вниманіе какъ на тотъ путь, коимъ общій смыслъ доходитъ до вѣры въ Бога, такъ и на тѣ опыты, кото-

рые умъ образованный донынѣ дѣлалъ для увѣренія себя въ бытіи Существа всесовершеннаго.

а. Изслѣдованіе познанія о Богѣ, которое общимъ смысломъ заимствуется изъ разсматриванія природы.

Въ составъ сего познанія входятъ частію извѣстныя начала, частію, правильно выведенныя изъ оныхъ, слѣдствія. Мы изобразимъ подробно тѣ и другія.

Извѣстныя начала.

I. Никто не можетъ доказать, чтобы въ огромной машинѣ міра находилась хотя одна пружина, которая бы своимъ бытіемъ одолжена была самой себѣ.—

II. Природа, разсматриваемая какъ изящное произведеніе, несравненно превосходнѣе того, что было первымъ плодомъ изящныхъ искуствъ. Малѣйшій цвѣтокъ на полѣ представляетъ для образованнаго вкуса гораздо болѣе богатства въ искусствѣ, нежели дра-

гоцѣнныя шкани, украшающія черпоги царей. Какимъ бы великимъ художникомъ ни была нарисована роза, она всегда будешъ ниже розы, произведенной рукою природы. Самое совершенсшво искусственныхъ произведенiй состоитъ въ ихъ близости къ природѣ, шакъ что тамъ изчезаешъ вся прелесть кисти и рѣзца, гдѣ они удаляются опъ природы. Природа всегда остается подлинникомъ, гораздо совершеннѣйшимъ всѣхъ списковъ съ нея.

Самое высокое выраженіе чувства Религіи въ статуяхъ, картинахъ и повѣстяхъ гораздо ниже выраженія сего чувства въ человѣкѣ, проникнутомъ Религіею.

III. Ни одинъ человѣкъ, естьли только онъ не ослѣпленъ пустыми умозрѣніями или чувственностію, при взглядѣ на цвѣтущее дерево, не можетъ утверждать, чтобы цвѣты, коими оно украшено, были слѣдствіемъ изобрѣтательной силы и свободнаго искусства, коими одарено сіе дерево.

Замѣчая гдѣ либо порядокъ, мы вмѣстѣ

съ симъ естественно мыслимъ о распорядителѣ, и представляемъ его отличнымъ отъ того, что имъ приведено въ порядокъ. Таковый ходъ мышленія столь естественъ нашему уму, что противнаго мы не можемъ ясно и представить.—

IV. Естьли общій смыслъ о цѣломъ мірѣ судитъ по тѣмъ же законамъ, по коимъ онъ судитъ о произведеніяхъ искусствъ; то онъ по необходимости встрѣчается съ мыслію о высочайшемъ Существѣ. Гдѣ высочайшій порядокъ, тамъ высочайшій умъ. Гдѣ изящное, тамъ изящество.—Сей образъ мышленія также естественъ, какъ и слѣдующій: *дважды два — четыре.*

V. Естьли общій смыслъ дѣйствительно вѣритъ въ бытіе Бога; то онъ въ сей вѣрѣ находитъ для себя успокоеніе. Истина бытія Божія служитъ тогда для него средоточіемъ, изъ котораго, подобно лучамъ, выходятъ, и въ которое возвращаются всѣ прочія истины. Какимъ бы образомъ ни представлялъ онъ сложность существъ, составляющихъ міръ—въ видѣ ли лѣствицы, или

въ видѣ цѣпи: у него есть постоянное основаніе, на коемъ утверждается сія лѣствица; есть мощная десница, которая содержитъ сію цѣпь. Сіе основаніе, сія десница есть—Богъ.

VI. Естьли общій смыслъ разкрытъ въ комъ либо посредствомъ воспитанія, естьли такой человѣкъ съ юныхъ лѣтъ былъ довольно упражняемъ въ исполненіи правилъ добродѣтели, а особливо естьли онъ имѣетъ чистое расположеніе воздавать познаваемому имъ божеству честь, ему принадлежащую: то онъ при разсматриваніи порядка, красоты и постоянства, господствующихъ въ природѣ, весьма удобно можетъ видѣть невидимыя совершенства Божіи, Его присносущную силу и божество.—

VII. Напротивъ, естьли разсудокъ зараженъ духомъ пытливости и утонченныхъ изысканій; то онъ весьма удобно подвергается опасности потерять изъ виду божество, являющее себя въ зерцалѣ природы. Исторія просвѣщенія представляетъ на сіе многіе примѣры... Многіе изыскатели приро-

ды, не умѣвшіе удержать себя въ предѣлахъ здраваго изслѣдованія, во всеобщемъ движеніи существъ не узнали перваго Движителя, и, такъ сказать, среди океана жизни не нашли источника жизни.—

VIII. Подобнымъ образомъ, для разсудка, при развращенной волѣ порабощеннаго страстямъ, весьма трудно, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже невозможно находить слѣдовъ Божества въ природѣ. Для хищника несносенъ свѣтъ въ томъ домѣ, который онъ намѣренъ въ слѣдующую ночь ограбить: для сердца, преданнаго страстямъ, нестерпимо сіяніе Божества, открывающее глубину зла, въ немъ живущаго.

IX. Впрочемъ естьли мы и познаемъ Бога изъ природы; то сущность сего познанія состоитъ болѣе въ признаніи бытія Божія, нежели въ дѣйствительномъ познаніи Его существа. Мы видимъ въ зерцалѣ природы однѣ явленія, свидѣтельствующія о великомъ дѣйствователѣ; а самый дѣйствователь для насъ невидимъ.—

X. Общій смыслъ представляетъ себѣ Бога святымъ и правосуднымъ существомъ; впрочемъ понятія святости и справедливости заимствованы имъ не изъ чувственной природы, но или изъ преданія, или, естьли онъ въ комъ либо довольно разкрытъ, изъ внушенія совѣсти и сознанія того преимущества, которое духъ имѣетъ предъ тѣломъ. Мы осмѣливаемся сказать, что самое понятіе порядка и красоты заимствуется общимъ смысломъ болѣе изъ себя самаго, нежели изъ внѣшней природы.

Слѣдствія изъ сихъ началъ.

Естьли общій смыслъ:

а) посредствомъ упражненія довольно пріученъ къ правильному умозаключенію, и особенно естьли онъ, посредствомъ наставленія или обхожденія съ добродѣтельными людьми, сдѣлался въ комъ либо довольно внимателенъ къ истинѣ бытія Божія;

б) естьли онъ судитъ о всемъ мірѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ онъ привыкъ

и принужденъ судить о произведеніяхъ человѣческаго искусства;

в) естьли пристрастіе къ утонченнымъ изысканіямъ и опасное вниманіе обаятельному гласу невѣрія, не совратило его съ прямаго пути здраваго изслѣдованія;

г) естьли никакая страсть не препятствуетъ ему устремлять постоянное вниманіе на природу, никакое тайное желаніе предаваться порокамъ не располагаетъ находить бытія Существа всесовершеннаго невѣроятнымъ; наконецъ

д) естьли онъ посредствомъ упражненія въ исполненіи законовъ добродѣтели, содѣлался способнымъ воздавать Богу честь, Ему принадлежащую, то есть, прославлять имя Его покорностію Его святой волѣ: то, при сихъ условіяхъ, ему весьма удобно въ порядкѣ и красотѣ природы, особенно въ постоянствѣ сего порядка и сея красоты, находить слѣды высочайшаго Существа и по нимъ доходить до вѣры въ бытіе Божіе. Впрочемъ

е) таковая вѣра не можетъ совершенно удовлетворить стремленію познавать Бога, какъ вѣчное и всесовершенное Существо, какъ источникъ всякаго познанія.

ж) Вообще простое разсматриваніе природы не можетъ служить достаточною защитою для человѣка отъ сомнѣній, вымышляемыхъ утонченнымъ умомъ, и отъ коварнаго нападенія со стороны страстей. —

Слѣдствія сіи, какъ по содержанію, такъ и по образу ихъ вывода, также вѣрны, какъ и начала, служащія для нихъ основаніемъ.

И такъ познаніе Бога, заимствуемое общимъ смысломъ изъ природы, есть

а) по своему произхожденію, весьма условно и сопряжено со многими предположеніями;

б) весьма несовершенно, а) по предмету познанія; ибо оно есть болѣе признаніе бытія Божія, нежели познаніе существа Бо-

жественнаго; b) по образу познанія; ибо оно есть болѣе гаданіе, нежели ясное познаніе; и c) по своему продолженію.

в) И по началу, и по содержанію, и по образу познанія и по продолженію совершенно зависимо отъ дѣйствія совѣсти, и можетъ быть гораздо зависимѣе, нежели какъ то обыкновенно полагаютъ. Прямый взглядъ на природу возможенъ токмо для прямой совѣсти, и точность сужденій ума, ищущаго Божества въ природѣ, зависитъ отъ точности, съ которою сердце слѣдуетъ внушеніямъ добродѣтели. Только вѣрность гласу совѣсти можетъ произвести въ насъ святую рѣшимость воздавать познаваемому нами Божеству славу и благодареніе, Ему подобающія. Только сія вожделѣнная вѣрность можетъ обуздать нашъ разсудокъ, который подобно необузданному коню стремится на поле суетныхъ умозрѣній.

Истина сія весьма извѣстна была и древнимъ. На подножіи Юпитера Олимпійскаго

изображены были слѣдующія замѣчательныя слова, сохраненныя Платономъ:

„Я могу быть познанъ токмо тѣмъ, кто желаетъ быть мнѣ подобнымъ."

А на подножіи Паллады была слѣдующая надпись:

„Боги даютъ себя познавать сердцу, и сокрываются отъ тѣхъ, кои силятся обнять ихъ умомъ."

Исторія міра постоянно свидѣтельствуетъ, что великолѣпное зрѣлище природы всегда производило глубокое впечатлѣніе во всѣхъ тѣхъ, кои способны были узнавать во временномъ вѣчное, въ конечномъ безконечное, въ естественномъ божественное. Греки и Римляне, Іудеи и язычники, Отцы Церкви и Философы, Пророки и мудрецы древнихъ народовъ, — знаменитыя лица всѣхъ временъ, мѣстъ и Религій оставили намъ касательно сего предмета множество единогласныхъ свидѣтельствъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, безъ от-

ношенія къ ихъ божественному или человѣческому достоинству. —

Филонъ и Цицеронъ.

„Всякое произведеніе искусства свидѣтельствуетъ о своемъ творцѣ. Ибо кто, взирая на статую или картину, не мыслитъ въ тоже время о ваятелѣ или живописцѣ? Кто, при взглядѣ на хорошо устроенный корабль или домъ, не представляетъ въ умѣ строителя? Естьли бы кто вошелъ въ первый разъ въ какой нибудь городъ, и замѣтилъ въ немъ повсемственное повиновеніе законамъ: не долженъ ли онъ при семъ получить ту мысль, что сей городъ находится подъ управленіемъ мудраго начальства? Подобнымъ образомъ тотъ, кто находится въ мірѣ, въ семъ огромномъ и великолѣпномъ городѣ, и усматриваетъ во всемъ теченіи вещей неизмѣняемый порядокъ и согласіе, можетъ ли не допустить бытіе Творца и Промыслителя міра *)?"

---

*) Филонъ, пер. книга о Монархіи.

„Взирая на статую или картину, мы тотчас утверждаемъ, что надъ ними трудилась рука художника. Усматривая въ далекѣ плывущій корабль, мы не сомнѣваемся, что имъ управляетъ разумное существо. Смотря на солнечные или песочные часы, мы не можемъ согласиться, чтобы они были произведеніемъ случая, а не искусства. Естьли же такъ; то согласно ли съ здравымъ умомъ не признавать Божественнаго промысла въ мірѣ, который своимъ разнообразіемъ, порядкомъ и красотою безконечно превосходитъ самыя изящныя произведенія искусства *)?"

„Съ Философами бываетъ тоже, что съ Аттіевымъ пастухомъ. Какъ сей, увидѣвъ въ первый разъ плывущій корабль, почелъ его за нѣчто неодушевленное и безчувственное, но послѣ изъ нѣкоторыхъ признаковъ догадался, что имъ управляетъ разумная сила; такъ они, бывъ нерѣдко обмануты первымъ взглядомъ на природу, послѣ при тщательномъ изслѣдованіи постоянна-

*) Цицеронъ о естеств. Боговъ книг. II. гл. 34.

го порядка и согласія, въ ней господствующаго, принуждены бываютъ сознаться, что въ семъ огромномъ строеніи не только есть обитатель, но и разпорядитель и Творецъ *).“

Аѳанасій и Цицеронъ.

„При взглядѣ на вселенную, каждый долженъ представлять въ умѣ своемъ великаго разпорядителя, который всѣ части оной подчинилъ законамъ порядка и согласія. Чувственное наше око не можетъ видѣть его; но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть созерцаемъ окомъ ума. Ибо, естьли бы кто вошедъ въ пространный городъ, населенный множествомъ людей всякаго званія, богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ, младыхъ и старыхъ, замѣтилъ, что всѣ жители онаго, не смотря на различіе состояній, возраста и пола, пребываютъ во взаимномъ согласіи, богатые не презираютъ бѣдныхъ, сильные не востаютъ на слабыхъ, юные не выходятъ изъ повиновенія ста-

*) Цицеронъ о естест. Боговъ книг. II. гл. 35

рымъ: то не долженъ ли онъ получить при семъ ту мысль, что въ семъ благоустроенномъ городѣ есть правитель, пекущійся о благѣ гражданъ, хотя бы онъ никогда не видалъ его, и совсѣмъ не зналъ о немъ? — Подобнымъ образомъ, примѣчая, что всѣ члены тѣла нашего состоятъ между собою въ непрерывномъ союзѣ сподчиненности и согласія, такъ что глазъ не противорѣчитъ уху, рука не споритъ съ ногою, мы заключаемъ, что въ нашемъ тѣлѣ есть душа, которая управляетъ всѣми членами, хотя никто изъ насъ не видалъ оной. Естьли же такъ; то порядокъ и красота, усматриваемыя нами въ природѣ, не должны ли необходимо привести каждаго изъ насъ къ той мысли, что существуетъ великой разпорядитель всѣхъ вещей? — Безъ сего разпорядителя въ мірѣ не было бы міра, а всегдашняя брань; не было бы порядка, а всеобщее смѣшеніе; не было бы красоты, а повсемственное безобразіе; не было бы соразмѣрности средствъ съ цѣлями, а всегда и вездѣ хаосъ *).“

---

*) Аѳанасій.

„Естьли бы кто, взирая на огромный, богато украшенный домъ, вздумалъ утверждать, что онъ построенъ не людьми, а мышами или ласточками: то, хотя бы таковый человѣкъ никогда не видалъ строителя онаго дома, не должно ли заключить о немъ, что онъ съ ума сошелъ? — Тоже должно предположить въ томъ, кто можетъ вѣрить, что все великолѣпіе міра, все разнообразіе и изящество свѣтилъ небесныхъ, вся красота и величіе земли и моря, со всѣми видимыми и сокровенными силами природы, и со всею дѣятельностію оныхъ силъ, существуютъ единственно для удовольствія человѣка, а не для того, чтобы служить престоломъ и подножіемъ для Творца *).“

Давидъ и Сократъ.

Насаждей ухо, не слышитъ ли? или создавый око, не смотряетъ ли? Псал. 93, 9.

„Примѣть, любезный другъ! что разсудокъ, внутрь тебя находящійся, управляетъ

*) Цицеронъ о естес. Боговъ книг. II. гл. 6.

самовластно всемъ составомъ тѣлеснымъ. А посему не долженъ ли ты вѣрить, что умъ, одушевляющій міръ, управляетъ всѣми частями онаго?—Поелику и наше зрѣніе простирается на нѣсколько стадій, то безразсудно было бы не предположить, что око Божіе видитъ все. Поелику и наша душа можетъ въ одно и тоже время быть мыслію и въ Египтѣ, и въ Сициліи, и въ другихъ мѣстахъ; то нелѣпо было бы сомнѣваться въ томъ, что умъ Божественный объемлетъ все *).“ Сократъ.

Хотя разсматриваніе природы во всѣ времена производило въ мыслящихъ людяхъ глубокое впечатлѣніе: впрочемъ такъ называемое познаніе Бога изъ природы, происходитъ не извнѣ насъ, не изъ природы, а извнутрь насъ самихъ, изъ идеи Боже-

---

*) Таковая паралель во мнѣніяхъ великихъ мужей всѣхъ временъ совершенно оправдываетъ прекрасное изреченіе Тертулліана: О Богѣ свидѣтельствуетъ все, что составляетъ насъ, и все, чѣмъ мы окружены. Cont. Mar. lib. I. cap. 7.

ства, которая находится въ умѣ нашемъ, и составляетъ какъ бы сущность его.

Только идея о Богѣ содѣлываетъ человѣка дѣйствительно человѣкомъ. Ибо только изъ сей идеи произникаетъ въ человѣкѣ сознаніе Божества, а таковое сознаніе и есть то, что называютъ умомъ (разсматриваемымъ не какъ чистая способность, а какъ способность въ дѣйствіи).

Вся природа не можетъ дать человѣку идеи Бога. Хотя невидимое и вѣчное отражается въ видимомъ и временномъ, а посему и становится какъ бы видимымъ; (Рим. 1, 19. 20.) впрочемъ, естьли бы человѣкъ не имѣлъ въ самомъ себѣ идеи вѣчнаго и невидимаго, то онъ никогда бы не замѣтилъ онаго въ видимомъ и временномъ. Видимое не можетъ дать человѣку того, что онъ уже долженъ имѣть, дабы въ видимомъ узнать невидимое. Истина сія встрѣчалась со всѣми глубокомысленными изслѣдователями, хотя никто изъ нихъ не выразилъ оной совершенно яснымъ образомъ.—

„Цѣлая природа, говоритъ одинъ Философъ, со всемъ тѣмъ, что въ ней находится, не можетъ дать человѣку понятія о Богѣ. И хотя обыкновенно говорятъ, что понятія вещей конечныхъ служатъ для ума какъ бы лѣствицею, по коей онъ восходитъ къ понятію безконечнаго: впрочемъ судя строго, для того, чтобы, идя по лѣствицѣ имѣющей конецъ, взойти къ безконечному, нужно имѣть предварительное, хотя темное понятіе о безконечномъ. Иначе въ семъ ходѣ мышленія, вопреки извѣстному положенію, нѣчто будетъ сообщать другому то, чего оно само не имѣетъ.

„Неоспоримо, что все видимое можетъ напоминать человѣку о невидимомъ, которое подъ нимъ сокрывается, и дай Богъ, чтобы таковое напоминаніе не оставалось безплоднымъ въ большей части людей. Впрочемъ и то остается вѣчно истиннымъ, что сіе напоминаніе возможно только подъ условіемъ существованія въ человѣкѣ идеи Бога.

„Когда образъ дерева, или дома, или дру-

гой какой вещи отражается въ водѣ, то не производитъ въ ней никакого сознанія. Но когда сей же самый образъ отражается въ глазѣ плавающей по водѣ утки, то производитъ сознаніе. Почему такъ?—Потому, что животное имѣетъ уже внутреннюю способность къ сознанію, которая въ семъ случаѣ только приводится въ дѣйствіе и опредѣляется. Подобнымъ образомъ внѣшняя природа не сообщаетъ животнымъ понятія о безконечномъ, о безсмертіи, хотя, по видимому, сообщаетъ оныя человѣку.“ —

Естьли же идея Бога существуетъ въ человѣкѣ, а природа не давала да и не могла дать оной человѣку: то спрашивается: откуда взялась сія идея?—Изъ ничего она произойти не могла; ибо изъ ничего не льзя быть чему-нибудь. Сама себя она также не могла образовать; ибо въ такомъ случаѣ она существовала бы прежде своего существованія. И такъ не образовалъ ли ее человѣкъ изъ себя самаго?—Но вопервыхъ, никто изъ насъ не помнитъ сего образованія; вовторыхъ, человѣкъ становится разумнымъ

только посредствомъ идеи Бога; а посему какъ возможно человѣку образовать то, что его самаго образуетъ человѣкомъ, и притомъ образовать прежде, нежели онъ самъ образованъ?—въ третьихъ, идея Бога во всѣ времена и во всѣхъ климатахъ была и есть одна и неизмѣняема; между тѣмъ какъ всѣ произведенія ума человѣческаго носятъ на себѣ печать многообразности и непостоянства. А посему никакъ нельзя утверждать, чтобы человѣкъ идею о Богѣ образовалъ изъ себя самаго.

Естьли же идея о Богѣ не заимствуется человѣкомъ ни изъ природы, ни изъ себя самаго: то не остается ничего болѣе, какъ принять то, что идея о Богѣ первоначально происходитъ отъ Бога, что она есть лучь незаходимаго солнца истины, и что слѣдовательно существуетъ всеобщее Божественное откровеніе.—

А посему нѣтъ естественной Религіи, въ строгомъ смыслѣ сего слова. Ибо цѣлая природа не можетъ сообщить человѣку идеи

о Богѣ; а безъ идеи о Богѣ невозможна Религія.—

А посему нѣтъ и Религіи разума, въ тѣсномъ смыслѣ сего слова. Ибо, хотя разумъ имѣетъ идею Бога, но онъ не образовалъ и не могъ образовать оной изъ себя самаго. А потому онъ не можетъ быть источникомъ Религіи. Религія разума безъ Божественнаго откровенія столькоже невозможна, сколько невозможно разуму безъ идеи Божества быть разумомъ.—

Вмѣстѣ съ симъ становится яснымъ и то, почему познаніе Бога, заимствуемое изъ природы, находится въ совершенной зависимости отъ совѣсти. Ибо совѣсть, подобно идеѣ о Богѣ, есть не что иное, какъ лучь Божества, съ тѣмъ преимуществомъ предъ сею идеею, что бытіемъ совѣсти не только предполагается Божественное откровеніе вообще, но и частное нравственное откровеніе въ человѣкѣ. Притомъ совѣсть есть не только сознаніе Божества, подобно разуму, но и сознаніе божествен-

наго закона, или сознаніе Бога, яко законодателя. —

6. Изслѣдованіе познанія о Богѣ, до коего умъ образованный доходитъ посредствомъ искусственныхъ умозаключеній.

Плодомъ предъидущаго изслѣдованія нашего были слѣдующія истины:

1. Цѣлая природа не можетъ сообщить человѣку идеи о Богѣ.

2. Идея о Богѣ находится въ умѣ человѣческомъ; но умъ не произвелъ и не могъ произвести оной изъ самаго себя.

3. Человѣкъ получилъ сію идею изъ всеобщаго Божественнаго откровенія.

4. А посему нѣтъ и не можетъ быть Религіи естественной, или Религіи разума, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ; ибо тою и другою предполагается, что идея о Богѣ заимствована человѣкомъ не изъ Божественнаго откровенія, а изъ природы, или изъ ума.

Сіи истины должны сопровождать насъ чрезъ всѣ эпохи философскихъ умозрѣній о Богѣ, естьли только мы, вступая въ область отвлеченія, не желаемъ потерять изъ виду божественнаго свѣта истины и заблудиться въ непроницаемой тьмѣ. —

---

1. Съ Лейбницемъ, Вольфомъ и Штаплеромъ открылась школа Догматизма. Сіи умы употребили всѣ усилія, чтобы доказать бытіе Существа всесовершеннаго математическимъ образомъ. Простосердечные судители были обрадованы ихъ усиліями, думая узнать посредствомъ ихъ то, чему они прежде только вѣрили. Понятія сверхчувственныхъ предметовъ были строго изслѣдованы и опредѣлены съ возможною точностію. Не смотря на то, что въ сихъ покушеніяхъ весьма ясно обнаруживалась безразсудная самонадѣянность Метафизики, возмечтавшей доказать совершенно то, что превыше всѣхъ доказательствъ; предметы метафизическіе пользовались еще полнымъ уваженіемъ умовъ мыслящихъ. —

2. Недолго продолжалась страсть все доказывать. Явилась Философія, полагавшая всю славу въ разрушеніи того, что было доказано или доказываемо. Нравственность введена во святое святыхъ; а Религія изгнана въ преддверіе. Вскорѣ потомъ ученіе о Религіи совершенно замѣнено ученіемъ о нравственности.

3. Но и сіе жалкое состояніе умовъ не могло быть продолжительнымъ. Врожденное стремленіе къ Религіи примѣтно пробуждалось; умъ снова почувствовалъ влеченіе къ разкрытію идеи безусловнаго Существа, столь несправедливо униженной духомъ Критицизма и школьнаго нравоученія; люди съ геніемъ почли обязанностію возвратить идеямъ ума то уваженіе, которымъ онѣ донынѣ пользовались.

4. При таковомъ положеніи умовъ, ясно открылось, что естьли Философія, обѣщавшая все доказать очевиднымъ образомъ, не могла сдержать во многихъ отношеніяхъ своего слова, то духъ Критицизма съ его бѣднымъ пособіемъ *предполагаемаго*

Божества, свободы и безсмертія совершенно не способенъ доставить успокоенія сердцу, жаждущему свѣта, любви и жизни.

5. Теперь всѣ мыслящіе видятъ, что Божество будучи высочайшимъ предметомъ познанія, не можетъ быть выводимо, ни изъ чего либо высшаго, котораго, въ отношеніи къ Нему, нѣтъ и быть не можетъ, ни изъ чего либо низшаго, которое есть токмо слабое отраженіе высочайшаго; — и что оно для каждаго, здраваго и невозмущеннаго страстями ума должно быть очевиднымъ само по себѣ.

6. Всѣ согласны въ томъ, что умозрѣнія не могутъ сообщить сердцу ощущенія Божества, и что для того, дабы сіи умозрѣнія сдѣлать возможными по ихъ началу, правильными по ходу, плодовитыми по слѣдствіямъ, надлежитъ начинать и оканчивать изслѣдованія о Божествѣ ощущеніемъ онаго въ сердцѣ. —

7. А по сему при настоящемъ состояніи Философіи, всѣ обязанности наши сли-

ваются въ одну обязанность предохранить нашихъ читателей отъ крайностей, которыя столь же опасны въ умозрѣніи о Богѣ, какъ и въ умозрѣніи о другихъ предметахъ. —

Для достиженія сей цѣли не безполезно будетъ поставить, такъ сказать, два пограничные знака на предѣлахъ умозрѣнія.

Первый пограничный знакъ — со стороны области тьмы — безбожія.

Никакое утонченное остроуміе не можетъ изобрѣсти основательнаго доказательства противъ бытія Божія.

Ибо никакой ограниченный умъ не можетъ измѣрить неизмѣримое, опредѣлить безпредѣльное. Но естьли Богъ существуетъ; то первѣйшимъ условіемъ Его бытія есть безпредѣльность. —

Человѣкъ можетъ составлять въ воображеніи своемъ безчисленное множество образовъ, но онъ никакъ не можетъ вообра-

зить Бога. Для того, чтобы обнять своимъ воображеніемъ Бога, надлежитъ самому быть Богомъ.

Естьли Богъ существуетъ, то Онъ есть источникъ всякаго бытія, всякаго познанія, всякаго совершенства; естьли Онъ есть источникъ всякаго бытія, познанія и совершенства, то Онъ не можетъ быть постигнутъ ограниченнымъ умомъ; естьли умъ ограниченный не можетъ постигнуть Его, то тѣмъ менѣе можетъ онъ придумать что-либо основательное противъ истины бытія Божія.

А по сему всѣ соображенія, всѣ доказательства, какія можетъ сдѣлать самый острый умъ противъ бытія Божія, имѣютъ силу только слѣдующей мысли: „*въ безпредѣльномъ нѣтъ точки, на которой мой ограниченный умъ могъ бы утвердить свой циркулъ; а по сему для меня невозможно измѣрить его.*“

Тотъ, кто изъ сей мысли вздумалъ бы выводить что-либо противъ истины бы-

тія Божія, былъ бы совершенно подобенъ тому мальчику, который стоя на берегу моря, вздумалъ вычерпать оный кувшиномъ; но увидѣвъ невозможность своего предпріятія, закричалъ: *моря совсѣмъ нѣтъ; иначе я вычерпалъ бы его моимъ кувшиномъ.*

Вторый пограничный знакъ со стороны области ложнаго свѣта — все-изъясняющаго Догматизма. —

Никакой человѣческій умъ не можетъ обнять созерцаніемъ своимъ существа Божественнаго; а по сему не можетъ измыслить такого начала Богопознанія, коимъ бы разрѣшались всѣ вопросы, уничтожились всѣ сомнѣнія, раждающіяся изъ непостижимости Божескаго естества.

Ограниченный разумъ не можетъ измѣрить неизмѣримое, опредѣлить безпредѣльное. При свѣтѣ сей истины ясно открывается не только слѣпота и буйство атеизма, но и безразсудность неумѣреннаго Догматизма. Ибо естьли бы умъ могъ найти такое начало Богопознанія, коимъ бы объ-

яснялось все, касающееся Боговѣдѣнія: то это значило бы, что безконечное можетъ быть обнято конечнымъ, неизмѣримое измѣрено тѣмъ, что само подлежитъ измѣренію, сверхъ-естественное — постигнуто естественнымъ, источникъ всякаго бытія и познанія — поглощенъ выходящими изъ него ручьями. Святилище Божества окружаетъ чистѣйшій свѣтъ: но сей свѣтъ составляетъ вмѣстѣ и непроницаемый мракъ. Чистѣйшіе духи не могутъ снести сіянія сего неприступнаго свѣта, а потому закрываютъ лица свои. Для того, чтобы проникнуть вѣчную ночь, образующуюся изъ сего свѣта, надлежитъ имѣть столько свѣта, сколько находится онаго въ Богѣ, надлежитъ быть Богомъ. —

Прочность поставленныхъ нами *знаковъ* запечатлѣна свидѣтельствомъ всѣхъ вѣковъ. Божество во всѣ времена изливало столько свѣта во всѣ сотворенные умы, что не было ни одного разумнаго человѣка, который бы дерзнулъ сказать: *нѣтъ Бога.* Съ другой стороны Божество во всѣ времена являлось окруженнымъ такимъ непро-

ницаемымъ мракомъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не могъ сказать: *для меня уже не существуетъ сей мракъ; я все позналъ въ Богѣ.* —

А по сему тотъ, кто соглашается вѣрить только въ такого Бога, котораго онъ можетъ совершенно постигнуть: тотъ симъ самымъ ясно показываетъ, что онъ не хочетъ вѣрить въ Бога, а только въ свое познаніе, въ свое *я.*

На каждомъ изъ поставленныхъ нами знаковъ должно начертать слѣдующія два слова: *одно изъ двухъ.*

1. *Одно изъ двухъ.*

Естьли самыя глубокія изслѣдованія, самыя выспреннія умозрѣнія недостаточны къ тому, чтобы разсѣять мракъ, окружающій Божество; съ другой стороны, естьли никакой утонченный умъ при всѣхъ усиліяхъ не можетъ изобрѣсти основательнаго доказательства противъ бытія Божія:

шо для человѣка мыслящаго остается *одно изъ двухъ.*

Или благоговѣя предъ непроницаемымъ мракомъ, въ коемъ обитаетъ Божество, положитъ конецъ всѣмъ безразсуднымъ покушеніямъ проникнуть въ сей мракъ: или, предаваясь желанію постигнуть непостижимое, строитъ предположеніе за предположеніемъ, теорію за теоріей. Въ первомъ случаѣ онъ, послѣдуя общему смыслу рода человѣческаго, будетъ признавать бытіе Божіе за неоспоримую истину и вмѣсто безплодныхъ усилій измѣрить глубины Божества будетъ теряться въ оныхъ благоговѣйнымъ созерцаніемъ, и въ сей потерѣ находить величайшее пріобрѣтеніе — миръ и радость душевную. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ всегда въ своихъ умозрѣніяхъ поступать далѣе и далѣе, и между тѣмъ всегда находиться на одномъ мѣстѣ; никогда не имѣть права прервать нить своихъ размышленій, и никогда не вкусить удовольствія окончить оную; и послѣ безчисленныхъ усилій, опытовъ, трудовъ, остаться

въ мучительной нерѣшимости, съ равною свободою вѣрить и не вѣрить.

Между сими двумя крайностями нѣтъ и не можетъ быть ничего средняго. *Тотъ, кто не соглашается принимать непостижимыхъ истинъ, доколѣ не постигнетъ оныхъ совершенно, никогда не успѣетъ постигнуть оныхъ; никакіе опыты изслѣдованія не удовлетворятъ его любопытству; а посему онъ никогда не будетъ въ состояніи принять сихъ истинъ; онъ долженъ навсегда оставаться жертвою сомнѣній.* Чтобы сдѣлать себя способнымъ къ принятію оныхъ, надлежитъ въ такомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ своихъ мечтаній и съ благоговѣніемъ успокоиться на томъ, что можетъ быть познано.

Изъяснить значитъ сдѣлать яснымъ. Сдѣлать яснымъ можетъ только свѣтъ. Гдѣ свѣтъ меркнетъ и наступаетъ ночь, тамъ усиліе изъяснять есть пустой трудъ. Кто трудится надъ тѣмъ, чтобы разсѣять мракъ вѣчной ночи, въ очахъ того въ послѣдствіи

должно потемнѣть и то, что прежде было свѣтлымъ.—

2. *Одно изъ двухъ.*

Естьли же желаніе постигнуть непостижимое, изъяснить неизъяснимое есть признакъ слабаго ума, то для мыслящаго человѣка опять остается *одно изъ двухъ:*

Или, предавшись безконечнымъ разысканіямъ, подвергнуться неизбѣжному нареканію въ безразсудной мечтательности: или, назначивъ должный предѣлъ изслѣдованіямъ, съ благоговѣніемъ повергнуться предъ мракомъ, въ коемъ является человѣку Божество.—

Естьли внутреннее состояніе человѣка въ семъ случаѣ можетъ быть изображено чувственнымъ образомъ: то мнѣ кажется, что *мудрость* въ душѣ его должна такъ говорить *наукѣ*: Любезная подруга, ты или можешь обнять созерцаніемъ всю полноту Божества, или не можешь.

„Естьли можешь: то ты должна въ семъ случаѣ или Божество заключить въ предѣлы человѣчества; или человѣчество (твое ограниченное *я*) возвесть на степень Божества. Но естьли ты Божество заключишь въ предѣлы человѣчества; то существо, которое ты думаешь обнять умозрѣніемъ, не будетъ Божествомъ. А естьли ты собственное человѣчество возведешь на степень Божества; то твое созерцаніе, коимъ ты полагаешь обнять Божество, не будетъ созерцаніемъ человѣческимъ.—

„Естьли же ты признаешься, что не можешь обнять полноты Божества: то ты должна или для того, что удобопостижимо въ Божествѣ, принимать и то, что въ немъ непостижимо; или попричинѣ непостижимости его отвергать и то, что въ немъ удобопостижимо."

8. Таковая бесѣда мудрости съ наукою должна возбудить въ насъ вниманіе къ слѣдующей истинѣ, которую для каждаго человѣка по отношенію къ просвѣщенію и жизни всего нужнѣе знать:

„Мудрость обитаетъ въ срединѣ—между областію тьмы—безбожія, и областію ложнаго свѣта—все-изъясняющаго Догматизма; она обитаетъ

a) *въ основательномъ признаніи* Божества тамъ, гдѣ оно благоволитъ являть себя видимо;

b) *въ постоянной вѣрѣ* въ Божество тамъ, гдѣ ему угодно сокрывать себя во мракѣ;

c) *въ благоговѣйномъ и святомъ поклоненіи* Божеству тогда, когда оно обьявляетъ себя непостижимымъ."

9. Естьли бы кто послѣ сего размышленія нашелъ нужнымъ предложить вопросъ (который для внимательнаго человѣка уже не можетъ быть вопросомъ): *можно ли доказать бытіе Божіе?* то таковый долженъ знать, что естьли предложенный вопросъ имѣетъ ту силу, можно ли найти такое начало Богопознанія, коимъ бы разрѣшалось все, соприкосновенное къ сему предмету;

то на него уже данъ отвѣтъ въ предъидущемъ размышленіи. Ибо найти таковое начало значило бы обнять созерцаніемъ всю полноту Божества, а обнять созерцаніемъ всю полноту Божества значило бы или *божественное* заключить въ предѣлы *человѣческаго*, или человѣческое возвысить на степень *божественнаго*,—и слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ уничтожить *божественное*.

Естьли же въ предложенномъ вопросѣ сокрывается та мысль, можетъ ли человѣческій умъ представить такое доказательство бытія Божія, при свѣтѣ котораго можно бы было ясно видѣть съ одной стороны ничтожность доказательствъ противъ бытія Божія, съ другой благоразуміе тѣхъ людей, которые, оставивъ всѣ пустыя умозрѣнія, воздаютъ Божеству поклоненіе, Ему подобающее: то и въ семъ случаѣ отвѣтъ на сей вопросъ такъ же сокрывается въ предъидущемъ нашемъ размышленіи. Впрочемъ не излишне будетъ повторить, что *разумъ умствующій* (размагриваемый не какъ дѣйствительное сознаніе Божества, ни какъ

способность сознавать божественное, но какъ способность изслѣдовать истину) *въ собственномъ существѣ и во всей высшей части природы можетъ найти твердое доказательство на то, что онъ долженъ допустить бытіе Существа безпредѣльнаго, безъ коего всѣ вещи и онъ самъ для себя есть неразрѣшимая загадка.*

10. Въ самомъ дѣлѣ разумъ можетъ и долженъ въ самомъ себѣ найти побужденіе, допустить бытіе Существа непостижимаго. Сіе побужденіе сокрывается въ самомъ основаніи его существа. Какъ разумъ, онъ способенъ *понимать* истину, но какъ разумъ человѣческій, онъ долженъ помнить, что его понятіе заключено въ предѣлахъ, изъ коихъ для него не возможно выдти. —

Таковая способность и неспособность разума, способность постигать ограниченные предметы и неспособность постигнуть Божество, весьма хорошо изображена однимъ Философомъ въ его письмѣ къ другому, и частію въ одномъ изъ его разсужденій. Въ первомъ онъ разсуждаетъ болѣе о неспособности, въ пос-

лѣднемъ болѣе о способности человѣческаго разума.—

Отрывокъ изъ письма къ Философу.

Основаніе разума состоитъ въ разумѣніи. Чистый разумъ есть такое разумѣніе, которое разумѣетъ только само себя.

Подъ истиною я разумѣю нѣчто такое, что существуетъ прежде познанія и кромѣ его;—нѣчто такое, что познанію разума и способности познанія даетъ достоинство.

Понятіемъ предполагается понимаемое, разумомъ—истина. А посему онъ есть не что иное, какъ способность предполагать истину. Разумъ, не предполагающій истины, есть химера.

Гдѣ нѣтъ указанія на истину, тамъ нѣтъ и разума. Въ семъ-то указаніи на истину, въ семъ-то невольномъ стремленіи предполагать бытіе ея, состоитъ сущность разума. Онъ никогда не престаетъ стремиться къ тому, что сокрывается подъ

видимыми явленіями природы; въ немъ никогда не умолкаетъ желаніе познать то вѣчное начало, которое даетъ себя видѣть и ощущать въ сихъ явленіяхъ. Онъ по необходимости допускаетъ сіе начало; ибо безъ него всѣ явленія были бы не что иное, какъ привидѣніе, какъ явленіе ничтожества. —

Разумъ истинному бытію вещей, къ познанію коего, какъ къ своей послѣдней цѣли, онъ непрестанно стремится, по необходимости противуполагаетъ бытіе сихъ вещей въ своемъ воображеніи. Нельзя сказать, что бы таковая противуположность могла существовать между одними и тѣми же понятіями, составляемыми воображеніемъ, и что бы внѣ воображенія не было дѣйствительнаго бытія вещей. Нѣтъ! разумъ внутренно убѣжденъ, что истинное бытіе вещей также отлично отъ ихъ бытія въ воображеніи, какъ отличенъ сонъ отъ бдѣнія, и также противуположны одно другому, какъ бдѣніе противуположно соннымъ мечтамъ. А посему съ утвержденіемъ или отрицаніемъ различія и про-

противуположности сна и бдѣнія, бытія вещей въ природѣ и въ воображеніи, утверждается или отрицается и существенность разума.

Когда въ душѣ человѣка прерывается связь между идеальнымъ міромъ воображенія и существеннымъ бытіемъ вещей въ природѣ, что бываетъ въ состояніи сна, въ извѣстныхъ болѣзняхъ: то *чистый* разумъ, несмотря на то, что онъ неисходно пребываетъ въ человѣкѣ, не можетъ воспрепятствовать ему составлять самые нелѣпые образы, принимать за истину самыя несбыточныя вещи. Теряя чувство, и содѣлываясь неспособнымъ *понимать* истину, находящуюся въ природѣ, человѣкъ въ тоже время теряетъ разумъ: ибо ограниченный человѣческій разумъ есть не что иное, какъ внутренняя или внѣшняя, посредственная или непосредственная способность *понимать* истину; хотя сія способность въ человѣкѣ, какъ разумное пониманіе или приниманіе, соединена съ сознаніемъ, съ соображеніемъ, съ свободою.—

Необходимо долженъ существовать внѣ насъ такой умъ, который состоитъ не въ одной способности понимать истину, но обладаетъ такою силою, что можетъ производить всѣ возможныя истины изъ себя самаго; который, существуя самостоятельно, составляетъ самое существо истины, объемлетъ собою всю полноту свѣта, любви и жизни. Иначе нигдѣ не было бы да и не могло бы быть ни истины, ни добра; иначе основаніемъ всѣхъ вещей, всякаго познанія, было бы чистое ничто.

Сколько извѣстно для меня то, что я имѣю разумъ, и что мой разумъ не заключаетъ въ себѣ полноты свѣта, жизни и совершенства: столько несомнѣнно и то, что есть высшее существо, есть умъ, въ коемъ обитаетъ полнота всѣхъ совершенствъ, и отъ коего мой разумъ получилъ свое бытіе. А по сему знакомъ моего бытія и моего разума должно быть не мѣстоимѣніе: *Я*, но *существо большее, нежели Я, лучше нежели Я,—существо совсѣмъ другое.*

Я ничто, совершенное ничто, естьли нѣтъ *Его.* Мое сознаніе говоритъ мнѣ, что я не могу быть высочайшимъ Существомъ . . . слѣдовательно разумъ твердитъ тономъ внутренняго ощущенія: внѣ тебя есть Богъ.

И такъ я утверждаю, что человѣкъ находитъ Бога потому, что онъ самъ себя можетъ отыскать только въ Богѣ. Подрывая основаніе бытія Божія, онъ въ тоже время по необходимости подрываетъ основаніе собственнаго бытія. Бытіе наше совершенно *теряется,* какъ скоро мы теряемъ изъ виду Бога, источника всякаго бытія. Тогда все внутрь и внѣ насъ разрѣшается въ ничто. А по сему человѣку остается на выборъ одно изъ двухъ: или *Богъ,* или *ничтожество.* Избирая ничтожество онъ симъ самымъ производитъ себя въ Бога; то есть, дѣлаетъ Богомъ привидѣніе; ибо, естьли нѣтъ Бога, то человѣкъ и всѣ вещи суть пустое привидѣніе.

Снова повторю: или существуетъ внѣ меня самобытное, всесовершенное Сущест-

во, или я самъ: *Богъ*. Сіи крайности не допускаютъ никакой средины. Естьли я не обрѣтаю Бога, и притомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ я долженъ представлять Его, то есть, Существомъ, имѣющимъ дѣйствительное бытіе внѣ меня, содержащимъ въ себѣ основаніе всякаго бытія: то, по силѣ моей личности, я самъ для себя Альфа и Омега; первѣйшимъ и высочайшимъ закономъ должно быть для меня слѣдующее положеніе: *нѣтъ другаго Бога, кромѣ моей личности*.

Самое истинное потолику можетъ быть истиннымъ, поколику есть Богъ, и поколику сей Богъ есть существо, совершенно отличное отъ природы, есть Творецъ и самовластный разпорядитель всѣхъ вещей, есть преисполненный любви Отецъ, всегда и вездѣ пекущійся о благѣ своихъ чадъ. Естьли понятіе о семъ Богѣ есть не что иное въ душѣ человѣка, какъ умственная радуга, образующаяся изъ преломленія и отраженія лучей умственныхъ въ облакахъ

сердечныхъ желаній; естьли оно не болѣе значитъ, какъ Психологическое явленіе, коего начала и слѣдствія заключаются въ одномъ извѣстномъ настроеніи души: то и всѣ прочія понятія въ умѣ человѣка, вся система его познанія должны быть объясняемы по примѣненію къ сей теоріи умственной радуги; все, что ни происходитъ въ душѣ, должно быть почтено за Психологическое явленіе, или лучше, за привидѣніе, и основаніемъ всѣхъ сихъ сихъ явленій будетъ чистое *ничто*.

Точно ничто! Естьли нѣтъ творца, то нѣтъ и твари. Бытіе того и другой связано въ умѣ нашемъ неразрывно. Естьли слово *Богъ* не имѣетъ значенія дѣйствительнаго; то слова: природа, душа, умъ суть слова самыя пустыя. Ибо существо души состоитъ въ томъ, что она понимаетъ истину, понимаетъ Бога, источника всѣхъ истинъ, понимаетъ его внѣ и внутри себя. Равнымъ образомъ сущность разума состоитъ въ томъ, что для него бытіе Божіе гораздо очевиднѣе бытія самаго себя. Гдѣ изчезаетъ сія очевидность, тамъ нѣтъ

истиннаго разума. Ибо можно ли назвать разумомъ ту силу души, которая способна производить однѣ противорѣчія, однѣ нелѣпости?— Но разумъ, безъ сознанія бытія Божія, точно таковъ: онъ исполненъ противорѣчій самыхъ осязаемыхъ, подверженъ крайностямъ самымъ несовмѣстимымъ; онъ есть тогда умъ безумный, понимающее небытіе, незнаніе знающее.

Преимущество человѣка, по словамъ Мудреца Стагирскаго, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ представлять нѣчто высшее и лучшее, нежели онъ. Себя самаго находитъ онъ существомъ, совершенно зависимымъ, имѣющимъ начало, не имѣющимъ собственнаго свѣта: но въ тоже время открываетъ онъ въ себѣ непреодолимое побужденіе углубляться въ источникъ своего бытія, познавать въ немъ самаго себя, изъ него, чрезъ него и въ немъ почерпать знаніе истины. Таковое побужденіе, служащее отличительнымъ признакомъ его личности, онъ называетъ разумомъ.

Въ семъ побужденіи, коимъ одарено каж-

дое разумное существо, сокрывается источникъ свѣта и силы сего существа. Только при семъ свѣтѣ оно можетъ видѣть, только сею силою оно можетъ дѣйствовать.—

Никакое ограниченное существо не имѣетъ источника собственной жизни въ самомъ себѣ; всѣ воззваны къ бытію чуждымъ гласомъ; всѣ имѣютъ бытіе заемное; ни одно изъ нихъ не сильно продолжить бытія своего ниже на одно мгновеніе; таже десница, которая извлекла ихъ изъ бездны ничтожества, должна поддерживать ихъ надъ сею бездною, въ которую онѣ естественно стремятся.—

Человѣкъ пробуждается къ бытію подобно животному, и при первомъ пробужденіи своемъ представляется твореніемъ, совершенно чувственнымъ. Подобно животному въ началѣ онъ не знаетъ ничего, кромѣ своей матери. Но животное получаетъ отъ своей матери одно молоко. Посему забывая о молокѣ, оно забываетъ и о матери. Животное не имѣетъ сердца, а потому въ немъ нѣтъ и разума. Взоръ младенца не останавли-

вается на однихъ сосцахъ машернихъ. Когда слабыя усша его сосушъ молоко, его небесный взоръ усшремляешся къ лицу машернему. Вмѣсшѣ съ молокомъ онъ всасываешъ въ себя чувсшво, умъ, любовь. Сначала онъ, кажешся, имѣешъ одну шокмо способносшь— плакашь; но вскорѣ на ланишахъ, покрышыхъ слезами, разцвѣшаешъ невинная улыбка; нѣмыя дошолѣ усша ошверзаюшся; онъ начинаешъ произносишь имена своихъ родишелей, и переходя ошъ машерняго нѣдра въ объяшія ошца научаешся досшавляшь обоимъ сердечное удонольсшвіе.

Лице человѣка служишъ зеркаломъ его души; есшьли оно не обезображено сшрасшями, шо въ немъ видны всѣ перемѣны, происходящія въ душѣ. Природа служишъ зеркаломъ для Божесшва; въ ней ошражаешся все шо, чшо происходишъ въ свяшилищѣ Божесшвеннаго совѣша. А посему кшо не видишъ Бога въ природѣ, для шого природа не имѣешъ никакой физіогноміи; для шого вся совокупносшь вещей есшь не чшо иное, какъ случайное скопленіе бездушнаго вещесшва, сочешаніе шѣней, кои ошбрасываюшся

не шѣлами, а сами собою, множество нулей, при коихъ нѣшъ ни одной единицы.

Весьма справедливо сказалъ одинъ писашель, и сказалъ, кажешся, шпоя, чшо вѣра въ бышіе Божіе есшь внушреннее влеченіе. Вѣришъ бышію Божію сшоль же есшесшвенно для человѣка, какъ и ходишь на двухъ ногахъ. Вѣра сія можешъ принимашь, по различію людей, различные виды; а въ нѣкоторыхъ людяхъ можешъ бышь совершенно заглушена: но въ существѣ своемъ она никогда не престаешъ бышь необходимою пошребносшію нашего духа. Вѣра въ Бога сшолько же есшесшвенна человѣку, сколько есшесшвенъ для него прямый видъ лица. А невѣріе шакже неесшесшвенно человѣку, какъ неесшесшвенно ему пресмыкашься по землѣ, подобно живошнымъ.—

Снова повшорю, чшо писашель, назвавши вѣру въ бышіе Божіе внушреннимъ влеченіемъ, долженъ произнесши сіи слова, сшоя. Мнѣ кажешся, чшо при произнесеніи ихъ, душа его была наполнена слѣдующимъ чувсшвомъ. *„Прямой, обращенной къ небу видъ*

человѣка не можетъ быть дѣломъ случая, нѣтъ! самъ Богъ поднялъ человѣка отъ земли, и указалъ ему смотрѣть на небо, гдѣ обитаетъ его Творецъ.“ Въ сію минуту бытіе Бога на небесахъ долженствовало быть для него гораздо очевиднѣе собственнаго бытія его на землѣ.

Что служитъ неотъемлемою, общею принадлежностію какого—либо класса существъ; то не можетъ быть дѣломъ вымысла. Человѣкъ также неспособенъ вымыслить самъ по себѣ Религію, какъ неспособенъ вымыслить видѣніе или слухъ. Онъ также учится вѣрить бытію Божію, какъ учится видѣть и слышать. Онъ никогда бы не выучился видѣть, естьли бы внѣ его, въ природѣ, не было очертаній и цвѣтовъ: онъ никогда бы не выучился слышать, естьли бы въ природѣ не было тоновъ, и естьли бы сіи тоны не были подчинены законамъ гармоніи. Для того чтобы человѣкъ могъ чувствовать, мыслить, желать, дѣйствовать, природа должна состоять въ извѣстномъ степени принаровленія къ человѣку; а человѣкъ къ природѣ. Человѣкъ, разсматриваемый внѣ

таковаго соотношенія съ природою, представляется совершенно не человѣкомъ. Его сознаніе, безъ отношенія ко внѣшнимъ предметамъ, образуетъ одну пустую сферу мышленія, которую онъ никакъ не можетъ наполнить самимъ собою. Онъ не можетъ даже выйти изъ сей сферы, дабы имѣть по крайней мѣрѣ удовольствіе видѣть свое ничтожество. Такимъ образомъ человѣкъ весь погруженъ *въ безпредѣльномъ*; его сознаніе есть точка, поставленная на безконечной линіи; его бытіе есть ограниченіе безпредѣльнаго бытія, которое онъ въ себѣ ощущаетъ, но котораго не можетъ обнять.

Заключимъ сущность сказаннаго нами въ немногихъ положеніяхъ.

1. „Человѣкъ побуждается вѣрить бытію Божію такимъ же внутреннимъ влеченіемъ, какимъ животное побуждается находить для себя пищу.

2. „Естьли бы разумное внутреннее влеченіе въ человѣкѣ было не что иное, какъ Психологической обманъ: то всѣ познанія

человѣка были бы *ничто*, вся природа и самъ человѣкъ—пустое *привидѣніе*. Но поелику допускать таковую нелѣпость, значило бы уничтожить самый разумъ; то бытіе Божіе, внушаемое разумнымъ внутреннимъ влеченіемъ есть самая очевидная истина.

3. „Хотя сознаніе бытія Божія имѣетъ всю возможную для разума очевидность: впрочемъ сей очевидности недостаетъ зрительнаго познанія существа Божественнаго.

4. „Когда въ душѣ человѣка не раскрыто чувство безконечнаго, то онъ образуетъ собою токмо зародышъ человѣка: полнымъ же человѣкомъ онъ становится тогда, когда сознаніе Божества воспріемлетъ всю свою силу.“

Сіе удобнѣе можно понять изъ слѣдующей притчи:

Нѣкогда разсудокъ занимался изслѣдованіемъ истины; вкусъ наслаждался изящнымъ въ природѣ и искусствахъ; совѣсть судила

о нравственнодобромъ въ чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и поступкахъ.

Внезапно сталъ среди ихъ небесный духъ и сказалъ: Любезные друзья! надъ чемъ вы трудитесь? Знаете ли вы хорошо то, къ чему стремитесь? Разсудокъ! твое истинное есть ничто безъ истины; вкусъ! твое изящное, ничто безъ изящества; совѣсть! твое доброе ничто безъ добра. То, что вы всѣ трое (безъ сознанія) предполагаете и должны предполагать для того, чтобы ваше истинное, изящное, доброе не было ничто, то самое я *разумѣю,* почему и называюсь *разумъ.* Сколько для васъ естественно предполагать истинное, изящное, нравственнодоброе: столько для меня естественно разумѣть истину, изящество, нравственное добро. Но истина, изящество, нравственное добро, мною разумѣемыя, не состоятъ только въ одномъ томъ, что составляетъ для васъ истинное, изящное, нравственнодоброе; въ противномъ случаѣ нѣтъ никакой истины, никакого изящества, никакой нравственной доброты.

Естьли же такъ; то есть *первообразная истина,* которую ты, разсудокъ, предполагаешь твоимъ истиннымъ; есть *первообразное изящество,* которое ты, вкусъ, предполагаешь твоимъ изящнымъ; есть *первообразное нравственное добро,* которое ты, совѣсть, предполагаешь твоимъ нравственно-добрымъ,—естьли только ваше истинное, изящное, нравственно-доброе не есть ничто,—естьли только вы всѣ трое, разсудокъ, вкусъ и совѣсть, имѣете дѣйствительное бытіе.

И такъ соединитесь со мною, вмѣстѣ со мною изслѣдывайте истину, наслаждайтесь изящнымъ, судите о нравственно-добромъ.

Впрочемъ не спрашивайте меня, какимъ образомъ я дошелъ до того, что разумѣю первообразную истину, первообразное изящество, первообразное нравственное добро. Я не могу дать вамъ на сіе другаго отвѣта, кромѣ того, что я не могу не разумѣть ихъ. Во мнѣ есть природное внушеніе открывать во всякомъ истинномъ первообразную истину, во всякомъ изящномъ — первообразное

изящество, во всякомъ нравственно — добромъ, — первообразное нравственное добро.

Безъ сего внушенія, безъ сего откровенія я самъ обращаюсь въ ничто. Для меня не составляетъ никакого труда открывать первообразную истину, первообразное изящество, первообразное нравственное добро. Онѣ находятся во глубинѣ моего существа; я долженъ только углубляться въ самаго себя.

А посему естьли бы кто сказалъ мнѣ: разумъ! твоя первообразная истина, твое первообразное изящество, твое первообразное нравственное добро, есть ничто: то это значило бы все равно, естьли бы онъ сказалъ: разумъ! ты ничто. Ибо дѣйствительно я не что другое, какъ способность разумѣть сію истину, сіе изящество, и сіе добро.

Сказавъ сіе, разумъ умолкъ и вмѣстѣ съ разсудкомъ, вкусомъ и совѣстію падши на землю, погрузился въ молитву . . . .

Въ продолженіи молитвы взоры молящихся просіяли небеснымъ свѣтомъ; уста ихъ начали вѣщать отъ полноты истины, изящества и нравственнаго добра; и одинъ изъ Серафимовъ начерталъ на челахъ ихъ:

Человѣкъ опять получилъ бытіе!

3.

Надежнѣйшій способъ убѣдить себя въ бытіи Божіемъ.

Естьли человѣкъ, побуждаемый разумнымъ внутреннимъ влеченіемъ, можетъ доходить до вѣры въ бытіе Божіе; то посредствомъ жизни въ Богѣ онъ можетъ достигнуть совершеннаго убѣжденія въ сей высочайшей истинѣ.

Но что такое значитъ *жить въ Богѣ?* Жить въ Богѣ значитъ такъ мыслить, желать и дѣйствовать, какъ бы око провидѣнія непрестанно бодрствовало (какъ и дѣйствительно бодрствуетъ) надъ всѣми нашими мыслями, желаніями и поступками; какъ бы отъ полноты святости Божест-

венной непрестанно изливались (какъ и дѣйствительно изливаются) въ наше сердце силы, потребныя къ животу и благочестію; какъ бы первообразная красота непрестанно отражалась (какъ и должна отражаться) во всемъ образѣ нашей жизни. Жить такимъ образомъ, на языкѣ древнихъ Философовъ, называлось жить въ Богѣ, а на языкѣ Патріарховъ, ходить предъ Богомъ. Таковая жизнь въ Богѣ, таковое хожденіе предъ Богомъ, есть самый вѣрный способъ достигнуть совершеннаго убѣжденія въ бытіи Божіемъ. —

Кто живетъ въ Богѣ, тотъ умъ и сердце свое непрестанно долженъ устремлять къ истинному, доброму и изящному. Плодомъ таковаго устремленія бываетъ нравственное содружество съ источникомъ истины, добра и изящества — съ Богомъ. Содружество сіе служитъ самымъ крѣпкимъ оплотомъ противъ всѣхъ сомнѣній, касательно бытія Божія. Какъ человѣкъ, живущій въ низшемъ кругѣ чувственности, не можетъ сомнѣваться въ существованіи воздуха, коимъ онъ непрестанно дышетъ: такъ

для человѣка, живущаго въ высшемъ кругѣ духа, не возможно сомнѣніе о бытіи Божіемъ, которое содержитъ въ себѣ начало его духовной жизни. —

Кто живетъ въ Богѣ, того воля посредствомъ упражненія въ добродѣтели постепенно становится чище, возвышеннѣе, могущественнѣе въ добрѣ, непреклоннѣе ко злу; въ сердцѣ такого человѣка образъ Божества со дня на день дѣлается свѣтлѣе, выразительнѣе, величественнѣе и постижимѣе для разсудка. Усматривая въ собственномъ существѣ таковое отраженіе совершенствъ Существа высочайшаго, человѣкъ не можетъ уже сомнѣваться, чтобы не существовало дѣйствительно то, что съ такою силою въ немъ отражается.

Кто живетъ въ Богѣ, тотъ долженъ обращать вниманіе свое отъ всего преходящаго, и обращать оное къ невидимому, вѣчному. Таковое обращеніе души къ вѣчнымъ предметамъ, не только доставляетъ ему успокоеніе среди коловратности всего видимаго, но и содѣлываетъ его болѣе и

болѣе способнымъ къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ, такъ что онъ въ минуты душевнаго восторга предвкушаетъ сладость небесныхъ радостей. Послѣ сего можно ли ему сомнѣваться въ бытіи вѣчной жизни? а слѣдовательно въ бытіи Божіемъ? Ибо что такое есть Богъ, какъ не животъ вѣчный, по отношенію къ разумнымъ тварямъ своимъ, которыя въ немъ живутъ, движутся и существуютъ? —

Кто живетъ въ Богѣ, тотъ посредствомъ непрестанно умножающагося соединенія съ Богомъ, постепенно становится Богоподобнѣе, а умножающаяся Богоподобность содѣлываетъ его часъ отъ часу способнѣе быть причастникомъ Божескаго естества. Такимъ образомъ человѣкъ получаетъ вдругъ два неложныя свидѣтельства бытія Божія, одно извнутрь себя, другое извнѣ. Извнутрь — уподобленіе Богу, извнѣ — пріобщеніе Божеству.

И такъ, кто научился познавать Бога изъ *содружества* съ Божествомъ, изъ *наслажденія* Божественнымъ, изъ *уподобле-*

нія и *пріобщенія Божеству*; для того бытіе Божіе столько же *очевидно*, сколько *необходимо*; столько же *необходимо*, сколько *очевидно*.

Очевидно и необходимо, какъ высочайшая истина, и какъ источникъ всѣхъ истинъ.

Очевидно и необходимо, какъ высочайшая святость, и какъ основаніе и начало всякой святости.

Очевидно и необходимо, какъ высочайшее блаженство, безъ коего нѣтъ и не можетъ быть никакого блаженства.

Очевидно и необходимо, какъ высочайшее изящество, предъ коимъ всякая красота есть одна тѣнь.

Такимъ образомъ надежнѣйшій способъ убѣжденія себя въ бытіи Божіемъ можно заключить въ слѣдующемъ краткомъ правилѣ: *поступай такъ, какъ ты долженъ поступать; естьли Богъ дѣйствительно*

существуетъ, — и ты никогда не будешь сомнѣваться въ томъ, что Богъ дѣйствительно существуетъ.

Отсюда явствуетъ, а) *гдѣ сокрывается первоначальный источникъ всякаго невѣрія. Жизнь внѣ Бога,* то есть жизнь безъ страха Божія, *приводитъ сначала къ нерѣшительнымъ сомнѣніямъ, касательно бытія Божія. Съ продолженіемъ ея сіи сомнѣнія нечувствительно превращаются въ пагубную склонность вѣрить, что Бога нѣтъ. Изъ сей склонности въ послѣдствіи образуется буйное упорство утверждать, что Богъ не только не существуетъ, но и не можетъ существовать.* б) въ чемъ состоитъ *дѣятельное невѣріе бытію Божію;* то есть, оно состоитъ въ такомъ образѣ жизни, въ коемъ нѣтъ ни одной черты, показывающей вѣру въ Бога. в) *какое вѣрнѣйшее средство противъ невѣрія.* Что служитъ вѣрнѣйшимъ способомъ къ убѣжденію въ бытіи Божіемъ, то служитъ вмѣстѣ и надежнѣйшимъ оплотомъ противъ безбожія. Кто живетъ въ Богѣ, тотъ по слову Ев. Іоанна, имѣетъ доказательство истины

своея вѣры въ самомъ себѣ; для того не нужно никакихъ внѣшнихъ, умственныхъ доказательствъ.

VII.

О ТЕПЛОТѢ ВЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

Каковъ бы ни былъ человѣкъ, мы не можемъ не имѣть къ нему нѣкотораго уваженія; естьли онъ въ своемъ родѣ есть все, чѣмъ быть хочетъ. Даже злодѣй, который въ поступкахъ своихъ оказывалъ великую силу духа, имѣетъ больше цѣны въ глазахъ нашихъ, нежели тотъ преступникъ, который, не имѣя столько мужества, чтобы поступать честно, былъ малодушенъ на своемъ поприщѣ. Мы сожалѣемъ о первомъ, думая, что онъ былъ доведенъ до зла воспитаніемъ и обстоятельствами; ибо мы увѣрены, что онъ имѣлъ бы довольно силы сдѣлаться благороднѣйшимъ человѣкомъ: но мы презираемъ втораго, который столь же мало имѣлъ силы къ добру, какъ и къ злу.

Что особенно нравится намъ въ великихъ и славныхъ мужахъ? Неизмѣнная сила, съ которою они все предпринимаютъ; великость и твердость воли, съ которою они сквозь всѣ препятствія и опасности

спѣшатъ къ своей цѣли. Ихъ рѣдкое постоянство, ихъ удивительная непоколебимость въ счастіи и несчастіи, вѣрность, съ каковою они преданы намѣреніямъ своимъ, приводятъ насъ въ восхищеніе. Даже ихъ странности, ихъ небольшія слабости нравятся намъ, потому что онѣ представляются вмѣстѣ съ прочимъ образомъ ихъ мыслей, и вмѣстѣ съ ихъ силою. Мы любимъ сихъ людей, мы имъ удивляемся; ибо знаемъ, кто они, каковы они, къ чему они стремятся.

Напротивъ того мы имѣемъ природное отвращеніе отъ всего слабаго и обыкновеннаго въ характерѣ людей, о которыхъ не знаемъ даже, что подумать. Намъ непріятны тѣ, которые ничего не показываютъ рѣшительнаго и ничего твердо не держатся; о которыхъ не льзя сказать, хороши ли они, или худы. Кто можетъ имѣть дружбу и довѣренность къ такому человѣку, который никогда не отвѣчаетъ искреннею довѣренностію, отличною любовію? Кто можетъ дать сердце свое такому человѣку, который никогда не обнару-

живаетъ сердечнаго расположенія? *Теплый* другъ не есть другъ.

Такъ обыкновенно бываетъ въ жизни. Такъ же точно бываетъ и въ Христіанствѣ. *Теплый* Христіанинъ не есть Христіанинъ. — *Знаю твои дѣла,* — говоритъ Господь въ Писаніи,—*ты ни холоденъ, ни горячъ. О естьлибъ ты былъ холоденъ, или горячъ!* Апок. 3, 15.

Обращая наблюдательный взоръ на друзей и знакомыхъ нашихъ, мы не можемъ не признаться, что весьма мало находимъ *ревностныхъ* Христіанъ, которые бы всею душею и всѣми силами не только почитали Іисуса, но и подражали Ему. Обращая взоръ на самихъ себя, мы не можемъ не признаться, что мы весьма *теплы* въ Религіи, *теплы* въ молитвѣ, при Богослуженіи, *теплы* въ хорошихъ намѣреніяхъ, въ должностяхъ, въ безкорыстныхъ и другихъ добродѣтельныхъ поступкахъ! — *Знаю твои дѣла. О естьлибъ ты былъ холоденъ, или горячъ!*

Сія *теплота* людей въ Религіи, сей порокъ, содѣлывающійся нынѣ столько всеобщимъ, и служащій страшнымъ пріуготовленіемъ ослабленія всѣхъ силъ истинной вѣры, не состоитъ собственно въ *хладнокровіи* къ Божественному слову и къ ученію Іисуса. Нѣтъ, есть тысячи Христіанъ, къ которымъ не льзя отнести укоризну хладнокровія въ дѣлахъ вѣры; которые поставили бы въ обиду себѣ, естьли бы ихъ считали хладнокровными къ Богу и вѣчности; но которые однакожъ, разсматривая дѣла свои, признаются, что они *теплы* въ добрѣ, ни *холодны*, ни *горячи*.

Теплота въ вѣрѣ не значитъ небрежности въ соблюденіи наружнаго Богопочитанія. Вы видите, съ какою поспѣшностію, съ какимъ благоприличіемъ, съ какимъ усердіемъ стекаются въ храмъ Божій Христіане, когда въ день праздника звукъ колокола возвѣщаетъ часъ торжественной молитвы! Но естьли обратите взоръ на сихъ благоговѣйныхъ молитвенниковъ, на сихъ усердныхъ посѣтителей храма Божія; естьли обратите на нихъ взоръ въ ихъ домахъ, въ

ихъ семействахъ, въ ихъ занятіяхъ и забавахъ; то сколько найдете *теплоты* въ жизни! Какъ отличенъ человѣкъ въ своемъ домѣ, въ кругу семейства, отъ человѣка, молившагося въ храмѣ!

Теплота не означаетъ также лицемѣрства. Ибо многіе изъ лицемѣровъ имѣютъ доброе сердце, но не имѣютъ горячности, ревности къ Христіанству. Они подаютъ милостыню щедро, и дѣйствительно по любви и состраданію; они, при открывшемся случаѣ, помогаютъ своему ближнему; они тщательно исполняютъ гражданскія должности;—но въ нихъ недостаетъ живаго стремленія къ исправленію своего сердца. Они дѣлаютъ добро, которое не требуетъ пожертвованій; но отказаться отъ наслажденія и выгоды для Христіанскаго дѣла было бы для нихъ слишкомъ много. Они дѣлаютъ добро, естьли представляется къ тому случай; но искать случаевъ къ совершенію дѣлъ любви, примиренія, состраданія и благотворенія, для нихъ дѣло излишнее и невозможное.

Что же есть теплота въ Христіанствѣ? — Она есть нерадѣніе человѣка о томъ, чтобы во всѣхъ мысляхъ и поступкахъ рѣшительно показывать себя другомъ и послѣдователемъ Іисуса, Христіаниномъ, ожидающимъ вѣчности и великаго усовершенствованія. *Теплота* есть нерадѣніе человѣка о томъ, чтобы являться *совершенно* таковымъ, каковымъ онъ быть хочетъ. Онъ находитъ добро прекраснымъ, но не заботится употреблять всѣхъ силъ къ исполненію онаго, или отлагаетъ то до другаго удобнѣйшаго времени. Онъ назидается ученіемъ слова Божія, но не укореняетъ его въ сердцѣ, и не исполняетъ въ жизни. Онъ покланяется Іисусу, какъ Искупителю, какъ Подателю блаженства; онъ называетъ Всевышняго Отцемъ своимъ: но не любитъ Іисуса и Бога Отца съ пламенною горячностію, и боится насмѣшекъ и презрѣнія отъ легкомысленныхъ людей, можетъ быть, болѣе, нежели взора Божія, нежели Искупителя, который говоритъ: *Кто отречется отъ Меня предъ человѣками; отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ моимъ, сущимъ на небесахъ.* Мат. 10, 33.

Вотъ *теплота* въ Христіанствѣ. Посему-то такъ много крестившихся въ Іисуса, и такъ мало истинныхъ Христіанъ; посему то такъ много званныхъ, и такъ мало избранныхъ; посему-то такъ много благоговѣнія и поклоненія въ храмахъ Божіихъ, и такъ мало стыда и вѣрности, мира и доброты въ домахъ; посему-то такъ много благочестивыхъ словъ, богобоязливыхъ рѣчей, и такъ мало благочестивыхъ дѣлъ, богобоязливыхъ мыслей!

Но *откуда проистекаетъ сія теплота въ Христіанствѣ?* Важное дѣло, познать источникъ сего зла, дабы удобнѣе предохранять себя отъ него. Но кто можетъ изчислить ихъ! Зло льется въ міръ изъ тысячи сокрытыхъ пещеръ; добро струится только изъ одного мѣста—изъ Христіански-благороднаго сердца, изъ сердца облагодатствованнаго!

Теплота многихъ Христіанъ въ вѣрѣ преимущественно происходитъ *изъ образа перваго ихъ воспитанія.* Ибо первое воспитаніе даетъ какъ бы неизмѣняемое на-

правленіе всему теченію нашей жизни.—Но гдѣ на терніи произрастаетъ виноградъ? Какъ могутъ быть кроткіе дѣти у необузданныхъ родителей? Какъ юноши могутъ быть ревностны къ Христіанству, когда родители, вмѣсто сердечнаго благоговѣнія, научаютъ ихъ только обычаю Богослуженія; когда родители, вмѣсто снисхожденія, любви и благотворительности къ ближнимъ, внушаютъ имъ только вѣжливость, учтивство и благопристойность, или даже порицанія, ненависть и мщеніе? Таковые дѣти знаютъ волю Божію и ученіе Іисусово, но не желаютъ дѣлать болѣе, нежели ихъ родители. Примѣръ родителей располагаетъ ихъ къ легкомыслію, къ *теплотѣ* въ дѣлахъ вѣры; и потому нимало не удивительно, когда дѣти становятся еще худшими Христіанами, нежели ихъ родители.

Другой источникъ *теплоты* въ Христіанствѣ есть *какая-то робость, какая-то ложная стыдливость, обнаруживать приверженность свою къ вѣрѣ,* или казаться благочестивымъ. Гдѣ исповѣданіемъ своей вѣры надлежало бы пожинать честь, тамъ опасаются навлечь на себя посмѣяніе; гдѣ

благочестивымъ чувствомъ могли бы пріобрѣсти уваженіе, тамъ страшатся быть пренебрегаемы. Не желаютъ быть отличными отъ большей толпы, и подобно ей дѣлаются непостоянными, несправедливыми, *теплыми.* Такимъ образомъ привыкаетъ наконецъ человѣкъ любить болѣе такъ называемое благоразуміе, нежели добродѣтель; цѣнитъ утонченный образъ жизни болѣе, нежели Христіанское чистое сердце; заботится о наружныхъ качествахъ болѣе, нежели о внутреннемъ достоинствѣ.—Почему же благоразуміе не можетъ стоять вмѣстѣ съ чистою добродѣтелію? Почему благоприличный образъ жизни не можетъ быть совмѣстенъ съ кроткимъ, богобоязливымъ чувствомъ? Чтобы быть ревностнымъ подражателемъ Іисуса, для сего не столько нужны святыя слова и выраженія, сколько святыя дѣла.—Міръ не ниспалъ еще до того, чтобы честные поступки обращаемы были въ позоръ, любовь къ человѣчеству въ проклятіе, милосердіе въ ненависть. Къ чему же оная ложная стыдливость въ дѣлахъ вѣры? Къ чему опасеніе сказать: „Я поступаю такъ, потому что долгъ мой требуетъ

сего, потому что Богъ сіе повелѣваетъ, потому что въ противномъ случаѣ я содѣлаюсь недостойнымъ надѣяться вѣчности. Я молюсь, потому что бесѣдованіе съ высочайшимъ Существомъ возвышаетъ духъ мой. Я посѣщаю торжественное Богослуженіе Христіанъ, потому что сердце мое имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи себя Божественнымъ словомъ. Я живу и хочу жить Христіаниномъ; потому что долженъ умереть не иначе, какъ такъ, чтобы жить въ вѣчности.,,

Не менѣе того произтекаетъ *теплота* въ вѣрѣ изъ *усыпленія души въ привычкахъ жизни и въ мірскихъ заботахъ*. Ибо человѣкъ, занятый съ утра до вечера должностными или домашними дѣлами, или мыслію о своихъ стяжаніяхъ и предстоящихъ удовольствіяхъ, или заботами о предотвращеніи бѣдствія, или другими малозначительными скоропреходящими цѣлями, легко забываетъ самаго себя, свою высшую природу, свое высшее званіе. Сію заботливость о пропитаніи, сію временную радость или печаль поставляетъ онъ главнымъ предме-

томъ жизни, а вѣру—сію жизнь, сіе дыханіе души своей—считаетъ постороннимъ дѣломъ. Онъ думаетъ о ней только въ свободные часы; онъ не любитъ ее, не живетъ въ ней. Онъ непримѣтно становится *теплымъ*; вмѣсто добродѣтели онъ научается только мірскому благоразумію, вмѣсто благочестія только благопристойности. Онъ считаетъ себя Христіаниномъ, но не совершаетъ великихъ дѣлъ Христіанства.

Вѣра есть жизнь, есть дыханіе души, говоримъ мы. Дѣйствительно, человѣкъ безъ святаго чувства Іисусова, безъ божественной любви Іисусовой, безъ благочестиваго во всякое время стремленія къ нравственному усовершенствованію своему, человѣкъ безъ непрерывнаго приближенія къ Богу, пребываетъ, какъ говоритъ Писаніе, *во тмѣ и тѣни смертной*. Лук. 1, 79. Онъ не имѣетъ жизни; одно только тѣло его живетъ. Онъ заботится только о тѣлѣ; онъ благоразуменъ только въ гражданскихъ и домашнихъ отношеніяхъ. Ежели въ семъ только состоитъ все, что мы должны дѣлать, и чѣмъ быть должны на землѣ; то жизнь

сія не стоитъ того, чтобы имѣть ее.— Такою ли теплотою должны мы отвѣтствовать любви Іисуса, который, будучи праведенъ и святъ, принесъ себя въ жертву для спасенія человѣковъ? Такою ли теплотою должны мы платить за неизреченную любовь Бога, Отца всѣхъ существъ, который предназначилъ намъ высочайшее блаженство? Ежели есть Богъ на небѣ, ежели есть Судія сердецъ надъ звѣздами, ежели за послѣдними вздохами смерти обитаетъ вѣчность; то какъ можетъ сердце человѣка охладѣвать въ любви къ Творцу? Какъ можетъ оно быть равнодушнымъ къ божественнымъ должностямъ, въ которыхъ дастъ нѣкогда отвѣтъ Судіи? Какъ можетъ оно поступать съ вѣчностію, какъ съ пустымъ сновидѣніемъ, а съ кратковременнымъ сновидѣніемъ бытія своего на землѣ, какъ съ безпредѣльною вѣчностію? Пробудись, пробудись, усыпленный человѣкъ; воспламенись священными чувствованіями къ Богу и къ твоему назначенію, къ которому призываетъ тебя Іисусъ, твой Спаситель! Ободрись въ твоей дѣятельности, и престань осквернять святыню твоею *теплотою!*

Слово Божіе взываетъ къ тебѣ: *Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ.* Сіе не естественное состояніе, сіе колебаніе между любовію и равнодушіемъ, между силою и смертію, пагубно для тебя, пагубно для тысячи другихъ. Посему Божественное слово говоритъ тебѣ: *О естьлибъ ты былъ холоденъ или горячъ!* Ибо естьлибъ ты былъ холоденъ къ вѣрѣ, естьлибъ ты былъ явный презиратель ея: то тебя знали бы; умѣли бы избѣгать тебя; предостерегали бы отъ тебя юношество, и всѣхъ, кого предостерегать должно; каждый здравомыслящій внутренно сожалѣлъ бы о тебѣ, какъ о безумномъ; и ты примѣромъ своимъ не вредилъ бы другимъ, а только самому себѣ.

Дѣйствительно, примѣръ *теплаго* Христіанина часто гораздо опаснѣе бываетъ, нежели примѣръ явнаго презрителя Христіанства. Ибо видимое поведеніе теплаго Христіанина не соблазнительно; и посему къ нему приближаются безъ опасенія. Онъ, можетъ быть, заслуживаетъ уваженіе въ гражданской жизни; а посему не страшатся подражать ему. Хотя онъ не ищецъ вер-

жовнаго блага, хотя не имѣетъ величія души, требуемаго вѣрою, хотя не обладаетъ высокою мудростію и животворнымъ познаніемъ достоинства цѣли бытія своего; но онъ можетъ знать способъ пріобрѣтенія земныхъ сокровищъ, можетъ достигать высокихъ чиновъ въ гражданской жизни, можетъ прославиться рѣдкими дарованіями ума и обширными мірскими знаніями. Такимъ образомъ, будучи ничто предъ Богомъ, онъ можетъ имѣть все, чтобы блистать предъ очами міра. И увы! легко соблазняемыя простыя души смотрятъ на него, ослѣпляются его поступками, и будучи, подобно ему, *теплы* въ вѣрѣ, ревностно стараются только о томъ, что ведетъ къ земному благосостоянію.

Такимъ-то образомъ примѣръ нашей *теплоты* въ вѣрѣ невольно развращаетъ сердца другихъ; такимъ-то образомъ мы бываемъ виною ихъ несовершенства. Мы подкрѣпляемъ невѣдущихъ, легкомысленныхъ и склонныхъ къ соблазну людей въ томъ ложномъ мнѣніи, что вѣра есть только постороннее дѣло; что, для исполненія долж-

ностей къ Богу, довольно наружныхъ обрядовъ, хожденія въ церковь, милостыни, затверженныхъ наизусть ежедневныхъ молитвъ, соблюденія церковныхъ праздниковъ; что для исполненія должностей къ ближнему, довольно не дѣлать никому явной обиды, только видимо повиноваться власти и ея законамъ.

Но не станемъ заблуждаться. *Теплый* Христіанинъ не есть Христіанинъ. Онъ не знаетъ самаго себя, онъ не примѣчаетъ того, что въ немъ есть вѣчнаго. Онъ не постигаетъ важной истины сихъ небесныхъ словъ: *Ищите во первыхъ царствія Божія.* Мат. 6, 33. А сіе царствіе Божіе есть царствіе духовъ совершенныхъ, душъ возвышенныхъ; есть царствіе высшихъ силъ; есть царствіе высшихъ назначеній, къ которымъ долженъ раскрыться духъ нашъ.

И ты, душа моя, избрана для сего вѣчнаго царствія. О! для чего же ты такъ часто желаешь погружаться въ оную лѣность и бездѣйственность, которая оковываетъ тебя на пути къ усовершенію? Для чего ты теряешь бодрость и ревность,

содѣлаться существомъ болѣе добродѣтельнымъ, болѣе достойнымъ любви Божіей, болѣе приближеннымъ къ Богу?—Воспряни, сила моя; укрѣпись, воля моя; возгори, сердце мое, любовію къ самому себѣ, къ своему званію, къ своему небесному Отцу, призывающему тебя. Возгори тою любовію, которая воодушевитъ тебя совершать добрыя и великія дѣла, какія совершалъ бы Іисусъ, какія совершалъ бы каждый изъ учениковъ Его на твоемъ мѣстѣ: Возгори тою любовію, которой исполненъ былъ Христосъ ко всему человѣчеству, и съ которою Онъ все принесъ въ жертву, всего лишился, все претерпѣлъ, дабы излить блаженство на родъ смертныхъ.

Удались отъ меня, ложный стыдъ; удалитесь, бѣдственные, безумные предразсудки. Величайшимъ богатствомъ моимъ да будетъ величіе души, каковое оказывалъ Іисусъ; оно только есть постоянно, оно только простирается далѣе подверженнаго тлѣнію міра. Величайшею славою моею да будетъ слава, быть Христіаниномъ. Пусть слѣпый міръ смѣется; я хочу быть Христіаниномъ. Пусть

называетъ меня лицемѣромъ, я не стану отрекаться Іисуса; я хочу торжественно покланяться Ему, какъ божественному Учителю и Избавителю міра. Пусть міръ называетъ меня неразумнымъ; но я хочу поступать великодушно, справедливо, честно, миролюбно, вѣрно, хотя бы то обращалось и во вредъ мнѣ. *Я хочу*,—и одно только хотѣніе принадлежитъ человѣку, исполненіе хотѣнія зависитъ отъ Бога. *Я хочу*,—и да будетъ хотѣніе мое чисто и непорочно, да будетъ оно свидѣтелемъ пламенной любви моей къ Тебѣ, Боже, Источникъ моей жизни, Источникъ вѣчнаго моего блаженства!

VIII.

СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО БЕСѢДА

О ТОМЪ, ЧТО БОГЪ НЕ ЕСТЬ ВИНОВНИКЪ ЗЛА.

Много поучительнаго представляетъ намъ Священный Псалмопѣвецъ Давидъ, по дѣйствію въ немъ Духа Святаго. Иногда Пророкъ, повѣствуя намъ о собственныхъ своихъ страданіяхъ, и о томъ, какъ мужественно перенесъ онъ свои злоключенія, въ собственномъ своемъ примѣрѣ, оставляетъ намъ самое убѣдительное ученіе о терпѣніи. Напр. когда говоритъ: *Господи! какъ многоо у меня враговъ!* Псал. 3, 1. Иногда представляетъ онъ благость Божію и скорое заступленіе, какое Онъ подаетъ истинно ищущимъ Его, и говоритъ: *Внегда призвати ми, услыша мя Богъ правды моея,* Псал. 4, 1. выражая тоже самое, что и Пророкъ сказалъ: *Еще глаголющу ти речетъ: се пріидохъ,* Иса. 58, 9. т. е. я не успѣлъ еще окончить призываніе, и Богъ

услышалъ, прежде нежели кончилось мое призываніе. Въ иномъ мѣстѣ, принося Богу смиренныя прошенія и молитвы, научаетъ насъ, какимъ образомъ надлежитъ намъ во грѣхахъ умилостивлять Бога: *Господи! да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене.* Псал. 6, 1. А въ 12 Псалмѣ словами: *Доколѣ, Господи, забудеши мя до конца,* показываетъ нѣкоторое продолжительное искушеніе, и въ продолженіи цѣлаго Псалма научаетъ насъ, не унывать въ скорбяхъ, но ожидать благости Божіей, и знать, что Богъ по своему распоряженію предаетъ насъ скорбямъ, посылая на насъ искушенія по мѣрѣ вѣры, какая есть въ каждомъ изъ насъ. По сей причинѣ сказавъ: *Доколѣ, Господи, забудеши мя до конца,* также: *Доколѣ отвращаеши лице твое отъ мене,* тотчасъ переходитъ къ изображенію нечестія безбожниковъ, которые при встрѣчѣ малѣйшаго огорченія въ жизни, не переносятъ горестнаго своего положенія, но тотчасъ недоумѣваютъ въ мысляхъ своихъ, есть ли Богъ, который печется о человѣкахъ, смотритъ ли Онъ за каждымъ, даетъ ли каждо-

му должное? Потомъ видя, что несчастія ихъ продолжаются долго, они утверждаются въ богохульной мысли и изрѣкаютъ въ сердцахъ своихъ, что нѣтъ Бога. *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.* Псал. 13, 1. А человѣкъ, взявшій сіе въ мысль, нещадно уже вдается во всѣ преступленія. Ибо естьли никто не надзираетъ, естьли нѣтъ того, кто бы воздавалъ каждому по достоинству его за дѣла сдѣланныя въ жизни, то что препятствуетъ притѣснять бѣднаго, убивать сирыхъ, умерщвлять вдову и пришельца, рѣшаться на всякое беззаконное дѣло, осквернять себя нечистыми и гнусными страстями, и всякими скотскими похотями? Посему-то Псалмопѣвецъ, какъ бы слѣдствіе мысли, что нѣтъ Бога, присоединяетъ: *растлѣша и омерзишася въ начинаніяхъ своихъ.* Ибо не могутъ уклониться отъ пути праваго тѣ, которые памятованія о Богѣ не истребили изъ сердецъ своихъ.

Отъ чего язычники *преданы превратному уму дѣлать непотребства*? Рим. 1, 28. Не отъ того ли, что сказали: *нѣтъ Бога*? Отъ

чего *они впали въ страсти постыдныя, жены обратили естественное употребленіе въ противо-естественное и мужчины на мужчинахъ дѣлаютъ срамъ?* Рим. 1, 26. 27. Не отъ того ли, что *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ образъ подобный скотамъ и четвероногимъ и гадамъ?* 23. Такъ! безуменъ, лишенъ ума и разсудка тотъ, кто говоритъ, что нѣтъ Бога. Но похожъ на него, и ни мало не уступаетъ ему своимъ безуміемъ и тотъ, кто Бога признаетъ виновникомъ зла. По моему мнѣнію они въ равной степени грѣшатъ; потому что и тотъ и другой равно отрицаютъ Благаго, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ вовсе не допускаетъ Его бытія, а другой утверждаетъ, что Онъ не благъ. Ибо естьли Богъ есть виновникъ зла, то очевидно, что Онъ не благъ, и такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ отвергается бытіе Бога. Но отъ чего же, возразятъ мнѣ, болѣзни? Отъ чего преждевременная смерть? Отъ чего истребленія городовъ, кораблекрушенія, брани, голодъ? Ибо это, говорятъ, зло, и все дѣлается отъ Бога. Кого же мы, естьли не Бога, должны почитать причиною всего

бывающаго? Такимъ образомъ мы, встрѣчая повторяемый вездѣ вопросъ, приведемъ слово наше къ принятому всѣми началу, тщательно разберемъ предложеніе и постараемся сдѣлать ясное и раздѣльное изложеніе его.

Одно то должны мы предварительно содержать въ умѣ своемъ, что мы, яко твореніе Благаго Бога, Имъ устроенные, находящіеся подъ Его распоряженіемъ въ маломъ и великомъ касающемся до насъ, не можемъ страдать безъ воли Божіей, и въ чемъ страждемъ, то это не вредное, а такое; чего лучше придумать не льзя. Смерть отъ Бога; но смерть не есть зло, естьли не разумѣть смерти грѣшника, для коего переселеніе изъ сей жизни есть начало адскихъ мученій. Мученій же адскихъ причиною не Богъ, а мы сами; ибо начало и корень грѣха въ насъ самихъ, въ нашей свободной волѣ. Въ нашей волѣ было удержаться отъ зла, и не подвергнуть себя бѣдствію; но мы сами по своей прихоти предались грѣху: какую же представимъ благовидную отговорку, что будто не сами мы

виною своихъ несчастій? Иное есть зло по отношенію къ нашему чувствованію, а иное по самой природѣ. Зло по природѣ зависитъ отъ насъ самихъ, какъ-то несправедливость, сладострастіе, невѣжество, лѣность, зависть, убійства, отравы, обманы, и прочіе тому подобные пороки, которые оскверняя душу сотворенную по образу создавшаго ее обыкновенно помрачаютъ красоту ея. Зломъ также называемъ мы то, что для нашего чувствованія тягостно и непріятно, какъ на пр. болѣзнь и язвы тѣлесныя, недостатокъ въ нужномъ, безславіе, потерю имѣнія, лишеніе родныхъ, что все премудрый и благій Господь посылаетъ на насъ для нашей же пользы. Богатство отнимаетъ Онъ у тѣхъ, кои худо имъ пользуются, и исторгаетъ у нихъ орудіе порока. Болѣзни посылаетъ на тѣхъ, для коихъ полезнѣе имѣть связанные члены тѣла, нежели безпрепятственно стремиться ко грѣху. Смерть приходитъ тогда, когда кончится предѣлъ жизни, отъ начала назначенный каждому изъ насъ по праведному суду Бога, который издалече предвидитъ, что для каждаго изъ насъ полезно. Голодъ,

засуха и чрезмѣрные дожди суть общіе бичи для городовъ и народовъ, наказывающіе за чрезмѣрное ихъ развращеніе. Какъ врачъ есть благодѣтель, не смотря на то, что причиняетъ мученіе и боль тѣлу, ибо онъ съ болѣзнію борется, а не съ больнымъ: такъ Богъ благъ, когда частными наказаніями устрояетъ спасеніе въ цѣломъ. Ты не винишь врача, когда онъ рѣжетъ и жжетъ тѣло твое, и нѣкоторыя части тѣла совсѣмъ отнимаетъ; но даешь ему деньги, и называешь спасителемъ за то, что, прежде нежели болѣзнь твоя распространилась по всему тѣлу, онъ пресѣкъ ее въ малой его части. А когда видишь, что городъ отъ землетрясенія обрушился на жителей, или корабль съ людьми разбило на морѣ, то немедленно изощряешь богохульный языкъ твой на истиннаго Врача и Спасителя. Тебѣ надлежало бы знать, что пользу отъ врачеванія получаютъ тогда, когда болѣзнь страждущихъ умѣренна и излѣчима; а когда болѣзнь неизлѣчима, тогда надобно отдѣлить поврежденный членъ, дабы болѣзнь далѣе и далѣе простираясь не дошла до главнѣйшихъ частей тѣла. Посему какъ

сѣченія и жженія членовъ виною не врачь, а болѣзнь: такъ и разрушеніе городовъ, произходя отъ чрезмѣрныхъ беззаконій, освобождаетъ Бога отъ всякаго нареканія.

Скажутъ: естьли Богъ не есть виновникъ зла, то какъ же говорится въ Писаніи: *Азъ устроивый свѣтъ, и сотворивый тьму, творяй миръ и зиждяй злая?* Иса. 65, 7. *Снидоша злая отъ Господа на врата Іерусалимля?* Мих. 1, 12. *Или будетъ зло во градѣ, его же Господь не сотвори?* Амос. 3, 6. И въ величественной пѣсни Моисея: *Видите видите, яко Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене. Азъ убію и жити сотворю, поражу и Азъ изцѣлю.* Втор. 32, 39. Но кто разумѣетъ смыслъ Писанія, тотъ ни въ одномъ изъ сихъ мѣстъ не найдетъ осужденія Богу, что Онъ есть виновникъ и творецъ зла. Ибо Тотъ, кто сказалъ о себѣ: *Азъ устроивый свѣтъ и сотворивый тьму,* представляетъ себя здѣсь Создателемъ твари, а не творцемъ зла. Чтобы ты не подумалъ, что иной есть творецъ свѣта, а иной тьмы, Онъ назвалъ себя творцемъ и Создателемъ и тѣхъ вещей,

которыя по своему устройству представляются одна другой противными, дабы ты не искалъ иного Создателя огня, иного воды, иного воздуха, и иного земли, такъ какъ онѣ по своимъ качествамъ представляются нѣкоторымъ образомъ другъ другу противными. Такъ какъ и дѣйствительно, допуская сіе, нѣкоторые впали въ многобожіе. Богъ *творитъ миръ и зиждетъ злая*. Въ тебѣ особенно *творитъ миръ*, когда спасительнымъ ученіемъ успокоиваетъ духъ твой, и укрощаетъ страсти воюющія на душу твою. *Зиждетъ злая*, т. е. преобразуетъ зло и обращаетъ на лучшее, такъ что оно перестаетъ быть зломъ и получаетъ свойство добра, на примѣръ: *Сердце чисто созижди во мнѣ Боже*, Псал. 50, 12. не означаетъ: сотвори теперь, но обнови обветшавшее во злѣ. Равнымъ образомъ въ словахъ: *Да оба созиждетъ собою во единаго новаго человѣка*, Еф. 2, 15. *созиждетъ* не означаетъ того, чтобы Богъ произвелъ изъ ничего, но чтобы преобразовалъ то, что существуетъ. Также: *Аще кто во Христѣ, нова тварь*, 2 Кор. 5, 17. и еще у Моисея: *Не самъ ли сей Отецъ твой*

стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя? Втор. 32, 6. Очевидно, что здѣсь слово: *сотвори*, поставленное рядомъ съ словомъ: *содѣлалъ*, показываетъ, что подъ именемъ творенія, какъ и во многихъ мѣстахъ, надобно разумѣть приведеніе въ лучшее состояніе. И такъ Богъ *творяй миръ* творитъ миръ, претворяя зло; т. е. перемѣняя его, и приводя къ лучшему. Впрочемъ естьли *миромъ* назовешь состояніе свободное отъ войны, а *зломъ* бѣдствія, сопутствующія тѣмъ, кои ведутъ оную, походы за предѣлы отечества, труды, неспаніе, сраженія, потъ, раны, убійство, взятіе городовъ, порабощеніе, плѣненіе, плачевный видъ плѣнныхъ, и вообще всѣ бѣды сопряженныя съ войною: то мы скажемъ, что Богъ по праведному суду своему посылаетъ въ войнѣ наказаніе на тѣхъ, которые достойны наказанія. Неужели тебѣ хотѣлось бы, чтобъ не истребленъ былъ огнемъ Содомъ послѣ столь гнусныхъ беззаконій? И чтобъ не разрушенъ былъ Іерусалимъ, и не опустошенъ храмъ послѣ ужаснаго ожесточенія Іудеевъ противъ Господа? Но всего приличнѣе было сдѣлать сіе посред-

ствомъ Римлянъ, коимъ Іудеи, враги собственной жизни, предали Господа нашего? И такъ иногда и по справедливости бѣдствія причиняемыя войною посылаются на заслуживающихъ сіе. Сіе изреченіе: *Азъ убію и жити сотворю*, принимай, естьли хочешь, въ прямомъ смыслѣ; ибо страхъ служитъ къ назиданію простодушныхъ. *Поражу и Азъ изцѣлю*—и сіе также полезно, естьли принять въ собственномъ смыслѣ. Поелику пораженіе производитъ страхъ, а изцѣленіе располагаетъ къ любви. Впрочемъ можно вышесказанное понимать и въ высшемъ значеніи. *Азъ убію* — грѣху, и *жити сотворю* — правдѣ. *Ибо аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется.* 2 Кор. 4, 16. Богъ не убиваетъ одного, а другаго животворитъ; но одного и того же убивая животворитъ, и поражая изцѣляетъ, какъ сказано въ притчахъ: *Ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти.* 22, 14. И такъ поражается плоть, дабы изцѣлилась душа, умерщвляется грѣхъ, дабы ожила правда. А изреченіе: *Снидоша злая отъ Господа на врата Іерусалимля,* само собою изъ-

ясняется. Какое то зло? Шумъ колесницъ и всадниковъ. Наконецъ, когда слышишь: *Или будетъ зло во градѣ, его же Господь не сотвори?* то знай, что въ настоящей рѣчи подъ именемъ зла разумѣются скорби, посылаемыя на грѣшниковъ для исправленія ихъ беззаконій. Ибо сказано: *Озлобихъ тя, и заморихъ тя гладомъ,* Втор. 8, 3. чтобы сдѣлать тебѣ добро. Онъ останавливаетъ порокъ, доколѣ онъ не разлился до чрезмѣрности, подобно какъ рѣку удерживаютъ твердою плотиною или преградою.

По той же причинѣ бываютъ моровыя язвы въ городахъ и народахъ, засухи, безплодіе земли, и другія съ каждымъ въ жизни встрѣчающіяся бѣдствія, которыми пресѣкается зло. Таковое зло производитъ Богъ чтобы пресѣчь истинное зло. Тѣлесныя болѣзни и другія внѣшнія горести съ намѣреніемъ допущены для обузданія грѣха. Слѣдовательно зло не отъ Бога, но напротивъ Богъ потребляетъ зло, подобно какъ и врачь истребляетъ болѣзнь, а не вноситъ болѣзни въ тѣло. Разрушенія городовъ, землетрясенія, потопы, истребленія войскъ, кораблекрушеніе, и всѣ ги-

бедныя для многихъ человѣковъ бѣдствія, происходящія отъ земли, отъ моря, отъ воздуха, отъ огня, или другой какой причины, бываютъ для вразумленія остающихся, поелику Богъ всеобщее нечестіе исправляетъ и всеобщими казнями. И такъ грѣхъ, зло въ собственномъ смыслѣ (ибо онъ—то наиболѣе достоинъ именоваться зломъ) зависитъ отъ нашей свободной воли, поелику въ нашей состоитъ власти удаляться отъ зла, или быть беззаконными. А другаго рода зло иногда посылается для того, чтобы въ подвигѣ открылась твердость духа: такъ Іовъ лишенъ дѣтей, въ одно мгновеніе времени потерялъ все богатство и пораженъ гнойными струпами; а иногда для врачеванія отъ грѣховъ, такъ какъ Давидъ за беззаконную похоть наказанъ домашнимъ безчестіемъ. Мы знаемъ еще и другаго рода наказанія, посылаемыя по праведному суду Божію для вразумленія тѣхъ, которые преклонны ко грѣху. Такъ Даѳанъ и Авирамъ поглощены землею, которая разверзла пропасть свою и зѣвъ свой. Казнію сего рода не сами они исправились, (ибо возможно ли это низшедшимъ во адъ?) но своимъ примѣ-

ромъ они другихъ сдѣлали осторожнѣе. Такъ потопленъ Фараонъ со всѣмъ войскомъ; такъ истреблены прежніе жители Палестины. Посему, хотя Апостолъ и говоритъ иногда о *сосудахъ гнѣва уготованныхъ на погибель,* Рим. 11, 21. но мы не должны думать, что Фараонъ устроенъ былъ злымъ (ибо въ такомъ случаѣ вина по всей справедливости падетъ на того, кто такъ устроилъ его). Напротивъ, когда ты слышишь, что люди названы сосудами, то представляй, что всякой изъ насъ созданъ на чтолибо полезное. И какъ въ большомъ домѣ иной сосудъ есть золотой, иной серебряный, иной глнняный, иной деревянный: (сравненіемъ съ сими веществами изображается качество нашей воли: сосудъ золотой есть тотъ, кто чистъ сердцемъ и нековаренъ; серебряный, кто ниже его достоинствомъ; глиняный, кто мыслитъ о земномъ, и легко можетъ разбиться; деревянный, кто удобно оскверняется грѣхомъ, и становится веществомъ для огня вѣчнаго) такъ и сосудъ гнѣва есть тотъ, кто вмѣщаетъ въ себѣ, подобно нѣкоему сосуду, все дѣйствіе діавола, и по причинѣ дурнаго за-

паха, происходящаго отъ поврежденія, не годится къ употребленію, а достоинъ только истребленія и погибели. По сему, когда надлежало сокрушить Фараона, благоразумный и премудрый Попечитель душъ устроилъ такъ, что онъ былъ славенъ и всѣми знаемъ, дабы своею погибелію по крайней мѣрѣ другимъ былъ полезенъ, когда самъ не могъ изцѣлиться отъ чрезмѣрнаго поврежденія. Ожесточилъ же Богъ Фараона, тѣмъ, что, по своему долготерпѣнію отлагая наказаніе, давалъ усиливаться нечестію его, дабы тогда, когда уже нечестіе его дойдетъ до высшей степени, открылась на немъ правда Божественнаго суда. По сему-то хотя начиналъ Онъ съ меньшихъ казней и потомъ непрестанно увеличивалъ и умножалъ удары, но не могъ смягчить его упорство, а напротивъ оказалось, что онъ презираетъ и долготерпѣніе Божіе, и привыкнувъ къ посылаемымъ на него ужасамъ былъ безпеченъ. Но и при всемъ этомъ Богъ не предалъ его смерти, доколѣ онъ самъ себя не потопилъ, когда въ надменіи сердца дерзнулъ идти путемъ праведныхъ, думая, что и для него будетъ также проходимо

Чермное море, какъ для народа Божія. И такъ узнавъ сіе отъ самаго Бога, и содержа въ памяти различные роды зла, зная, какое есть истинное зло, грѣхъ, коего слѣдствіе есть погибель, и какое мнимое зло, хотя болѣзненное для нашего чувствованія, но равносильное добру, каковы напр. скорби посылаемыя для обузданія грѣха, плодомъ коихъ есть вѣчное душевное спасеніе, перестань негодовать на промыслъ Божій. Вовсе не думай, что Богъ есть причиною существованія зла, да и не воображай, чтобъ зло имѣло собственное какое либо бытіе. Зло не существуетъ, какъ нѣкоторое животное, и бытія его нельзя представлять себѣ чѣмъ-то самостоятельнымъ. Зло есть отсутствіе добра. Созданъ глазъ, слѣпота же появляется отъ потери глазъ, такъ что естьли бы глазъ по природѣ своей не подлежалъ поврежденію, то не имѣла бы мѣста и слѣпота. Подобнымъ образомъ и зло не имѣетъ собственнаго существованія, но оказывается отъ растлѣнія души. Оно не есть не рожденное, какъ думаютъ нѣкоторые нечестивцы, поставляя въ одномъ чинѣ природу добрую и злую,

будто бы и та и другая не имѣетъ начала и выше всякаго произхожденія; но не есть также и рожденное. Ибо естьли все отъ Бога, то какъ произошло зло отъ Благаго? Худое не происходитъ отъ добраго и порокъ отъ добродѣтели. Прочитай о мірозданіи и найдешь, что тамъ *вся добра и добра зѣло*. Быт. 1, 31. И такъ зло не сотворено вмѣстѣ съ добромъ, да и духовныя твари сотворенныя Творцемъ, приведены въ бытіе безъ всякой примѣси зла. Естьли тѣлесное не имѣетъ въ себѣ зла, вложеннаго при сотвореніи, то существа духовныя, толико отличныя по чистотѣ и святости, могли ли получить бытіе причастное злу? Не смотря на то, зло существуетъ и своими дѣйствіями доказываетъ, что много его разлилось на всѣхъ живущихъ. Откуда же, скажутъ, оно имѣетъ бытіе свое, естьли оно и не безначально и не сотворено. У тѣхъ, которые предлагаютъ сей вопросъ, спросимъ и мы: откуда болѣзни, откуда поврежденія въ тѣлѣ? Ибо болѣзнь не есть нѣчто не рожденное, но и не есть твореніе Божіе. Животнымъ при сотвореніи данъ составъ приличный

ихъ природѣ, и онѣ произведены въ жизнь съ здравыми членами, но дѣлаются больны, когда отступаютъ отъ природы. Теряютъ здоровье или отъ худой пищи, или отъ другой какой причины, производящей болѣзни. И такъ Богъ создалъ тѣло, а не болѣзнь; душу сотворилъ Богъ, а не грѣхъ; но душа сдѣлалась злою, когда отступила отъ своей природы. Въ чемъ состояло первоначальное ея благо? Въ томъ, чтобъ быть съ Богомъ, и прилѣпляться къ Нему любовію; потерявъ сіе, она страждетъ отъ различныхъ и многообразныхъ немощей. Какъ она могла допустить зло? По своей свободѣ, которая преимущественно свойственна разумной природѣ. Не подлежа никакому принужденію и получивъ отъ Творца свободную жизнь, она, яко созданная по образу Божію, понимаетъ добро, чувствуетъ его сладость, и, постоянно созерцая добро и наслаждаясь духовными благами, имѣетъ власть и силу соблюдать жизнь, свойственную своей природѣ, но имѣетъ также власть и уклоняться отъ добра. Сіе бываетъ съ нею тогда, когда она, пресытившись высшими наслажденіями, погружается какъ бы въ дре-

мошу, и падая съ горнихъ селеній, для гнусныхъ удовольствій плоши входишъ въ связь съ плошію. Былъ нѣкогда Адамъ на высошѣ, не по мѣсшу, но по расположенію духа, когда получивъ душу обрашилъ взоръ свой на небо, чрезвычайно восхишился, возлюбилъ Благодѣшеля, кошорый даровалъ ему вкушашь вѣчную жизнь, поставилъ его среди сладосшей рая, далъ ему равно—Ангельское досшоинсшво, содѣлалъ его собесѣдникомъ Арханґеловъ, и удосшоилъ его слышашь Божесшвенный свой гласъ. Сверхъ шого находясь подъ защишою самаго Бога, и наслаждаясь Его благами, онъ скоро всѣмъ пресышился, и какъ бы ругаясь надъ сышосшію, пріяшное для плошскихъ очей предпочелъ красошѣ духовной, и насыщеніе чрева посшавилъ выше наслажденій духовныхъ. За сіе онъ шошчасъ изгнанъ изъ рая, пошерялъ блаженную оную жизнь, и сдѣлался злымъ не по принужденію, но ошъ своего худаго разсудка. Ошъ худаго упошребленія свободы согрѣшилъ, а ошъ грѣха умеръ; *оброцы бо грѣха смерть*. Рим. 6, 21. Сколько ошдалялся ошъ жизни, сшолько приближался онъ къ смерши. Жизнь есшь Богъ, а лишеніе

сей жизни смерть. Такимъ образомъ Адамъ удаляясь отъ Бога самъ себѣ приготовилъ смерть, какъ сказано въ Писаніи: *Се удаляющіися отъ Тебе погибнутъ.* Псал. 72, 27. И такъ не Богъ сотворилъ смерть, но мы сами навлекли ее на себя развращеніемъ своей воли. Не препятствовалъ же Онъ нашему разрушенію по вышесказаннымъ причинамъ, чтобъ не оставить насъ въ безсмертной немощи, такъ какъ кто бы не согласился бросить въ огонь глинянаго, протекающаго сосуда, чтобъ замазать и поправить находящееся въ немъ поврежденіе? Но почему, скажутъ, не сотворены мы вовсе безгрѣшными такъ, что, хотя бы и хотѣли, но не могли бы грѣшить? По тому что и ты видишь расположеніе къ себѣ слугъ твоихъ не тогда, когда содержишь ихъ въ оковахъ, но когда видишь, что они добровольно дѣлаютъ тебѣ должное. Такъ и Богу не то пріятно, что вынуждено, но то, что дѣлается изъ любви къ добродѣтели. Добродѣтель же есть дѣло свободы, а не дѣло необходимости; употребленіе свободы зависитъ отъ насъ самихъ; а то, что зависитъ отъ насъ, есть произвольно. Слѣдовательно,

кто винитъ Творца, для чего Онъ не устроилъ насъ по самой природѣ неспособными грѣшить, тотъ природу неразумную предпочитаетъ разумной, недвижимую и недѣятельную свободной и дѣятельной. О семъ, хотя мимоходомъ, но сказать было нужно для того, чтобы ты, погружаясь въ бездну размышленія, сверхъ потери трудовъ не потерялъ и самаго Бога. И такъ перестанемъ поправлять Премудраго, перестанемъ искать лучшаго, нежели то, что сотворено Имъ. Хотя сокрыты отъ насъ причины каждаго дѣйствія Его промысла въ частности, но одна та мысль должна твердо держаться въ душахъ нашихъ, что отъ Благаго не происходитъ зло. По теченію мыслей приходитъ еще вопросъ и о діаволѣ. Откуда діаволъ, естьли зло не отъ Бога? что на сіе скажемъ? На сей вопросъ достаточно будетъ то же рѣшеніе, какое представили мы касательно зла въ людяхъ. Отъ чего золъ человѣкъ? Отъ собственнаго своего произволенія. Отъ чего золъ діаволъ? Отъ того же; потому что и его жизнь свободна, и въ его состояло власти или пребывать съ Богомъ, или устраниться отъ

добра. Гавріилъ Ангелъ, но предстоитъ непрестанно предъ Богомъ. И сатана Ангелъ, но онъ совершенно ниспалъ изъ своего чина. Какъ тотъ по собственной волѣ удержалъ себя на высотѣ, такъ и сей по свободному произволу низвергъ себя. Можно было и тому отпасть и сему упасть, но того спасла ненасытимая любовь къ Богу, а сей удалившись отъ Бога сдѣлался отверженнымъ. Вотъ что есть зло, удаленіе отъ Бога. Стоитъ только не много оборотить глаза, и будемъ ими обращены къ солнцу или къ тѣни нашего тѣла. Естьли будешь глядѣть къ солнцу, будетъ освѣщенъ, а естьли отворотишься къ тѣни, по необходимости будетъ тебѣ темно. Такимъ—то образомъ діаволъ золъ потому, что самъ захотѣлъ быть, а не потому, что природа его противоположна добру. Отъ чего же онъ врагъ намъ? Отъ того, что будучи вмѣстилищемъ всякой злобы онъ вмѣщаетъ въ себѣ и недугъ зависти, и завидуетъ нашей славѣ. Несносна для него была безпечальная жизнь наша въ раю. По сему коварствомъ и хитростями обольстивъ человѣка, и употребивъ къ его обольщенію то же желаніе, ка-

ковое самъ онъ имѣлъ, быть подобнымъ Богу, показалъ древо, и обѣщалъ посредствомъ вкушенія плодовъ его содѣлать его подобнымъ Богу. *Аще снѣсте,* говоритъ онъ, *будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое.* Быт. 3. И такъ діаволъ не отъ сотворенія врагъ нашъ, но зависть сдѣлала его врагомъ нашимъ. Ибо видя себя изверженнымъ изъ чина Ангеловъ, онъ не могъ терпѣть того, чтобы бренный чрезъ преспѣяніе въ добродѣтели возходилъ на степень Ангеловъ.

Поелику же онъ сдѣлался врагомъ нашимъ, то Богъ и намъ вложилъ вражду противъ него тогда, какъ змію, бывшему его орудіемъ, относя угрозы къ нему самому, сказалъ: *положу вражду между тобою и между сѣменемъ тоя.* Быт. 3, 15. И въ самомъ дѣлѣ вредно дружиться съ злыми, поелику законъ дружества таковъ, чтобъ вступать въ связь съ подобными. Справедливо сказано: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы.* 1 Кор. 15, 33. Ибо какъ въ заразительныхъ мѣстахъ мало по малу вдыхаемый воздухъ непримѣтно производитъ въ жителяхъ болѣзнь, такъ

сообщеніе съ порочными причиняетъ сердцамъ великое [illegible], хотя вредъ и не вдругъ дѣлается ощутительнымъ. Отъ сего происходитъ непримиримая вражда съ зміемъ. Естьли же орудіе достойно толикой ненависти, то какую ненависть должны мы питать къ тому, кто дѣйствовалъ симъ орудіемъ? Но для чего, скажутъ, было въ раю такое дерево, посредствомъ коего діаволу можно было успѣть въ своихъ противу насъ ухищреніяхъ? Ибо естьли бы оно не имѣло въ себѣ обольстительной приманки, то какъ бы онъ посредствомъ непослушанія довелъ насъ до смерти? Для того, что надлежало быть заповѣди для испытанія нашего послушанія. Для того оно и было растѣніе, приносящее прекрасные плоды, чтобы мы удержавшись отъ сладости показали въ себѣ добродѣтель воздержанія, и по праву удостоились вѣнца за терпѣніе. Но вслѣдъ за тѣмъ, какъ вкусилъ человѣкъ, не только нарушилъ заповѣдь, но и позналъ наготу. Ибо *ядоша*, говоритъ Писаніе, *и отверзошася очи обѣма и уразумѣша, яко нази суть*. Быт. 3, 7. Но ненадлежало узнавать наготы, чтобы разумъ человѣческій не пре-

дался забошливости о не[illegible]ткахъ и не сталъ вымышлять одеждъ [illegible] прикрытія наготы своей, и вообще попеченіемъ о тѣлѣ не отвлекался отъ созерцанія Бога. Почему же вмѣстѣ съ человѣкомъ не было изготовлено и одѣяніе? Потому, что не прилично было ему ни естественное, ни искуственное. Естественное, какъ то: перья, волосы, толстыя кожи, которыя могутъ защищать отъ стужи, и облегчаютъ переносить жаръ, свойственно безсловеснымъ, кои не имѣютъ другъ предъ другомъ никакого преимущества, будучи всѣ одинаковой природы; человѣку же по мѣрѣ любви его къ Богу надлежало въ возмездіе дать лучшія блага. А занятіе искусствами доставило бы много заботъ, чего наипаче, какъ пагубнаго, должно было убѣгать человѣку. Посему и Господь призывая насъ къ райской жизни, изгоняетъ изъ сердецъ нашихъ попеченія, говоря: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете; ни тѣломъ, во что облечетеся.* Мат. 6, 25. И такъ не прилично было человѣку имѣть ни естественное, ни искусственное одѣяніе; но для него, естьли бы онъ опытомъ доказалъ свою до-

бродѣтель, уготовано было другое одѣяніе, которое по благодати Божіей сіяло бы на немъ, и бросало бы отъ себя свѣтлые лучи, какіе издаютъ Ангелы и превзошло бы разнообразіе цвѣтовъ, и ясность и блескъ звѣздъ. Не вдругъ дано ему было сіе одѣяніе, поелику оно опредѣлено было человѣку въ награду за добродѣтель, которую получить не допустило коварство діавола. И такъ діаволъ сдѣлался нашимъ врагомъ тогда, какъ по его коварству мы древле пали, и Господь предуготовилъ намъ брань противъ него, чтобы мы опять повиновеніемъ вступили въ сраженіе и торжествовали надъ нашимъ противникомъ. Желательно бы было, чтобъ онъ не сдѣлался діаволомъ, но пребылъ въ томъ же чинѣ, въ какомъ отъ начала поставленъ былъ чиноначальникомъ! Но поелику сдѣлался отступникомъ, то вмѣстѣ и врагомъ Богу и человѣкамъ созданнымъ по образу Божію. Потому онъ и ненавидитъ человѣковъ, что противится Богу. Ненавидитъ насъ, какъ достояніе Господне, ненавидитъ насъ, какъ подобіе Божіе. Но мудрый и прозорливый Промыслитель спасенія человѣческаго его же злобу упот-

ребилъ для подвига душъ нашихъ; такъ какъ и врачь употребляетъ зміиной ядъ для составленія цѣлительныхъ лѣкарствъ. И такъ кто былъ діаволъ? Въ какомъ онъ былъ чинѣ? Въ какомъ достоинствѣ? и почему онъ называется сатаною? Сатаною называется потому, что противится добру. Ибо Еврейское сіе слово такое имѣетъ значеніе, какъ извѣстно намъ изъ книги Царствъ. *И воздвиже,* говорится тамъ, *Господь противника* (сатану) *на Соломона, Адера Царя Сирскаго.* 3 Цар. 11, 14. Діаволомъ же называется потому, что въ одно и тоже время и ведетъ насъ ко грѣху и клевещетъ на насъ, радуется о нашей погибели и разглашаетъ наши пороки. Его природа безтѣлесна, какъ говоритъ Апостолъ; *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы.* Еф. 6, 12. По чину онъ начальникъ, ибо продолжаетъ Ап. *но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего.* Мѣсто его владычества въ воздухѣ, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ: *по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія.* Еф. 2, 2. Онъ называется и княземъ міра,

ибо власть его объемлетъ всю землю. Такъ и Господь говоритъ: *нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ*, Іоа. 12, 31. и въ другомъ мѣстѣ: *грядетъ князь міра сего, и во Мнѣ не иматъ ничесоже.* Іоа. 14, 30.

Но когда о воинствѣ діавола говорится: *духовомъ злобы поднебеснымъ*, то надобно знать, что въ Св. Писаніи небомъ обыкновенно называется воздухъ, какъ на пр: *птицы небесныя*; Мат. 6, 26. и также: *восходятъ даже до небесъ*, Псал. 216, 26. т. е. высоко на пространство воздуха подымаются. Посему-то и Господь *видѣлъ сатану, яко молнію съ небесе спадша*, Лук. 10, 18. т. е. лишившагося своего владычества и поверженнаго долу, чтобы попирали его надѣющіеся на Христа. Ибо Онъ далъ власть своимъ ученикамъ *наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію*. Лук. 10, 19. Поелику же низложено его злобное владычество, и вся земля очищена отъ него страданіями Спасителя, примирившаго земное съ небеснымъ, то и проповѣдуется намъ царствіе небесное. Іоаннъ говоритъ: *приб-*

лижися царствіе небесное, Мат. 3, 2. а Господь повсюду проповѣдуетъ Евангеліе царствія. И еще прежде того Ангелы возглашали: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ,* Лук. 2, 14. и ликовавшіе при шествіи Господа нашего въ Іерусалимъ взывали: *миръ на небеси и слава въ вышнихъ.* Лук. 19, 28. Множество есть побѣдныхъ пѣсней, свидѣтельствующихъ о совершенномъ сокрушеніи врага, т. е. о томъ, что не осталось для насъ на высотѣ никого, съ кѣмъ бы вести брань и борьбу, и кто бы устранялъ насъ и отвлекалъ отъ блаженной жизни; но что мы безпрепятственно можемъ идти далѣе и безпрестанно вкушать отъ древа жизни, до котораго древле не допустило насъ коварство діавола. Ибо Богъ *поставилъ пламенное оружіе, хранить путь древа жизни.* Быт. 3, 24. Но мы прошедъ оный безпрепятственно, да сподобимся вкусить оныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки, Аминь.

IX.

СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО БЕСѢДА

О ЗАВИСТИ.

Богъ Благъ и готовъ подавать блага достойнымъ: діаволъ золъ, и творецъ всякаго зла. И какъ благому естественно не завидовать: такъ отъ діавола неотлучна зависть. И такъ будемъ остерегаться, братія, порока зависти, дабы не участвовать намъ въ дѣлахъ противника, и не подвергнуться одному съ нимъ осужденію. 1 Тим. 3, 6. Ибо естьли гордый подпадаетъ одинаковому осужденію съ діаволомъ: то завистливый можетъ ли избѣжать наказанія, уготованнаго діаволу?

Не бываетъ въ душахъ человѣческихъ ни одной столь пагубной страсти, какъ зависть. Она не вредя посторроннимъ, главнымъ образомъ и собственно губитъ того, кто ей подверженъ. Какъ ржавчина желѣзо, такъ зависть снѣдаетъ зараженную ею ду-

шу. Или лучше, какъ сказывающъ объ эхиднахъ, что онѣ раждаюшся прогрызая у машерей своихъ чрево: шакъ и зависшь обыкновенно изъѣдаешъ раждающую ее душу. Зависть есть скорбь о благополучіи ближняго. Посему горесшь и досада ни на одну минушу не осшавляющъ завистливаго. Богашо ли плодами поле у ближняго, изобилуешъ ли всѣми жизненными пошребносшями домъ его, спокоенъ ли кшо въ духѣ, все это пишаешъ болѣзнь, все усугубляешъ сшраданіе завистливаго. Онъ ни чѣмъ не ошличаешся отъ человѣка обнаженнаго, кошораго всѣ бьюшъ. Мужесшвенъ ли, здоровъ ли шѣломъ, это поражаешъ зависшливаго. Иной красивъ лицемъ: это новый ударъ для зависшливаго. Такой-то отличаешся превосходнѣйшими душевными качесшвами, иной славишся умомъ и краснорѣчіемъ, тотъ богатъ и чрезвычайно щедръ на подаянія и милосшыни бѣднымъ, и за то весьма хвалятъ его благодѣшельсшвуемые имъ: все и это удары, все раны, поражающія въ самую средину сердца зависшливаго. А всего мучишельнѣе въ болѣзни то, что онъ не можешъ даже и открышь ее, но съ поникшимъ взоромъ, съ

унылымъ видомъ мяшется, досадуетъ и гибнетъ отъ зла сего. Когда спрашиваютъ его о причинѣ скорби: ему стыдно обнаружить свое горе. „Я завистливъ и золъ, меня мучитъ благополучіе друга, для меня горько, что веселъ братъ, мнѣ несносно смотрѣть на благополучіе другихъ, но благоденствіе ближняго считаю для себя несчастіемъ.“ Вотъ что сказалъ бы онъ, естьли бы захотѣлъ сказать истину. Но не могши сего открыть, носитъ во глубинѣ сердца своего болѣзнь, которая снѣдаетъ и пожираетъ его внутренность.

Такимъ образомъ ни врача не принимаетъ для излѣченія болѣзни, ни лѣкарства найти не можетъ для утоленія страданія своего. Хотя Писанія наполнены таковыми врачевствами: но онъ дожидается одного облегченія своему горю, не увидитъ ли кого изъ тѣхъ, коимъ онъ завидуетъ, въ несчастіи. Ненависть его тогда кончится, когда онъ того, кому завидуетъ, увидитъ изъ благополучнаго несчастнымъ, изъ счастливаго въ жалкомъ положеніи. Онъ съ нимъ примиряется, и становится другомъ тогда,

когда увидитъ его плачущимъ, когда усмотритъ рыдающимъ. Когда тотъ былъ въ радости, онъ съ нимъ не радовался; а когда рыдаетъ, тогда и онъ плачетъ съ нимъ. Жалуется также на превратность жизни, т. е. какому онъ подвергся бѣдствію послѣ прежняго благополучія, и превозноситъ прежнее не изъ добросердечія и не изъ сострадательности, но для того, чтобы тягостнѣе сдѣлать ему несчастіе. Хвалитъ напр. умершаго сына его и неисчетными превозноситъ похвалами: какъ онъ былъ красивъ лицемъ, какъ понятенъ къ ученію, какъ ко всему способенъ, между тѣмъ естьли бы онъ живъ былъ, ни одного слова не сказалъ бы въ похвалу его. Впрочемъ естьли увидитъ, что многіе согласуются съ его похвалами, онъ тотчасъ, перемѣнясь, обнаруживаетъ зависть и къ умершему. Удивляется богатству, когда уже нѣтъ его; превозноситъ и выхваляетъ крѣпость и здоровье тѣла, послѣ болѣзней. И вообще, онъ ненавидитъ настоящее благо, и любитъ потерянное.

И такъ есть ли что гибельнѣе сей бо-

лѣзни? Это порча жизни, отрава природы, ненависть къ дарованнымъ намъ отъ Бога благамъ, противленіе Богу. Что побудило діавола, искони злаго духа, вступить въ войну съ человѣками? Не зависть ли?— Очевидно, что она же содѣлала его противникомъ и Богу. Ибо негодуя на Бога за великія преимущества, дарованныя Имъ человѣку, онъ сталъ мстить человѣку, поелику не могъ ничего сдѣлать самому Богу. Точно тоже сдѣлалъ и Каинъ, первый ученикъ діавола, научившійся отъ него и зависти и убійству, неразрывно между собою сопряженнымъ порокамъ, кои соединилъ и Павелъ, говоря: *исполненныхъ зависти и убійства.* Рим. 1, 29. Что же онъ сдѣлалъ? Видя отличіе, сдѣланное Богомъ, онъ воспылалъ отъ ревности и убилъ отличеннаго на зло отличившему. Не имѣя силъ бороться съ Богомъ, убилъ по крайней мѣрѣ брата. Побѣжимъ, братія, отъ сей язвы, которая учитъ Богоборству, раждаетъ человѣкоубійство, смѣшиваетъ природу, не знаетъ родства; побѣжимъ отъ сего несчастія самаго безумнаго. Человѣкъ! отъ чего ты скорбишь, не имѣя ни какой болѣзни? Отъ чего враж-

дуешь противъ наслаждающагося счастіемъ, когда онъ не сдѣлалъ тебѣ вреда? Естьли же ты негодуешь, получая отъ него даже благодѣянія: то не прямо ли завидуешь собственнымъ твоимъ выгодамъ? Таковъ былъ Саулъ, для коего величайшія благодѣянія Давидовы дѣлались поводомъ къ враждѣ противъ Давида. Сперва, когда стройною и божественною музыкою его исцѣлился онъ отъ помѣшательства ума, покушался онъ пронзить копьемъ благодѣтеля своего. Потомъ со всѣмъ войскомъ будучи спасенъ имъ отъ враговъ и избавленъ отъ безчестія Голіаѳова, когда ликующія жены въ побѣдной пѣсни въ десять кратъ приписали болѣе чести Давиду въ пріобрѣтеніи побѣды: *Давидъ поразилъ тьмы, а Саулъ тысящи свои*, 1 Цар. 18, 7. за одни сіи слова и за истинное свидѣтельство сперва хотѣлъ его убить изъ своихъ рукъ и отнять у него жизнь коварно; послѣ заставилъ его бѣгать. Но и тѣмъ не кончилась еще вражда его; вооружившись на него съ тремя тысячами отборныхъ воиновъ, онъ искалъ его по пустынямъ. Естьли бы спросить его о причинѣ войны, конечно бы онъ сказалъ: причи-

ною ея благодѣянія сего человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, во время самаго преслѣдованія будучи найденъ спящимъ, онъ легко могъ быть убитъ рукою врага своего; но будучи и въ другой разъ пощаженъ праведникомъ, который страшился возложить на него свои руки, онъ не тронулся и симъ благодѣяніемъ. Но опять собралъ на него войско, и опять сталъ гонятся за нимъ, доколѣ на конецъ въ другой разъ попавшись ему въ пещерѣ, во всемъ блескѣ показалъ добродѣтель его и обнаружилъ всю злость свою. — Зависть есть вражда самая неукротимая. Ибо враговъ другаго рода укрощаютъ нѣсколько благодѣянія, а завистливаго и злобнаго благодѣянія еще больше раздражаютъ. Чѣмъ больше онъ получаетъ оныхъ, тѣмъ больше негодуетъ, досадуетъ и злится. Ибо онъ болѣе досадуетъ на то, что благодѣтель въ силахъ дѣлать благодѣянія, нежели сколько чувствуетъ благодарности за благодѣянія. Какого звѣря не превосходятъ завистливые суровостію нравовъ? Какое дикое животное не превышаютъ они жестокостію? Псы, будучи прикармливаемы, дѣлаются кротки; львы будучи питаемы, ста-

новятся ручными, а завистливые получая услуги еще болѣе свирѣпѣютъ.

Что Іосифа изъ свободнаго сдѣлало рабомъ? Не зависть ли братьевъ? Здѣсь стоитъ того, чтобъ подивиться глупой сей страсти. Опасаясь, чтобъ не исполнились сновидѣнія, они сдѣлали брата своего рабомъ, какъ будто бы уже рабу никогда не поклонятся. Но естьли сны были истинны: то какимъ средствомъ можно отклонить, чтобъ вполнѣ не сбылось ихъ предсказаніе? Естьли же были ложны сіи сновидѣнія: то для чего вамъ завидовать тому, кто самъ обманывался? И вотъ по Божію промыслу, умыслъ ихъ обращается въ противное. Ибо чѣмъ думали воспрепятствовать предсказанію, тѣмъ самымъ и открыли свободный путь къ событію. Ибо естьли бы они не продали его: онъ не пришелъ бы въ Египетъ и за свое цѣломудріе не подпалъ бы навѣтамъ сладострастной жены, не былъ бы ввержень въ темницу, не вошелъ бы въ знакомство съ чиновниками Фараоновыми и не имѣлъ бы случая разгадывать сны, отъ чего и сдѣлался начальствующимъ въ Егип-

шѣ, и братья, пришедши къ нему по причинѣ недостатка хлѣба, поклонились ему. Перейди мысленно къ той величайшей и въ самомъ величайшемъ произшествіи обнаружившейся зависти, которая оказалась въ неистовствѣ Іудеевъ противъ Спасителя. За что Ему завидовали? За чудеса. А какія были сіи чудодѣйствія? Спасеніе тѣхъ, которые требовали онаго. Алчущіе были питаемы, и на питавшаго воздвигаема была брань; мертвые оживали, и животворившаго преслѣдовала зависть, демоны были изгоняемы, и повелѣвавшему ими строились ковы. Прокаженные очищались, хромые ходили, глухіе слышали, слѣпые прозирали; и Благодѣтель подвергся гоненію. Наконецъ даровавшаго жизнь предали смерти, Освободителя человѣковъ били, и Судію міра осудили.

Такъ на все разливается зло зависти. Симъ-то самымъ оружіемъ, начиная отъ созданія міра даже до скончанія вѣка всѣхъ поражаетъ и низвергаетъ губитель жизни нашей діаволъ, радующійся нашей погибели, который самъ падши завистію, тѣмъ же порокомъ и насъ подвергаетъ одинаковому

съ собою паденію. Подлинно мудръ былъ тотъ, который не позволялъ даже вечерять съ человѣкомъ завистливымъ, чрезъ сообщеніе въ вечери разумѣя всякое сообщеніе въ жизни. Прит. 23, 6. Ибо какъ всякое горючее вещество мы стараемся какъ можно далѣе держать отъ огня: такъ сколько возможно надлежитъ удаляться отъ дружескаго обращенія съ завистливыми, дабы поставить себя далѣе отъ стрѣлъ зависти. Ибо нельзя подпасть зависти, естьли не стоять вблизи ея. Поелику, какъ говоритъ Соломонъ, *ревность мужа отъ подруга своего*. Еккл. 4, 4. И подлинно такъ. Скиѳъ не завидуетъ Египтянину, но каждый своему единоземцу; между единоземцами не завидуютъ незнакомымъ, но близкимъ знакомымъ, и изъ знакомыхъ завидуютъ только сосѣдямъ, имѣющимъ одинакое ремесло, или иначе какъ нибудь приближеннымъ, да и между сими опять сверстникамъ, родственникамъ и братьямъ. Однимъ словомъ, какъ ржавчина есть собственная болѣзнь хлѣба: такъ зависть есть язва дружества. Развѣ только за то похвалить сію страсть, что чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ тягостнѣе для под-

верженнаго ей. Какъ стрѣлы, съ великою силою пущенныя, когда ударятся во что нибудь твердое и упругое, обращаются на самаго пустившаго ихъ: такъ и порывы зависти, никакого вреда не причиняя тому, кому завидуютъ, обращаются въ удары для самаго завистливаго. Бывало ли, чтобы кто досадою своею причинялъ ущербъ благополучію ближняго? Но изтаевая отъ досады самаго себя онъ истощаетъ. Зараженныхъ завистію считаютъ язвительнѣе даже ядовитыхъ животныхъ. Сіи сдѣлавъ язву пускаютъ ядъ свой и угрызенное мѣсто мало по малу загниваетъся: а завистливые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, однимъ взглядомъ глазъ наносятъ вредъ; такъ что здоровыя тѣла, и въ зрѣломъ возрастѣ въ полной красотѣ цвѣтущія, подпадали чахоткѣ отъ завистливаго взгляда, и вся полнота тѣла вдругъ пропадала, какъ будто бы какой губительный потокъ, изливишись изъ глазъ завистливыхъ, все собою заразилъ и повредилъ. Не принимая впрочемъ сей простонародной басни, переняпой женщинами отъ старухъ, я утверждаю и самъ, что ненавистники добра, злые духи, когда найдутъ въ комъ

расположенія такія же, какъ у нихъ, всячески пользуются оными для собственныхъ цѣлей. Почему и глаза завистливыхъ они употребляютъ какъ орудіе къ достиженію воли своей. И такъ ты не трепещешь, дѣлая себя орудіемъ духа губителя, но подвергаешь себя такому злу, отъ коего становишься врагомъ тѣхъ, которые никакой обиды тебѣ не причинили, и врагомъ благаго и незлобиваго Бога.

Побѣжимъ отъ несноснаго зла сего. Оно перенято отъ змія, изобрѣтено бѣсами, посѣяно врагомъ; оно есть залогъ казни, препятствіе къ благочестію, путь къ гееннѣ, отдаленіе отъ царства. Завистливыхъ нѣкоторымъ образомъ можно узнать и изъ самаго лица. Лице у нихъ сухощавое и мрачное, щеки впалыя, брови нахмуренныя, душа возмущена страстію, не имѣетъ истиннаго сужденія о предметахъ. И доброе дѣло для такихъ людей не похвально, и краснорѣчивое слово не украшено благородствомъ и пріятностію, нѣтъ для нихъ ничего занимательнаго и достойнаго вниманія. Какъ коршуны, пролетая мимо многихъ луговъ, и

мимо многихъ пріятныхъ и благовонныхъ мѣстъ, стремятся на гнилые трупы; и какъ мухи, оставляя здоровое, бѣгутъ къ гноящимся ранамъ: такъ завистливые вовсе не смотрятъ на отличную жизнь, на великія дѣянія, а занимаются только гнилымъ. Естьли случится какой проступокъ, (что нерѣдко бываетъ между людьми) они разглашаютъ объ немъ, и съ сей только стороны и стараются выставить людей. Они подобны дурнымъ живописцамъ, которые изображаемаго на картинѣ своей отличаютъ или кривымъ носомъ, или рубцемъ, или какимъ либо недостаткомъ, произшедшимъ отъ природы или отъ болѣзни. Превращая похвальное въ худое, они искусно умѣютъ обезславить и добродѣтель выставить въ видѣ близкаго къ ней порока. Мужественнаго называютъ дерзкимъ, воздержнаго нечувствительнымъ, правосуднаго, жестокимъ, благоразумнаго коварнымъ; любящаго благолѣпіе порицаютъ роскошнымъ, щедраго мотомъ, а наблюдающаго хорошее хозяйство скупымъ. И вообще для каждой въ особенности добродѣтели у нихъ не недостанетъ имени,

заимствованнаго отъ противнаго оной порока.—

Но ужели должны мы ограничить слово свое только обличеніемъ сего порока?—Это значило бы уврачевать какъ бы вполовину. Ибо показать больному опасность болѣзни его, дабы онъ предприняль надлежащія противу оной мѣры конечно не безполезно: однакожъ оставить его только при семъ, безъ руководства къ здравію, значило бы то же, что оставить страждущаго на волю болѣзни его. Чтожъ? какъ же бы намъ въ самомъ началѣ не подвергаться сему недугу, или подвергшись избавиться отъ него?—Мы избавимся отъ него, естьли никакого человѣческаго блага не будемъ считать великимъ и чрезвычайнымъ: ни богатства человѣческаго, ни увядающей славы, ни здравія тѣлеснаго. Ибо мы поставляемъ благо не въ преходящихъ вещахъ, но призваны участвовать въ вѣчныхъ и истинныхъ благахъ. По сему не должны мы завидовать ни богатому въ богатствѣ, ни знатному въ высокихъ достоинствахъ, ни сильному въ тѣлесной силѣ, ни мудрому въ отличныхъ свѣдѣніяхъ.

Ибо это только средства къ добродѣтели для тѣхъ, которые умѣютъ ими пользоваться, а само въ себѣ не заключаетъ блаженства. Кто возпользуется симъ худо, тотъ несчастенъ. Это то же, какъ бы кто самъ себя пронзилъ тѣмъ мечемъ, который взялъ для отмщенія врагамъ. Естьли же кто хорошо и правильно распоряжаетъ имѣніемъ и распредѣляетъ дарованное ему отъ Бога, и сберегаетъ не для собственнаго наслажденія, тотъ достоинъ, чтобъ любить и хвалить его за его братолюбіе и общительность. Также естьли кто отличается умомъ, и имѣетъ даръ Богословствовать и изъяснять Св. Писаніе, не завидуй ему и не желай, чтобъ умолкъ проповѣдникъ Божія слова, хотя бы по благодати Духа Св. съ охотою слушали и хвалили его. Ибо это твое благо, и тебѣ ниспосланъ чрезъ брата твоего даръ назиданія, естьли пожелаешь принять его. Никто не останавливаетъ теченіе источника, никто не закрываетъ глазъ отъ сіянія солнечнаго, и не завидуетъ другимъ, но желаетъ вмѣстѣ съ другими и самъ наслаждаться имъ. А когда духовное ученіе течетъ въ

Церкви, и благочестивое сердце источаетъ дары Духа, для чего тогда не приклоняешь слуха своего съ радостію? для чего непріемлешь полезнаго съ благодарностію? Но рукоплесканіе слушателей еще мучитъ тебя: ты лучше хотѣлъ бы, чтобъ не было ни получающихъ пользу, ни хвалящихъ? Чѣмъ ты это оправдаешь предъ Судіею сердецъ нашихъ? Естественно надлежитъ душевное благо считать добромъ. Кто преизобилуетъ богатствомъ, отличается властію, крѣпостію тѣлесною, и притомъ хорошо употребляетъ свои блага, того должно любить и почитать, какъ такого человѣка, который имѣетъ общія средства для жизни, — естьли только онъ употребляетъ оныя правильнымъ образомъ, т. е. естьли изъ имущества своего щедро снабжаетъ бѣдныхъ, тѣло свое употребляетъ на услуженіе больнымъ, да и всѣ другіе избытки столько же считаетъ принадлежащими себѣ, какъ и всякому требующему. А кто иначе располагаетъ сими благами, того должно считать болѣе несчастнымъ, нежели достойнымъ зависти, такъ какъ онъ имѣетъ болѣе случаевъ быть порочнымъ. Это зна-

чить погибать съ большимъ приготовленіемъ и заботливостію. Ибо естьли богатство служитъ поводомъ къ обидамъ, то богатый жалокъ; естьли же оно содѣйствуетъ добродѣтели: то зависть не должна имѣть мѣста, такъ какъ произтекаетъ отсюда общая для всѣхъ польза; развѣ кто уже отъ непомѣрной злости будетъ завидовать собственному своему добру. Словомъ: естьли ты вознесешься умомъ твоимъ выше всего человѣческаго, и будешь взирать на истинно доброе и похвальное: то вовсе не будешь считать достойными хвалы и зависти всего тлѣннаго и земнаго. При такомъ расположеніи, когда не будешь удивляться никакому мірскому величію, никоимъ образомъ не можетъ приступить къ тебѣ зависть. Естьли же всячески домогаешься славы и желаешь стать выше толпы народной, и посему не терпишь быть вторымъ (ибо и это бываетъ иногда поводомъ къ зависти): то честолюбіе свое, какъ ручей, обрати къ преспѣянію въ добродѣтели. Отнюдъ не желай какимъ нибудь образомъ обогатиться или прославиться чѣмъ либо мірскимъ, ибо это не въ твоей волѣ. Но

будь справедливъ, воздерженъ, благоразуменъ, мужественъ и терпѣливъ въ страданіяхъ за благочестіе. Ибо такимъ образомъ и спасешь себя и за большія блага получишь больше славы. Добродѣтель зависитъ отъ насъ, и трудолюбивый можетъ найти ее; а чтобы имѣть великое богатство, тѣлесную красоту и высокія достоинства, сіе не отъ насъ зависитъ. И такъ естьли добродѣтель есть высшее и постояннѣйшее благо, и, по единодушному всѣхъ признанію, всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе: то объ ней и надлежитъ намъ стараться. Но она не можетъ быть въ такой душѣ, которая не будетъ очищена какъ отъ всѣхъ другихъ страстей, такъ наипаче отъ зависти.

Не видишь ли, сколь великое зло есть лицемѣріе? И оно есть плодъ зависти. Ибо двоедушіе большею частію бываетъ въ людяхъ отъ зависти. Скрывая ненависть во глубинѣ сердца, они между тѣмъ наружно показываютъ притворный видъ любви, уподобляясь подводнымъ камнямъ, кои, будучи нѣсколько прикрыты водою, для неосторожныхъ готовятъ непредвидимое зло. — И

такъ естьли изъ зависти, какъ изъ источника, произтекаетъ для насъ: смерть, потеря благъ, отчужденіе отъ Бога, нарушеніе законовъ, превращеніе всего добраго въ жизни: то послушаемся Апостола, и *не будемъ тщеславиться, другъ друга раздражать, другъ другу завидовать*, Гал. 5, 26. но *будемъ добры, сострадательны, прощая одинъ другаго, какъ и Богъ простилъ насъ во Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ*, Еф. 4, 32. съ которымъ слава Отцу купно со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

X.

О НЕПОСТИЖИМОМЪ ВЪ РЕЛИГІИ.

Іоан. 3, 1—15.

Боже! Ты обитаешь во свѣтѣ, непроницаемомъ никакимъ смертнымъ окомъ, и мы земные не можемъ объять Тебя, Безконечнаго! Но лучи твоего свѣта освѣщаютъ насъ, когда мы духомъ вѣры возвышаемся къ Тебѣ и жаждемъ словъ твоихъ всѣмъ сердцемъ. Тогда мы, какъ дѣти твои, съ полною довѣренностію покоимся въ любви твоей и ходимъ предъ Тобою. Мы хотимъ быть непорочными, хотимъ пребывать въ вѣрѣ, и такимъ образомъ жить въ Тебѣ и нѣкогда созерцать Тебя въ твоемъ величіи. Помоги намъ! Аминь.

Религія есть какъ бы самый зрѣлый плодъ и самое высшее освященіе благороднѣйшихъ способностей и силъ въ человѣкѣ. Только тогда, когда мы отъ разсѣянія внѣшними предметами возвращаемся въ самихъ себя, и возносимся къ невидимому и вѣчному, развивается въ насъ Божественное и начи-

наешся истинная, блаженная жизнь. Тогда всѣ силы нашего духа находятся въ согласной дѣятельносши и неудержимо спремятся къ вѣчной своей цѣли—искашь и найши истину, которая происходитъ отъ Бога; тогда сердце наше проникается внутреннею теплотою, любитъ и творитъ истину, спремится къ вѣчному, и только при достиженіи его успокоивается безпокойное его стремленіе. Конецъ и цѣль земнаго бытія для человѣка тогда уже не загадка; его жизнь посвящена истинѣ и добродѣтели, и онъ чувствуетъ и почитаетъ себя образомъ Божества на землѣ. Безъ Религіи смертный бродитъ безъ всякой цѣли, непрестанно находится въ противорѣчіи съ самимъ собою. Доколѣ онъ не познаетъ своего назначенія, дотолѣ при всѣхъ внѣшнихъ своихъ преимуществахъ онъ есть жертва неминуемыхъ бѣдствій.

Для сего-то премудрость и благость Божія положила во глубинѣ души человѣческой потребность Религіи, которая болѣе или менѣе, явственнѣе или темнѣе, открывается въ каждомъ человѣкѣ и въ каж-

домъ народѣ, на какомъ бы степени образованія они ни стояли; поелику Богъ никогда не истощается въ средствахъ, вести людей къ истинному свѣту и чистѣйшей добродѣтели. Но въ сколь различныхъ видахъ Религія ни является, все однакожъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что та только Религія есть истинная, которая имѣетъ благотворное вліяніе на все наше внутреннее, которая поощряетъ къ дѣятельности всѣ наши силы, образуетъ ихъ, соединяетъ между собою, и научаетъ насъ покланяться Богу въ духѣ и истинѣ. Что удобнѣе, кажется, можетъ вести насъ къ сему, какъ не просвѣщеніе ума и обширныя свѣдѣнія? Но настоящій вѣкъ ясно доказалъ, что отъ сего не только не происходитъ истинная Религія, но что сіе часто служитъ ей самымъ большимъ препятствіемъ. Кто не сознается, что вѣкъ нашъ богатѣе всѣхъ другихъ открытіями въ кругѣ человѣческаго познанія, и что онъ открылъ много такого, что донынѣ оставалось сокровеннымъ? Но, желая постигнуть и изъяснить природу и человѣка въ ихъ глубочайшихъ тайнахъ, нѣкоторые мечтали также со-

вершенно постигнуть и самое Божество. Сіе тѣмъ болѣе побуждаетъ насъ размыслить о непостижимомъ въ истинахъ Религіи, дабы слово Божіе было постоянно и дѣйствовало въ насъ.

Никодиму казалось непостижимымъ все то, что Господь нашъ ни говорилъ ему о царствѣ Божіемъ. Какъ можно сему статься? говорилъ онъ нѣсколько разъ въ продолженіи своей бесѣды съ Іисусомъ. Правда, все слышанное имъ было несообразно съ тогдашними его понятіями, и потому казалось непонятнымъ; но онъ столь же мало все сіе могъ объяснить себѣ и тогда, какъ уже увѣровалъ въ Евангеліе, и когда уже долгое время былъ ученикомъ Іисусовымъ. Ибо много въ истинной Религіи дѣйствительно непостижимаго. Разкроемъ сію истину.

Во первыхъ познаемъ самое непостижимое, во вторыхъ изслѣдуимъ причины его въ насъ, и наконецъ извлечемъ изъ того нѣкоторыя слѣдствія для нашего поведенія.

Это уже опытная для насъ истина, что истинная Религія имѣетъ благотворное дѣйствіе на внутренняго нашего человѣка, и что Евангеліе есть сила Божія, могущая всѣхъ вѣрующихъ въ Него содѣлать блаженными: впрочемъ много остается для насъ непостижимаго, и тѣмъ становится непостижимѣе, чѣмъ болѣе мы съ важнымъ размышленіемъ наблюдаемъ за понятіями и перемѣнами, которыя оно производитъ въ насъ.

Непостижимо даже самое бытіе Религіи въ насъ. Или кто можетъ объяснить, какимъ образомъ въ человѣкѣ вѣчное совмѣщается съ тлѣннымъ, святое съ беззаконіемъ, небесное съ земнымъ? Человѣкъ — внѣшними чувствами обращенный къ внѣшнему міру, потребностями тѣлесными прикованный къ сей землѣ, склонностями и страстями побуждаемый къ наслажденію низкими радостями — имѣетъ въ себѣ такія понятія, которыя простираются за предѣлы сего міра, имѣетъ сознаніе о такомъ законѣ, который у него есть общій съ духами высшими и съ самимъ Богомъ; его сердце жаждетъ такихъ благъ, которыя не

обрѣтаются на семъ позорищѣ тлѣнности. И когда мы не отвергаемъ помощи, которую подаетъ намъ Богъ чрезъ своего Сына; когда совершенно предаемся водительству Его Духа и раждаемся снова: тогда мы соединяемъ въ себѣ землю и небо, видимое и невидимое, тлѣнное и вѣчное. Что сіе дѣйствительно бываетъ въ душѣ вѣрующаго, это несомнѣнно. Но кто можетъ сіе постигнуть?

Столь же тщетно силится человѣкъ изслѣдовать и начало истинной Религіи въ насъ. Ощутивши въ себѣ бытіе Религіи, мы не можемъ разрѣшить себѣ вопроса: откуда она приходитъ въ насъ, и какимъ образомъ образовалось и еще образуется въ насъ Божественное. Самый строгій наблюдатель за внутренними своими дѣйствіями тщетно силится показать намъ, какимъ образомъ человѣкъ достигаетъ блаженной жизни. Нѣкоторые только отрывки изъ цѣлаго водительства открываются наблюдательному его взору. Что отверзло наше сердце и нашъ умъ для Божественныхъ наставленій? Откуда то безпокойство, которое

побуждало насъ, когда мы всѣмъ существомъ своимъ привязаны были къ землѣ, и которое наконецъ привело насъ къ Богу и добродѣтели? Откуда то тихое желаніе, которое не прежде успокоивается, какъ въ то время, когда мы начинаемъ жить для Господа и стремиться къ горнему? Откуда тѣ необыкновенныя впечатлѣнія отъ нѣкоторыхъ словъ и происшествій, тѣ внезапныя потрясенія, которыя, при всемъ противоборствіи чувственнаго, побуждаютъ заблуждшаго къ исправленію его образа мыслей и поступковъ? Наше просвѣщеніе и освящение есть дѣло высшей силы. Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе, по своему благоволенію; но опредѣлить образъ Божескаго вліянія, показать, какимъ образомъ Богъ возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ душѣ нашей мысли, намѣренія и чувствованія, превышаетъ наши силы. О семъ должно сказать то, что Іисусъ Христосъ сказалъ Никодиму: „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ; таковъ есть всякой, рожденный отъ духа.“

Не менѣе непостижимы и самыя дѣйствія истинной Религіи въ насъ. Естьли бы можно было, хотя на самое краткое время, одинъ разъ взглянуть на тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ Религія въ тайнѣ: какое изумленіе тогда объяло бы насъ! Впрочемъ собственный опытъ и дѣйствія, открывающіяся во внѣшней жизни, довольно доставляютъ намъ случаевъ къ познанію непостижимыхъ дѣйствій истинной Религіи. Какія силы возбуждаетъ и поддерживаетъ она въ слабомъ человѣкѣ! Какую побѣду одерживаетъ онъ при ея руководствѣ и помощи! Такъ, здѣсь мы на опытѣ видимъ, что рожденное отъ духа есть духъ. Человѣкъ, въ которомъ начинаетъ обитать вѣра, есть новая тварь съ несравненно большими силами, нежели какія имѣетъ человѣкъ естественный. Не смотря на то, что своими понятіями и свѣдѣніями привязанъ къ чувственному, посредствомъ вѣры онъ открываетъ себѣ міръ невидимый, въ которомъ надѣется нѣкогда созерцать Бога; не смотря на то, что безчисленными узами прикованъ къ сей жизни и ея благамъ, онъ охотно отдаетъ ее, когда вѣра принуждаетъ

его отречься отъ міра; не смотря на все дѣйствіе закона въ членахъ, воюющаго противъ закона Божія, онъ можетъ препобѣдить всѣ приманки и обольщенія чувственности и совершить добро; не смотря на то, что содрогается при самой малѣйшей естественной болѣзни, онъ хвалится тѣми скорбями, которыя Богъ попускаетъ на него, и бываетъ блаженъ среди самыхъ страданій. Какимъ образомъ вѣра производитъ такой свѣтъ, такую любовь къ вѣчному, такую силу, такой духъ, такую преданность, такой миръ, который превыше всякаго разума? Тщетно силится постигнуть сіе разумъ человѣческій.—И такъ непостижима истинная Религія въ своемъ бытіи, началѣ и дѣйствіяхъ.

Естьли же мы размыслимъ о ея предметѣ; то ея непостижимость для насъ нимало не будетъ удивительна. Тамъ, гдѣ оканчиваются предѣлы опыта, начинается область благочестивой вѣры и простирается въ безконечность. Какіе предметы доставляетъ намъ вѣра! Она говоритъ намъ о Богѣ, котораго не могутъ объять всѣ міры,

и предъ величіемъ котораго самые высшіе духи предстоятъ съ поникшимъ взоромъ и глубокимъ смиреніемъ:—какъ ты хочешь познать Его по существу Его? *Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небеси Сынъ человѣческій, сущій на небеси.* Она говоритъ намъ о святомъ законѣ, который имѣетъ свое происхожденіе изъ міра невидимаго, и который написанъ на твоемъ сердцѣ:—и какъ ты хочешь не прежде признать его и слѣдовать ему, пока не проникнешь въ его внутреннѣйшее? Она говоритъ намъ о намѣреніи Бога, которое Онъ имѣлъ отъ самой вѣчности и которое въ свое время исполнилъ и исполнитъ:—и какъ ты хочешь уже всѣ тайны Его имѣть открытыми предъ твоими глазами? Она говоритъ намъ о свѣтѣ, который чрезъ смерть и воскресеніе Іисуса возсіялъ въ смертной тьмѣ,—о жизни, которая ожидаетъ насъ за предѣлами жизни настоящей:—и какъ ты не довольствуешься симъ свѣтомъ? Ты хочешь, чтобы уже ничего не оставалось для тебя темнаго? Размысли о предметахъ истинной Религіи, и ея непостижимое не будетъ болѣе для тебя страннымъ.

Притомъ не забудь также и настоящаго своего состоянія. Богъ сотворилъ безчисленное множество духовъ, которые должны познавать Его, служить Ему въ Его безпредѣльномъ царствѣ, и изъ полноты Его блаженства почерпать блаженство собственное. На самой низшей ступени сихъ духовъ стоитъ человѣкъ, назначенный къ безконечному возрастанію въ мудрости и святости. Здѣсь только начало нашего образованія; продолженіе въ вѣчности, гдѣ мы ближе будемъ къ Богу и нашему Ходатаю. Къ семуто высокому назначенію мы должны стремиться при руководствѣ слова Божія. Не должны ли же мы здѣсь, по крайней мѣрѣ, издали предчувствовать и принимать вѣрою то, что тамъ нѣкогда будемъ созерцать? Справедливо называемъ мы того неблагоразумнымъ, кто отвергаетъ всякое высшее и лучшее познаніе потому только, что не вдругъ можетъ совершенно объять его, который не предпринимаетъ ничего лучшаго потому, что не тотчасъ можетъ достигнуть цѣли: но не постигнетъ ли таковой же приговоръ и насъ, естьли мы забудемъ о своемъ настоящемъ состояніи? Мы долж-

ны ходить на землѣ вѣрою, а не видѣніемъ; посему много находится для насъ въ истинахъ Религіи и непостижимаго.

Къ томужъ присоединяются еще и наши слабости. Не одни только естественные предѣлы силъ человѣческихъ препятствовали Израильскому учителю Никодиму объять и принять вѣрою ученіе Іисуса о царствѣ Божіемъ; но и предразсудки, которыми онъ напитанъ былъ еще въ юныхъ лѣтахъ, и которые посему не вдругъ могъ истребить въ себѣ. Ибо онъ уже весьма поздо, когда всѣ оставили Іисуса, доказалъ на самомъ дѣлѣ, что онъ признаетъ Его Учителемъ, пришедшимъ отъ Бога. И кто свободенъ отъ слабостей, которыя весьма часто препятствуютъ познанію истины и жизни вѣрою въ Сына Божія? Самый лучшій изъ людей принужденъ бываетъ часто жаловаться, что предразсудки, суетность и гордость часто ослѣпляютъ его, лѣность и любовь къ міру удерживаютъ его долу, безпорядочныя страсти совращаютъ его съ пути истины. Послѣ сего не должно ли быть для насъ, по собственной винѣ нашей,

много непостижимаго, шакъ что Iисусъ Христосъ говоритъ и намъ: *естьли Я сказалъ вамъ о земномъ и не вѣрите; то какъ повѣрите, естьли Я буду говорить вамъ о небесномъ?* Вспомнимъ о предметахъ истинной Религiи, о своемъ настоящемъ состоянiи, о своихъ слабостяхъ; и тогда ни мало не покажется намъ страннымъ то, что много для насъ непостижимаго.

Истина сiя весьма важна для нашего поведенiя. Разсмотримъ ее въ семъ отношенiи.

Что въ истинной Религiи много находится непостижимаго, сiе никакъ не должно устранять насъ отъ оной. Вѣра многихъ Христiанъ въ наше время охладѣла отъ того, что они не строго различали Божественное отъ человѣческаго и хотѣли переступить предѣлы, положенные Богомъ нашему познанiю. Стремясь ко свѣту, для духа человѣческаго непроницаемому, они потеряли изъ виду тотъ свѣтъ, который по благоволенiю Божiю уже свѣтитъ намъ. Тщетно вопрошая, какъ можно сему статься, они крѣпко заключили свое сердце для

вѣры,—и безъ Бога, и безъ надежды проходятъ усѣянный терніемъ путь жизни. Не радуетъ ихъ воззрѣніе на небо, не поддерживаетъ ихъ во время борьбы помощь Святаго, не оживляетъ ихъ въ знойные дни чаяніе міра лучшаго. Посему будемъ крѣпче держаться слова Божія, хотя бы и должны были иногда вопрошать: какъ можно сему статься?

И мы, при всей его непостижимости, крѣпко будемъ держаться его, естьли только со смиренномудріемъ будемъ поучаться Религіи. Наша гордость охотно и легко прощаетъ намъ, что мы не можемъ постигнуть начала и дѣйствія тѣхъ вещей, которыя окружаютъ насъ, и о бытіи которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши чувства; это нимало не унижаетъ насъ, когда мы должны бываемъ признаться, что мы находимся въ предѣлахъ человѣческаго познанія: можетъ ли же быть для насъ униженіемъ то, когда мы чувствуемъ свою ограниченность въ вещахъ небесныхъ? И естьли самъ Богъ чрезъ своего Сына открываетъ Себя намъ и хочетъ вести насъ къ истин-

ной мудрости; то не съ благоговѣніемъ ли должны мы приближаться къ Нему и принимать слово Его? Никодимъ, учитель Израильскій, не постыдился быть ученикомъ Іисусовымъ, не уклонился отъ Него странностію первой Его бесѣды, и высшій свѣтъ, крѣпкая вѣра были ему наградою. И насъ непостижимое въ истинной Религіи должно побуждать къ тому, чтобы мы тѣмъ съ большимъ смиренномудріемъ поучались оной.

Для сего мы должны учиться, познавать силу Религіи болѣе и болѣе собственнымъ опытомъ. Религія не должна быть для насъ предметомъ суетной любознательности, но путеводительницею въ нашемъ странствованіи, подругою въ занятіяхъ, утѣшительницею въ скорбяхъ. Кто съ крѣпкою довѣренностію предаетъ себя ей, для того изчезаютъ всѣ сомнѣнія, тому сообщаетъ она свою всепобѣждающую силу. Самое непостижимое ея превращается тогда въ лучи, которые изъ высшаго міра падаютъ во мракъ міра дольняго. Сомнѣвающійся находитъ тогда для себя утвержденіе, и съ веселымъ духомъ говоритъ самому себѣ: *я знаю, въ*

кого я вѣрую. Легкомысленный дѣлается разсудительнымъ, и воспламеняется святою ревностію къ добродѣтели. Изнемогающій въ борьбѣ получаетъ новое подкрѣпленіе: ибо сила Божія въ немощи совершенна. И такъ будемъ учиться познавать истинную Религію собственнымъ опытомъ; тогда и непостижимое ея будетъ для насъ силою Божіею, дѣйствующею въ насъ.

Наконецъ будемъ болѣе и болѣе утверждать себя въ вѣрѣ; ибо наше познаніе есть познаніе токмо отчасти; *вѣра же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ.* И можетъ ли быть для насъ тягостнымъ то, естьли мы и не всегда совершенно можемъ познавать намѣреніе Божіе? Онъ никогда непреставалъ свидѣтельствовать о Себѣ: ибо какъ ознаменовалъ Онъ свою любовь къ намъ, предавши за насъ своего Сына! И можемъ ли мы забыть когда либо о томъ, какъ явно открылъ Онъ въ произшествіяхъ минувшихъ лѣтъ свое могущество, премудрость и святость? Не снова ли мы убѣждены симъ чудеснымъ спасеніемъ, что Его суды непостижимы и пу-

ти Его неизслѣдимы, но что вѣрующіе въ Него никогда не бываютъ посрамлены. Посему будемъ старатьcя о пріобрѣтеніи вѣры, дабы достигнуть чрезъ нее вѣчной жизни, къ которой мы призваны. Царю же царей, блаженному и сильному, который одинъ имѣетъ безсмертіе, который живетъ во свѣтѣ неприступномъ, котораго не видалъ никакой человѣкъ, честь и слава во вѣки!

XI.

ЮНОШЕСКОЕ СЕРДЦЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОСВЯЩЕНО БЛАГОЧЕСТІЮ.

Чѣмъ юноша очиститъ путь свой? Наблюдая за собою по слову Твоему. Псал. 118, 9.

Вотъ мудрый отвѣтъ на важный вопросъ, который предложилъ себѣ для разрѣшенія Св. Давидъ, Пророкъ и Царь Израильскій. Его истина изречена для всѣхъ временъ. Никакая погрѣшность въ воспитаніи не влечетъ за собою столь много пагубныхъ послѣдствій, какъ небреженіе о образованіи сердца истиннымъ благочестіемъ и добродѣтелію. Но съ того времени, какъ между многими содѣлалось господствующимъ то нелѣпое мнѣніе, будто Религія есть порожденіе предразсудка и привычки, и имѣетъ свое достоинство только по отношенію къ простому народу, котораго грубыя страсти она должна обуздывать; съ того времени стали считать не нужнымъ знакомить сердце дитяти съ истинною Религіею. Много говорятъ о добродѣтели, которая впрочемъ

въ понятіи нѣкоторыхъ не болѣе значитъ, какъ внѣшнее благоприличіе поступковъ,—и стыдятся произносить имя благочестія, не понимая того, что благочестіе и добродѣтель есть одно и тоже; ибо безъ Бога нѣтъ добродѣтели,—она раждается только изъ нѣдръ святой вѣры въ Него. Нельзя быть неложнымъ почитателемъ истинной добродѣтели, не бывъ въ собственномъ смыслѣ благочестивымъ: благочестіе есть олтарь сердца, съ котораго жертвенный пламень святыхъ мыслей и намѣреній возносится къ небу.

Примѣръ посвященія юношескаго сердца благочестію мы имѣемъ въ Сынѣ Божіемъ, который, будучи двенадцати лѣтъ, былъ уже въ состояніи бесѣдовать съ законоучителями о высочайшихъ и святѣйшихъ истинахъ. Сильное, внутреннее влеченіе творить дѣла для прославленія небеснаго Отца своего, съ ранняго времени упражняло въ немъ ту святую силу, которая воодушевляла и руководила Его въ продолженіи всей Его жизни, — съ ранняго времени направляло всѣ Его мысли, желанія и чувствова-

*

нія къ Богу. Примѣръ, достойнѣйшій подражанія!

Одно легкомысліе и любовь къ праздности изобрѣли то несправедливое мнѣніе, что важность благочестія никакъ несовмѣстна съ склонностями и расположеніями юности, и что вступленіе на путь его должно быть предоставлено уже зрѣлому возрасту. Правда, юноша не прежде бываетъ способенъ къ принятію наставленій Религіи, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ, какъ уже съ разкрытіемъ мыслящей его способност. Но естьли благоговѣйныя чувствованія, составляющія сущность благочестія, зависятъ отъ познанія виновника жизни, правителя судебъ и мздовоздаятеля дѣлъ Бога; то для чего лишать его юную душу сего познанія? Не находится ли основаніе къ сему блаженному знанію въ душѣ дитяти? Не сообразуется ли игра его чувствованій съ тѣми высокими впечатлѣніями, которыя оно принимаетъ отъ другихъ? Не съ первыхъ ли уже лѣтъ начинается въ немъ святое, благотворное дѣйствіе совѣсти, научающее различать истину отъ заблужденія, спра-

ведливое отъ ложнаго: и естественно ли послѣ сего лишать первыхъ впечатлѣній отъ предметовъ возвышеннѣйшихъ духъ его, способный къ высокимъ представленіямъ, и сердце, поражающееся нравственною красотою и благородствомъ? Человѣкъ для изученія сего знанія, равно какъ и для его употребленія, не имѣетъ никакого особеннаго періода въ своей жизни; изъ корня его бытія возникаетъ стремленіе къ сему высокому знанію,—съ нимъ вмѣстѣ растетъ и укрѣпляется. Души дѣтей суть тѣ нѣжные цвѣты, въ которыхъ скрывается плодъ вѣчности; онѣ суть прекрасныя растѣнія въ вертоградѣ человѣчества, которыя спѣютъ только подъ вліяніемъ лучей небесныхъ. Вся наша жизнь зависитъ отъ первыхъ ея началъ; въ старости мы бываемъ тѣмъ, чѣмъ старались быть въ юныхъ лѣтахъ. Благочестію должно быть посвящено юношеское сердце!—

Сіе раннее благочестіе состоитъ въ благоговѣніи предъ Богомъ, верховнымъ правителемъ міра, въ любви къ добру и радости при его совершеніи. Чтобы руководить къ

ному юныя души, для сего не нужно больщихъ усилій. Правда, о Существѣ верховнѣйшемъ, о сладостной надеждѣ на безсмертіе разумъ дитяти можетъ составить для себя только слабое, темное понятіе, и его сердце тогда только можетъ чувствовать важность и достоинство Религіи, когда уже увеличится число опытовъ жизни и укрѣпится сила мыслящая: впрочемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ можно внушить человѣку, что его жизнь и судьба находится въ рукахъ мудраго, исполненнаго любви Отца, и что онъ непрестанно долженъ стремиться къ лучшему, потому что это есть воля Отца его; съ самыхъ раннихъ лѣтъ, обращая его вниманіе на приключенія его жизни и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находится, можно возбудить въ сердцѣ его чувство искреннѣйшей благодарности къ Богу и крѣпкое упованіе на Его святое водительство. Вамъ должно, Христіанскіе родители, заблаговременно поселять въ душахъ дѣтей вашихъ сіи высокія понятія. Вы для нихъ живой образецъ; они образуются по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя принимаютъ отъ васъ. Природа возложила на васъ долж-

ность, быть первыми ихъ учителями, и для исполненія сей священной должности не нужно никакого, пріобрѣтеннаго ученіемъ знанія,—потребно только ревностное попеченіе, внимательность и, что всего важнѣе, благочестивая жизнь. Вашъ примѣръ есть для нихъ свѣтъ, освѣщающій стезю ихъ жизни. Ваше благоговѣніе и святый страхъ къ Богу и Религіи породятъ сіи святыя чувствованія и въ сердцахъ дѣтей вашихъ. Естьли вы будете предшествовать имъ въ благоговѣйномъ занятіи молитвою; они охотно, съ дѣтскимъ простосердечіемъ послѣдуютъ вамъ въ семъ святомъ дѣлѣ. Ваши дѣйствія, воодушевляемыя искреннею любовію къ человѣчеству, воспламенятъ въ нихъ святую ревность, которая, въ послѣдствіи времени, содѣлаетъ жизнь ихъ для міра благословеніемъ небеснымъ.

Съ раннихъ лѣтъ внушать дѣтямъ истинное благочестіе, обязываетъ васъ, Христіанскіе родители, и собственное ихъ достоинство. *Въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей Ты устрояешь себѣ хвалу, вопреки враждующимъ противъ Тебя, дабы сдѣлать*

безмолвным врага и мятежника, — суть слова высокаго Псалма. Религія рано избираетъ сердце дитяти себѣ въ святилище, въ которомъ должна быть превознесена ея слава. Въ первыхъ вѣкахъ Христіанства, когда кровь невинныхъ исповѣдниковъ Іисусовыхъ была проливаема руками неистовыхъ ихъ гонителей, дѣти, по свидѣтельству одного дѣеписателя, *) въ великомъ множествѣ тѣснились къ мѣстамъ судебнымъ, желая украсить юную главу свою вѣнцемъ мученическимъ. То были дни, въ которые Религія торжествовала блистательную свою побѣду надъ сердцами человѣческими, побѣду, въ которой участвовалъ и младый, невинный возрастъ. Но она снова торжествуетъ ее и теперь, когда священный сонмъ дѣтей, преклоняя свои колѣна предъ олтаремъ Господнимъ, съ трогательною простотою сердца, изрекаетъ исповѣданіе Іисуса Христа распятаго. Ихъ первая молитва, съ робостію открывающая предъ Богомъ скромныя желанія, долженствующія сдѣлать блаженною жизнь ихъ, есть хва-

---

*) Плиній въ своемъ доношеніи къ Императору Траяну.

лебная пѣснь истинѣ и божественности вѣры, заключающей въ себѣ все блаженство. Доколѣ церковь Христова будетъ устроять себѣ хвалу въ устахъ юныхъ дѣтей, дотолѣ не одолѣютъ ее врата ада. Свидѣтельство о Христѣ, проповѣдуемое языкомъ невинности, божественною силою своею всегда будетъ низлагать и посрамлять дерзость, съ каковою хула и поношеніе, суетность и неразуміе посѣдѣвшихъ рабовъ грѣха, силятся восторжествовать надъ истиною и добродѣтелію. Христосъ своею кровію искупилъ ихъ души, и призвалъ къ наслѣдію вѣчной своей славы; а вы, человѣки, своимъ легкомысліемъ и порочною жизнію хотите отторгнуть благословлящую ихъ руку Спасителя? *Горе тому*, сказалъ великій другъ человѣковъ, *кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ: лучше бы ему было, когда бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею, и бросили его въ море.* Лук. 17, 2. Ужасной подвергаются отвѣтственности тѣ родители, которые небрегутъ о образованіи дѣтей своихъ истиннымъ благочестіемъ. Они подобны той забывшей природу матери, которая сына соб-

ственной своей плоти оставляетъ въ снѣдь бѣдности и отчаянію. Внушать дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ истины Религіи побуждаетъ родителей и собственная ихъ должность, содѣйствовать къ разпространенію царства Божія, котораго они суть граждане, и гласъ природы, призывающій ихъ къ устроенію счастія дѣтей своихъ.

Весна жизни есть время сѣянія для вѣчности. Въ сіе время ростокъ невинности и добродѣтели, долженствующій во всемъ своемъ великолѣпіи раскрыться на небесномъ цвѣткѣ, бываетъ еще неповрежденъ и свѣжъ. Нѣжное сердце дитяти способно ко всѣмъ добрымъ чувствованіямъ, ибо порокъ не успѣлъ еще пустить въ немъ своего корня; оно не боится прелестей коварнаго разврата; попеченія и заботы еще не развлекаютъ его: и ахъ! сей-то возрастъ нѣкоторые считаютъ препятствіемъ къ нравственному совершенству! Дитя,—какое доброе, нѣжное существо! Доброжелательство и довѣріе блистаетъ въ его свѣтлыхъ, откровенныхъ взорахъ. Отъ руки своей воспитательницы, все питающей природы, съ

кротостію и довольствомъ оно пріемлетъ благословенныя дары ея и безмятежно покоится въ ея нѣжныхъ объятіяхъ. Не зная и не предчувствуя стропотнаго пути жизни, бывъ свободно отъ бремени, которое въ послѣдующихъ лѣтахъ своимъ игомъ отягчаетъ земнаго странника, безъ плановъ и предположеній, оно спокойно слѣдуетъ за шествіемъ каждой минуты; его жизнь есть игра, его прекрасные дни протекаютъ въ радости, никакое облако печали не помрачаетъ ихъ. Безъ злобы и коварства, оно ласкается къ каждому; не долго чувствуетъ скорбь своей болѣзни; бывъ утѣшено ласками нѣжныхъ родителей, оно тотчасъ отираетъ свои слезы, и на его лицѣ снова просіяваетъ улыбка мирнаго спокойствія. Не имѣя многообразныхъ, мучительныхъ желаній, съ каждымъ днемъ оно получаетъ новыя, невинныя радости. Ахъ! естьли сіе скоротечнѣйшее время человѣческой жизни, время, въ которое должно быть положено начало образованія, есть столь счастливо: то почему не хотимъ мы посвятить его тому ученію, отъ котораго зависитъ счастіе цѣлой жизни? Естьли Религія должна

быть основаніемъ всѣхъ нашихъ поступковъ: то занятія ею духа и сердца никакъ не должно отлагать къ тому времени, когда уже получитъ свое начало характеръ; Религія сама должна опредѣлить его, и разкрыть нравственное достоинство человѣка для будущности.

Чрезъ раннее посвященіе благочестію сердце укрѣпляется въ любви къ добру, и предохраняется отъ опасныхъ искушеній зла. *Какъ сотворю глаголъ сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ,* воскликнулъ Іосифъ, благочестивый юноша,—и силою исторгся изъ объятій порока и его пагубныхъ обольщеній. Отъ чего, несчастный, сіи слезы, которыя проливаешь ты о твоей юности, какъ о потерянномъ времени невинности? Отъ того, что рано укоренившійся въ тебѣ порокъ, изгналъ тебя изъ рая твоей невинности въ дикую печальную пустыню. Когда ты простеръ руку свою къ пороку, жизнь твоя, подобно пріятной долинѣ, изчезла за тобою; порокъ возвелъ тебя на дикую, голую скалу, гдѣ ежеминутно разверзаются предъ тобою пропасти бѣдствій:

Ахъ, трудно владычествовать надъ самимъ собою, трудно умѣрять свои желанія по отношенію къ чувственымъ радостямъ жизни: иначе не было бы столько стенающихъ въ узахъ порока, не представлялось бы столь ужасное зрѣлище унынія нашему взору. Посмотрите на тѣхъ несчастныхъ, коихъ жизнь увядаетъ въ жалкомъ разслабленіи духа и тѣла: ихъ болѣзненный видъ есть вѣрный свидѣтель угнетающей ихъ бѣдности; унылымъ взоромъ своимъ они ясно говорятъ намъ: отъ того, что видѣло наше око, чему внимало наше ухо, мы очень рано потеряли невинность, а съ нею изчезло и счастіе нашей жизни. Вотъ отъ чего увяли наша лица, и глаза наши стали какъ погашенные угли. Стрѣлы гнѣва за раннее вкушеніе отъ древа пагубнаго удовольствія, вонзились въ грудь нашу и изсасываютъ мозгъ изъ костей нашихъ! — Естьли бы страхъ Божій и строгое вниманіе гласу совѣсти заблаговременно внушено было ихъ нѣжнымъ душамъ: жалобные вопли ихъ не возносились бы къ престолу небеснаго мстителя, и не вызывали бы къ Его праведному судилищу виновниковъ ихъ не-

счастія. Раннее благочестіе, воодушевляемое чувствомъ вездѣсущія Божія, облегчаетъ борьбу сердца съ самимъ собою; его дѣйствія поддерживаютъ естественное стремленіе къ добродѣтели, укрѣпляютъ здравіе духа, и подтверждаютъ истину словъ Соломона: *Оно доставитъ тебѣ долголѣтнюю жизнь и счастливые дни.*

Не бывъ руководимо благочестіемъ, слабое сердце не устоитъ противъ бурныхъ волнъ жизни; оно изнеможетъ, естьли не будетъ покрѣпляемо вѣрою и упованіемъ. Печальный жребій предопредѣленъ здѣсь человѣку, жребій странствованія подъ игомъ смертнаго тѣла,—въ семъ мрачномъ мірѣ, гдѣ путь его странствія часто ознаменовывается болѣзнями и страданіями, гдѣ утренняя заря, увѣнчавая небесный востокъ, каждый разъ встрѣчаетъ тысячи несчастныхъ, коихъ уединенное ложе орошено слезами горести,—гдѣ каждая звѣзда, являясь земному взору, отражается въ слезныхъ очахъ тысячи бѣдствующихъ, изнемогающихъ отъ жестокой борьбы жизни. Горе тому, кто здѣсь оставленъ одинъ! Но горе

сіе чуждо того, въ комъ благочестіе заблаговременно поселило твердое, блаженное упованіе на святое водительство премудраго Бога. Одинъ только есть источникъ истиннаго мира; чѣмъ болѣе мы черпаемъ изъ него, чѣмъ болѣе омываемся его чистою водою: тѣмъ менѣе унынiе можетъ помрачить свѣтлыя радости нашей жизни,—это есть источникъ совершеннаго упованія на Бога. Человѣкъ, воодушевленный симъ упованіемъ, безропотно переноситъ бремя жизни: ибо онъ увѣренъ, что это есть воля Существа Высочайшаго, которое непрестанно, всѣми возможными средствами старается содѣлать его способнымъ къ наслажденію высшими, безконечными радостями, а посему онъ и въ самыхъ горькихъ искушеніяхъ наслаждается тѣмъ спокойствіемъ, котораго не можетъ доставить намъ никакое земное стяжаніе.—Подлинно, недостатокъ увѣренности, что Богъ поражаетъ насъ болѣзнію и даруетъ намъ здравіе, и что безъ Его воли и одинъ волосъ съ головы нашей не упадетъ на землю, не можетъ быть вознагражденъ всѣмъ богатствомъ человѣческихъ наукъ и искусствъ; увѣренность

сія есть благо небесное, доставляемое намъ одною вѣрою. Естьли юное сердце удалилось отъ нее; то куда, въ послѣдствіи времени, обратитъ оно взоръ свой, когда будетъ блуждать по распутіямъ жизни? Веселыми ожиданіями сердце отца и матери сопровождаетъ своего любимца, при его вступленіи на поприще жизни, съ лестными надеждами поручаетъ его судьбѣ будущности; но кто читалъ книгу судебъ, кто можетъ проникнуть въ тайну своего предопредѣленія? Естьли бы предъ глазами безпечныхъ родителей раскрыта была горестная участь, которая, по опредѣленію мудраго и благаго Бога, дѣйствующаго ко благу своихъ тварей, должна въ послѣдствіи времени постигнуть дѣтей ихъ, для ихъ собственнаго благополучія, для очищенія отъ скверно плоти безсмертнаго духа ихъ; тогда съ робкимъ малодушіемъ они стали бы жаловаться на различіе счастія въ семъ мірѣ. Безразсудные! Они могли бы доставить имъ безопасное, тихое пристанище на бурномъ морѣ жизни, естьли бы сами бывъ проникнуты святою вѣрою въ Бога и въ Его промыслъ, вдохнули ее въ юныя сердца ихъ:

это есть самый драгоцѣннѣйшій даръ, который только можетъ доставить дѣтямъ любовь родительская.

Родители! естьли вы хотите доставить истинное счастіе вашимъ дѣтямъ, естьли хотите содѣлать ихъ полезными членами общества; то старайтесь прежде и паче всего образовать юныя сердца ихъ истиннымъ благочестіемъ. Отличныя дарованія и свѣдѣнія тогда только имѣютъ свою цѣну, когда онѣ дѣлаютъ человѣка истиннымъ другомъ человѣчества. Безъ сего онѣ могутъ возбудить въ другихъ одно только удивленіе, но никогда не могутъ пріобрѣсть истиннаго уваженія и любви, которыми всегда пользуется одно только доброе, истинно благочестивое сердце.—Пусть ваши дѣти вступятъ въ свѣтъ бѣдными, лишенными даровъ счастія: дайте только имъ въ руки жезлъ страха Божія; тогда Ангелъ хранитель будетъ сопутствовать имъ во всѣхъ многообразныхъ путяхъ ихъ жизни, друзья человѣчества съ благоволеніемъ примутъ ихъ, подобныя имъ души съ братскою нѣжностію отзовутся на гласъ ихъ. Но

естьли безумная ваша небрежность подвергнетъ юныя сердца ихъ владычеству порока; тогда тернистъ будетъ путь ихъ, бѣдность и презрѣніе будутъ сопровождать ихъ во все продолженіе ихъ жизни,—до самаго гроба. А что за гробомъ?—

Блаженны Христіанскіе родители! Блаженны дѣти, руководимые ими къ Богу и добродѣтели! Ихъ жизнь изобилуетъ для нихъ чистѣйшими радостями; ихъ взоръ къ вѣчности исполняетъ сердце ихъ сладостными надеждами и предчувствіями. Смерть не страшна для нихъ; посвятивши сердце свое истинному благочестію, они спокойно повергаются въ ея объятія. Ибо они знаютъ, что *благочестіе на все полезно; ему принадлежитъ обѣтованіе* не только *настоящей,* но и *будущей жизни.* 1 Тим. 4, 8.

О, да напечатлѣются сіи Апостольскія слова въ сердцахъ родителей, на которыхъ лежитъ обязанность устроить счастіе дѣтей своихъ не только для сей, но и для будущей жизни! —

XII.

СТРАСТНАЯ НЕДѢЛЯ.

Мы проводимъ нынѣ такіе дни, которые, по самому древнему Христіанскому обычаю, преимущественнѣйшимъ образомъ посвящены воспоминанію о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, и въ которые посему самому совершенно возбраняются всѣ и малѣйшія, развлекающія духъ удовольствія, и самые священные храмы оглашаются нѣкоторымъ торжественнымъ пѣніемъ печали и сѣтованія, дабы чрезъ то воскресить въ душахъ нашихъ память Того, котораго имя вѣчно свято, и который умеръ, какъ величайшій благодѣтель человѣчества. Цѣль по истинѣ превосходная, и средство съ цѣлію сообразное.

Предметы, которые ежедневно развлекаютъ наше вниманіе, и препятствуютъ намъ надлежащимъ образомъ заняться размышленіемъ о высшихъ, благороднѣйшихъ потребностяхъ нашего духа и сердца, столь многочисленны и многообразны, что многіе

посему самому теряютъ изъ вида лучшую часть самихъ себя, живутъ всегда только для настоящаго, и, кажется, совершенно забываютъ, что они сотворены и назначены для чего то большаго, нежели только для наслажденія земными радостями. Сколь спасительны должны быть для таковыхъ людей случаи, которые отъ разсѣянія внѣшними предметами могутъ возвратить ихъ въ самихъ себя, и возбудить въ нихъ вниманіе къ сему божественному гласу, изрекаемому и внутрь ихъ—въ собственной ихъ совѣсти, и внѣ—въ св. Писаніи: свергните нынѣ съ себя оковы чувственности, дабы не лишиться навсегда свободы духа! возведите взоръ вашъ изъ мрачной земной юдоли къ той исполненной свѣта высотѣ, гдѣ ожидаетъ васъ лучшая, блаженнѣйшая жизнь, естьли только вы надлежащимъ образомъ употребили время вашего приготовленія.

Ахъ! Всѣ мы, болѣе или менѣе, имѣемъ иногда нужду въ живомъ и сильномъ поощреніи къ добродѣтели, и чѣмъ болѣе кто успѣлъ въ оной, тѣмъ съ большею благодарностію способенъ принимать такое по-

ощреніе. Таковый не презираетъ даже и внутреннихъ пособій къ добродѣтели, естьли только разумъ одобряетъ ихъ, и естьли онѣ способны важныя истины очевиднѣе представлять для ума, и чрезъ то согрѣвать сердце. Для сей причины, т. е. чтобы важныя истины представлять намъ очевиднѣе и такимъ образомъ согрѣвать наше сердце, установлено и настоящее время; и сколь было бы оно благословенно, естьли бы всѣ Христіане проводили оное надлежащимъ образомъ, сообразно съ цѣлію. — Сіе время есть время посѣва благороднаго сѣмени, которое тамъ, въ странѣ вѣчности, созрѣваетъ для жатвы!

Исторія ни чѣмъ столько не руководствуетъ насъ къ истинной мудрости и добродѣтели—главной цѣли всякой науки, какъ примѣрами мудрѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ мужей, которые, какъ Ангелы, жили посреди людей. Благодареніе Богу! мы не имѣемъ недостатка въ такихъ примѣрахъ. Были люди, которые истину и добродѣтель поставляли непремѣннымъ правиломъ всѣхъ своихъ поступковъ, и которые изъ любви,

къ нимъ жертвовали своимъ счастіемъ и жизнію; и мы, слушая или читая описанія ихъ жизни, чувствуемъ себя объятыми и проникнутыми нѣкоторымъ сверхчувственнымъ, чистѣйшимъ, духовнымъ сочувствіемъ.—

Мысленно сопровождаемъ мы такого мужа на каждый его подвигъ, которымъ онъ подвизается за добродѣтель. Мы огорчаемся и безпокоимся, когда видимъ, что заблужденіе и порокъ возстаютъ противъ него,— и наши пламенныя желанія испрашиваютъ ему побѣду;—впрочемъ въ томъ только предположеніи, чтобы онъ побѣдилъ силою добродѣтели. Мы видимъ, какъ умножаются опасности, льстивыми обѣщаніями или страшными угрозами стараются склонить его къ нарушенію обязанности; и мы трепещемъ отъ страха, чтобы онъ не палъ подъ бременемъ предстоящихъ ему опасностей. Онъ пребываетъ непоколебимъ, — и, наше сердце приноситъ ему дань хвалы.

Но—его постоянство считаютъ преступленіемъ, съ непримиримою ненавистію преслѣдуютъ его; и естьли онъ не согласится

отречься отъ истины и добродѣтели, то его смерть неизбѣжна. Какъ хотѣли бы мы видѣть его спасеннымъ; впрочемъ не цѣною его добродѣтели! Пусть онъ умираетъ, естьли земная жизнь его не можетъ быть сохранена безъ потери жизни высшей, духовной.

Онъ умеръ; — изъ глазъ нашихъ льются слезы, впрочемъ не обыкновенныя слезы чувствительнаго состраданія къ несчастному; это слезы огненныя, падающія, какъ священная жертва, на олтарь добродѣтели. Съ слезами на глазахъ обращаемся мы къ небу, будучи твердо увѣрены, что тамъ есть Судія, который соединитъ нѣкогда блаженство съ добродѣтелію. Въ семъ расположеніи духа мы чувствуемъ себя способными, самое драгоцѣннѣйшее принести въ жертву добродѣтели.

Но вся исторія человѣческаго рода не представляетъ намъ примѣра мудрости и добродѣтели совершеннѣе того, который составляетъ главный предметъ Евангелія. Посему ничто столько не заслуживаетъ внимательнаго размышленія, особенно въ

настоящее время, какъ сія Евангельская исторія.

Еще ни одинъ смертный не былъ столь святой и непорочной жизни, какъ Іисусъ Христосъ, въ которомъ ни искренніе друзья Его, пользовавшіеся Его откровенностію, ни раздраженные враги его, непрестанно изыскивавшіе случаевъ, сдѣлать Его подозрительнымъ и ненавистнымъ, никакъ не могли найти въ Немъ ничего, достойнаго хулы. Слова и дѣла, ученіе и дѣятельность составляли въ Немъ одно нераздѣлимое цѣлое. Онъ изрекалъ глаголы вѣчной жизни, и жилъ такъ, какъ училъ, при всѣхъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ судьбы былъ всегда себѣ равенъ, и при всѣхъ возмущеніяхъ во внѣшнемъ мірѣ постоянно наслаждался внутреннимъ спокойствіемъ.

Чья добродѣтель испытана была столь жестокими страданіями, и при столь горькихъ искушеніяхъ осталась непоколебимою?

Вспомните о той тяжкой борьбѣ, въ которой, въ послѣднюю ночь земной Его жиз-

ни, тогда какъ всѣ ученики Его спали глубокимъ сномъ, въ уединеніи подвизалась душа Его. Вспомните о жестокихъ ругательствахъ и біеніи, которыя онъ претерпѣлъ, и о медленной, мучительной и поносной Его смерти на крестѣ. Вспомните притомъ, что давнишній другъ измѣнилъ Ему, лобызая и обнимая Его, что прочіе друзья въ рѣшительный часъ, по малодушію своему, оставили Его, и что народъ, съ которымъ, и для котораго Онъ жилъ и дѣйствовалъ съ столь великою любовію, съ неистовою ненавистію проклиналъ Его и требовалъ Его смерти;—и помыслите послѣ сего о великомъ Его спокойствіи, непоколебимой твердости духа, кроткой преданности въ волю небеснаго Отца своего; помыслите, какъ Онъ въ послѣдній вечеръ своей земной жизни старался утѣшить, успокоить и подкрѣпить учениковъ своихъ для будущаго высокаго ихъ назначенія; и какъ учреждалъ Онъ тогда вечерю въ воспоминаніе о себѣ, вечерю истинно Божественную; какъ Онъ, уже поруганный и озлобленный, ласковымъ, увѣщательнымъ взоромъ привелъ въ умиленіе сердце Петрово; какъ на крестѣ заботился

о своей Матери, утѣшалъ и ободрялъ одного изъ умирающихъ съ Нимъ, и какъ молился за своихъ жестокихъ враговъ и гонителей,—и скажите сами: имѣетъ ли вся исторія человѣческаго рода что либо столько поучительное, умилительное и высокое, имѣетъ ли равный сему примѣръ мудрости и добродѣтели?

Мы, воспитаны будучи въ Христіанствѣ, слышали исторію страданій и смерти Іисуса Христа еще въ раннихъ лѣтахъ, тогда какъ еще не были способны постигать высокихъ истинъ, и многіе изъ насъ предполагали тогда узнать въ зрѣлыхъ лѣтахъ то, что они только отчасти познали, и болѣе выучивали, нежели разсуждали и чувствовали. По сей-то причинѣ таковое изученіе обильнаго содержаніемъ Св. Писанія не вездѣ столько дѣйствительно, сколько бы надлежало ожидать сего.

И такъ будемъ внимательнѣе къ тому, что донынѣ, можетъ быть, оставляли безъ должнаго размышленія. Будемъ чаще, особенно въ сіе торжественное время, зани-

маться внимательнымъ чтеніемъ Евангельской исторіи и тщательнымъ размышленіемъ объ оной. Симъ приуготовимъ мы себѣ благословеніе небесное.

По сей же причинѣ и въ сіе особенно время, будемъ чаще и съ благоговѣніемъ посѣщать храмъ Божій. Правда, всѣ, именующіе себя исповѣдниками Іисуса Христа, и въ другія времена обязываются къ сему: но сія обязанность болѣе увеличивается въ то время, когда не только установлены особенныя благочестивыя размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа, но и всѣ прочія благочестивыя изложенія мыслей и чувствованій, какъ то, пѣсни и молитвы, къ тому же направлены.

Въ то время, когда мы живо представляемъ себѣ безконечно великія заслуги, пріобрѣтенныя намъ страданіями и смертію Іисуса Христа, не должно ли собственное наше сердце побуждать насъ къ тому, чтобы въ совокупности съ прочими Христіанами воздавать Ему, общему нашему благодѣтелю, благодарственное поклоненіе? Ибо

не за насъ ли страдалъ Онъ? Не за насъ ли умеръ? Не отъ Него ли исходитъ то благословеніе, которое пребываетъ на насъ?

Что мы познаемъ и почитаемъ Бога, съ премудрою благостію управляющаго нашею судьбою и употребляющаго оную средствомъ къ нашему нравственному усовершенствованію и къ вѣчному благополучію; что и среди жестокихъ страданій мы можемъ еще молиться съ сею вѣрою: Господи! да будетъ воля Твоя, какъ на небѣ, такъ и на землѣ; ибо Ты творишь одно благое!—что мы и въ самой смерти познаемъ Ангела Божія, препровождающаго благочестиваго человѣка въ прекрасныя страны міра совершеннѣйшаго; что даже и сквозь окружающій насъ мракъ смертный можемъ еще проникать взоромъ въ исполненную свѣта высоту, и при всѣхъ нашихъ слабостяхъ и недостаткахъ возлагать полное упованіе на небеснаго Отца нашего, естьли только мы твердо рѣшились, съ дѣтскою искренностію и простосердечіемъ ходить предъ Нимъ:—всѣмъ симъ обязаны мы единственно Ему, который предалъ себя для нашего искупленія, и ко-

торый для побужденія насъ къ духовной жизни и доставленія намъ небесныхъ благъ столь великія претерпѣлъ мученія, и умеръ столь поносною смертію. И не должны ли мы послѣ сего въ умиленіи и благодарности сердца громко исповѣдывать Его предъ цѣлымъ міромъ, и въ Христіанскихъ собраніяхъ взаимно поощрять другъ друга къ искреннѣйшей, дѣятельной Ему благодарности?

И такъ, Христіанинъ, собственное твое сердце возлагаетъ на тебя обязанность чаще и съ благоговѣніемъ участвовать въ общественныхъ Христіанскихъ богослуженіяхъ. Но не обязаны ли мы равнымъ образомъ, особенно въ сіе время, праздновать и вечерю воспоминанія и завѣта?

Правда, для такого торжества намъ способно и всякое время; но кто не видитъ, что сіе время, исключительно посвященное воспоминанію о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, есть самое приличнѣйшее для такого торжества. Установленіе онаго есть завѣщаніе умирающаго, и какого, о Боже мой! умирающаго? Того, который свя-

тѣйшую, общеполезнѣйшую, благодѣтельнѣйшую жизнь окончилъ крестною смертію, который спокойно, съ непоколебимою твердостію встрѣтилъ сію смерть, и послѣдній вечеръ земной своей жизни содѣлалъ столько благодѣтельнымъ какъ для своихъ учениковъ, такъ и для будущихъ своихъ исповѣдниковъ!—

И такъ да будетъ сіе время, посвященное воспоминанію о страданіяхъ и смерти Его, для насъ всецѣло свято и благословенно!—Христосъ далъ намъ образъ; и такъ рѣшимся, сколько возможно, подражать Ему, и быть въ такомъ разположеніи духа и сердца, въ какомъ постоянно былъ Онъ. Будемъ подражать Ему въ любви къ Богу и человѣкамъ, въ миролюбіи и кротости, и въ постоянной вѣрносщи, съ каковою Онъ дѣйствовалъ до самаго гроба, дабы и въ нашемъ состояніи, и званіи, и въ особенныхъ отношеніяхъ жизни вѣрно и по совѣсти исполнять то, что мы признаемъ нашимъ долгомъ.—Ему, который за насъ умеръ, да будетъ посвящена вся наша жизнь!—

XIII.

ГОЛГОѲА,

или

картина участи человѣческаго рода.

(Сообщено.)

Совершилось (Іоан. 19, 30.): о слово глубокое, выраженіе неисчерпаемое, обширность коего тварь конечная постигнуть не можетъ и о коемъ уста смертныя едва могутъ лепетать!

Я совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ мнѣ исполнить (Іоан. 17, 4.). *Я благовѣствовалъ миръ* (Дѣян. 10, 36.). *Я примирилъ всяческая Богу* (Кол. 1, 20.). *Сѣмя жены стерло главу змія* (Быт. 3, 15.). *Агнецъ Божій уже закланъ* (Апок. 5, 12.). *Да благословляютъ его во вѣки вѣковъ* (Апок. 5, 13.). Всѣ обѣтованія, всѣ предсказанія, всѣ прообразованія, участь временъ, судьбы предвѣчныя: все совершилось!

О глубина сего таинства премудрости Божіей (Исх. 3, 9. 10.)! *Какое сокровище*

сего неизслѣдованнаго богатства благодати и славы (Кол. 1, 27. Ефес. 1, 7—3, 8.)! Предметы неисповѣдимые, *въ которые Ангелы проникнуть желаютъ* (1 Петр. 1, 12.)! Ахъ! благословимъ Бога за то, что дозволяетъ намъ взирать на нихъ. *Завѣса разорвана* (Матѳ. 27, 51.), и мы, благоговѣйною рукою поднимемъ священный край ея.

Святилище, открытое для всей твари, Голгоѳа, представляетъ зрѣлище величественное, долженствующее вѣчно быть предметомъ нашего созерцанія; человѣкъ, подобно Ангелу, долженъ непрестанно осматриваться и открывать чудеса его.

Но взоры наши поражаетъ нѣчто новое, не замѣченное донынѣ лобное мѣсто являетъ намъ въ себѣ всеобщее прообразованіе участи человѣческаго рода. Все раскрыто, все совершилось, все исполнилось на сей освященной горѣ: благословеніе и проклятіе! Три креста поставлены на оной не безъ причины. По срединѣ возвышается *жертвенникъ умилостивленія* (Исх. 30, 10.), *престолъ благодати* (Евр. 4, 16.), *источ-*

никъ, отверзтый для омытія грѣха и нечистоты (Захар. 13, 1.). Какая дивная противоположность! Какое униженіе! Какое величіе! Сынъ Божій и сынъ человѣческій; *начальникъ жизни* (Дѣян. 3, 15.), *и жертва умилостивленія* (Рим. 3, 25.)! *Господь славы* (1 Кор. 2, 8.), *и человѣкъ въ язвѣ сущій* (Ис. 53, 3.)! *Праведный за неправедныхъ* (1 Петр. 3, 8.) *сопричтенъ къ злодѣямъ* (Ис. 53, 12.). *На Немъ лежитъ наказаніе, миръ имъ приносящее* (Ис. 53, 5.).

При видѣ *солнца правды, носящаго здравіе въ лучахъ своихъ* (Малах. 4, 2.), солнце природы покрываетъся мрачными облаками; *ибо наступило время и власть тьмы* (Лук. 22, 53.).

Чада перваго Адама, рабы грѣха и смерти, проникните тьму сію; *воззрите на послѣдняго, новаго Адама* (1 Кор. 15, 45.), *дабы получить оправданіе и жизнь. Христосъ былъ для насъ жертвою грѣха и проклятія, дабы мы въ Немъ оправданы и освящены были предъ Богомъ* (2 Кор. 5, 21.). Се человѣкъ въ полнотѣ совершен-

ства; *образъ* (1 Петр. 2, 21.), *путь, истина и жизнь* (Іоан. 14, 6.). Се природа человѣческая, возстановленная въ первоначальную свою красоту; *образъ небесный* (1 Кор. 15, 49.), къ которому стремиться должны падшія души.

По правую и по лѣвую Его сторону, злодѣи, твари падшія, *достойное по дѣламъ своимъ пріемлющіе* (Лук. 23, 41.); *ибо возмездіе за грѣхъ есть смерть* (Рим. 6, 23.). А какъ *всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей* (Рим. 3, 23.); *то осужденіе всѣхъ и постигло* (Рим. 5, 18.).

Распятый на крестѣ, Тотъ, *который имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18.), *который есть воскресеніе и жизнь* (Іоан. 11, 25.), сей *Агнецъ Божій, принимающій на себя грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29.), предлагаетъ имъ *ранами своими исцѣленіе* (1 Петр. 2, 24.), *ибо Онъ вознесъ на древо грѣхи ихъ и болѣзни* (Ис. 53, 45.). *Злодѣи не узнаютъ Его въ Его униженіи, мнятъ, что Онъ въ трудѣ и озлобленіи отъ Бога*

(Ис. 53, 3. 4.), *и злословятъ Его* (Мат. 27, 39.).

Но, о неизреченное чудо любви! *Сія благодать, которая помогаетъ во время нужное* (Евр. 4, 16.), *сія благодать, которая спасаетъ, которая есть даръ Божій* (Еф. 2, 8.), являетъ преизобильное свое богатство (Еф. 2, 7.). *Одною правдою получаютъ человѣки оправданіе, дающее жизнь* (Рим. 5, 18.). Всѣ были осуждены; *нынѣ же нѣтъ осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 1.). *Новое твореніе* (Еф. 2, 10. 2 Кор. 5, 17. Гал. 6, 15.) *открывается.* Разлученіе *овецъ отъ козлицъ* (Мат. 25, 32.) производится.

На крестѣ по правую сторону зримъ мы образъ *сосудовъ милосердія* (Рим. 9, 23.), *благословенныхъ Отца* (Мат. 25, 34.), *сыновъ царствія* (Мат. 13, 38.), *рожденныхъ отъ Духа* (Іоан. 3, 8.) *и оживленныхъ познаніемъ* Іеговы, *Бога спасающаго* (Іоан. 17, 3.). Солнце правды бросаетъ на грѣшника кроткій лучь свѣта, и тьма разгоняется; *открываются глаза его, онъ пре-*

ходитъ изъ—подъ власти сатаны къ Богу, дабы получить прощеніе грѣховъ и часть наслѣдія съ тѣми, кои освящены вѣрою во Спасителя (Дѣян. 26, 18.). *Сія новая тварь, на которой почіетъ миръ* (Гал. 6, 15. 16.) *и для которой все древнее прошло* (2 Кор. 5, 17.), восклицаетъ: *Господи, воспомни о мнѣ, когда придешь въ Твое царствіе* (Лук. 23, 42.). *Я осужденъ справедливо, и достоинъ смерти* (ст. 41.); *но помилуй меня* (Мар. 10, 47.). *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13.)! *Безъ Тебя я не могу ничего* (Іоан. 15, 5); *но духомъ я имѣю надежду оправданія чрезъ вѣру* (Гал. 5, 5.).

Нынѣ же будешь ты со Мною въ раю (Лук. 23, 43.), отвѣчаетъ ему *Тотъ, который пришелъ взыскать и спасти погибшее* (Лук. 19, 10.). *Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и ты спасешься* (Дѣян. 16, 31.). *Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. 3, 36.). *Вѣра есть единое средство къ спасенію души* (Евр. 10, 38. 39.). *Вы спасены благодатію, чрезъ вѣру; и сіе не отъ васъ; но Божій даръ* (Ефес. 2, 8.).

На кресшѣ по лѣвую сторону, пребываешъ шьма, какъ *въ странѣ тѣни смертной* (Маш. 4, 16.). Мы видимъ образъ *сосудовъ гнѣва, готовыхъ на погибель* (Рим. 9, 22.); *проклятыхъ* (Маш. 25, 41.); *сыновъ лукаваго* (Маш. 13, 38.), *кои, будучи рождены отъ плоти* (Іоан. 3, 6.), *въ плоти пожинаютъ тлѣніе* Гал. 6, 8.), *и во Адамѣ умираютъ* (1 Кор. 15, 22.). Они въ невѣрствіи своемъ говоряшъ: *естьли ты Христосъ, спаси себя и насъ* (Лук. 23, 39.); *я богатъ и ни въ чемъ не имѣю нужды* (Апок. 3, 17.); *я не таковъ, какъ прочіе человѣки* (Лук. 18, 11.); *гдѣжъ обѣтованіе? ибо все пребываетъ также, какъ отъ начала творенія* (2 Петр. 3, 4.). Ахъ, почшо уши ихъ не слышашъ сего гласа милосердія, взывающаго къ нимъ: *или ты не боишься Бога; ибо ты осужденъ праведно* (Лук. 23, 40. 41.)! *Кто ты, что споришь съ Богомъ* (Рим. 9, 20.)? *Вы, оправдывающіеся дѣлами закона, вы чужды Христа, отпали отъ благодати* (Гал. 5, 4.), *и не знаете, что вы окаянны, жалки, и бѣдны, и нищи, и слѣпы, и наги* (Апок. 3, 17.). *Не вѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ*

Божій пребываетъ на немъ (Іоан. 3, 36.). *Онъ уже осужденъ* (Іоан. 3, 18.); ибо сказано: *въ день, въ который ты окажешь преслушаніе, смертію умрешь* (Быт. 2, 17.). *Смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что всѣ согрѣшили* (Рим. 5, 12.).

Отвратимъ взоры наши отъ сего мрачнаго зрѣлища; *ибо Богъ опредѣлилъ насъ не на гнѣвъ, но къ полученію спасенія, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, умершимъ за насъ, чтобы мы, бодрствуемъ ли, или спимъ, вмѣстѣ съ Нимъ жили* (1 Ѳес. 5, 9. 10.). *Ибо праведный вѣрою живъ будетъ* (Евр. 10, 38.).

Однако же, приходя ко кресту Спасителя, да помнимъ мы и о семъ крестѣ проклятія. Образъ трехъ Голгоѳскихъ крестовъ да будетъ всегда предъ нами. Крестъ Господа Іисуса да будетъ непрестаннымъ прибѣжищемъ нашимъ и единственнымъ нашимъ упованіемъ, а кресты разбойниковъ да будутъ намъ примѣрами: одинъ, благодати, дарованной намъ, другой, жребія, который мы заслужили.

Конецъ ожесточеннаго преступника да исполнитъ насъ ужаса; ибо всѣ сокровища благодати были раскрыты предъ нимъ. И напротивъ того, конецъ вѣрнаго, да преисполнитъ насъ надеждою; ибо онъ былъ грѣшникъ, такой же, какъ и мы, *а Іисусъ Христосъ есть тотъ же и нынѣ* (Евр. 13, 8.). Всегда время приходить *къ сему доброму Пастырю, полагающему жизнь свою за своихъ овецъ* (Іоан. 10, 11.), *который ходитъ за пропавшею до тѣхъ поръ, пока найдетъ ее* (Лук. 15, 5.). Наша обязанность есть, не пропускать ни одной минуты, не посвящая Ему всего существованія нашего, и не отходить уже отъ правой стороны сего Искупителя. Станемъ повторять Ему каждодневно: *я* вѣрую, что *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мат. 16, 16. Іоан. 6, 69.). *Помяни насъ Господи*! (Лук. 23, 42.). Воскликнемъ отъ глубины сердца: *я знаю, въ кого вѣрую* (2 Тим. 1, 12.). *Я распялся со Христомъ, и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ; а что теперь живу во плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго себя за меня* (Гал. 2, 20.). *Я уже не для себя жи-*

[illegible], но для умершаго за меня и воскресшаго (2 Кор. 5, 15.). *Тѣ, кои суть Христовы, распяли плоть со отрастьми и похотьми* (Гал. 5, 24.). *Будемъ искать горняго, а не земнаго; ибо жизнь наша сокрыта со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 1. 3.). *Будемъ новою тварію* (2 Кор. 5, 17.); *соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его и воскресенія; чтобы ветхій нашъ человѣкъ распятъ былъ съ Нимъ, дабы изчезло тѣло грѣха и мы не были болѣе рабами грѣху. Умремъ грѣху и будемъ жить для Бога во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 5. 11.). *Онъ есть лоза, пребудемъ въ Немъ, дабы приносить плодъ; ибо безъ Него, мы ничего дѣлать не можемъ, такъ какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, ежели не будетъ на лозѣ* (Іоан. 15, 5.). *Будемъ всегда носить въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, дабы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ* (2 Кор. 4, 10.). *Познавъ, что человѣкъ не оправдывается дѣлами закона, а только вѣрою во Христа* (Гал. 2, 16.), *сохранимъ сію вѣру* (2 Тим. 4, 7.). *Отвергнемся себя, возьмемъ крестъ свой и послѣдуемъ за*

Іисусомъ (Матѳ. 16, 24.). Тогда, тогда токмо *обрѣтется въ насъ плодъ Его* (Осіи 14, 9.); *мы исполнены будемъ плодовъ правды Іисусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію* (Фил. 1, 11.); *дѣла наши пойдутъ въ слѣдъ за нами* (Апок. 14, 13.) *и вѣнецъ жизни будетъ намъ уготованъ* (2 Тим. 4, 8, Іак. 1, 12.).

О глубина богатства и премудрости Бога (Рим. 11, 33.) *Отца, благословившаго насъ во Христѣ всякимъ благословеніемъ* (Ефес. 1, 3.) *на Голгоѳѣ. Ему да будетъ слава во вѣки! Аминь.* (Рим. 11, 36.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ПИСАНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ:

1. Святаго Іоанна Златоустаго
Слово о томъ, что кто самъ себѣ не дѣлаетъ обиды, того никто обидѣть не можетъ . . . . 3.
2. Святаго Василія Великаго
Слово о постѣ . . . . 123.
Бесѣда о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла . . . . 243.
Бесѣда о зависти . . . . 272.

II. ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ:

1. Всякое время имѣетъ свой духъ, и всякой духъ имѣетъ свое время 61.
2. О служеніи намъ Ангеловъ Хранителей . . . . 84.
3. Взоръ Христіанина на новый годъ 104.
4. О бытіи Божіемъ . . . . 147.
5. О теплотѣ въ Христіанствѣ . . . 226.
6. О непостижимомъ въ Религіи . . 291.
7. Юношеское сердце должно быть посвящено благочестію . . . . . . 308.

8. Страстная недѣля . . . . 325.
9. Голгоѳа, или картина участи человѣческаго рода . . . . 337.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Напечатано.			*Читать должно.*
Стран.	Строк.		
44 —	4.	что печь	чтобъ печь
— —	26.	пересилились	переселились
45 —	19.	было	была
87 —	24.	получаемей	получаемой
91 —	11.	міръ	миръ
98 —	10.	предѣлы	предѣла
157 —	2.	непрерѣкаемымъ	непререкаемымъ
178 —	19.	міра	мира
192 —	5.	оный	оное
211 —	13.	удонольствіе	удовольствіе
250 —	9.	Иса. 65, 7.	Иса. 45, 7.
264 —	18.	быть,	быть таковымъ,
270 —	12.	Псал. 216,	Псал. 106,
278 —	9.	гонятся	гоняться
301 —	4.	слжишь	служишь

